

Я. ГОЛОСОВКЕР
**СКАЗАНИЯ
О ТИТАНАХ**

Я. ГОЛОСОВКЕР СКАЗАНИЯ О ТИТАНАХ

Я. ГОЛОСОВКЕР СКАЗАНИЯ О ТИТАНАХ

Я. ГОЛОСОВКЕР

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1994

БК 84Р1

Г61

Художник *Ю. Киселев*

Г $\frac{4803010201-002}{M 101(03)-94}$ Без объявл.

ISBN 5-08-002325-2

ОТ АВТОРА

Древнеэллинические сказания о мире титанов, титанических народов и великанов как цельные, законченные фабулы не дошли до нас ни в форме поэтических произведений, ни в прозаическом изложении. Однако у множества древних авторов — поэтов и ученых — на протяжении полутора тысячелетней разработки мифологических сюжетов об античном мире сохранилось немало отрывочных упоминаний и намеков, связанных с этими сказаниями, исчезнувшими еще в эпоху расцвета Элады.

Издавна занимали меня сюжетные связи этих уцелевших осколков мифологического наследия древних эллинов о мире титанов и приемы построения античных мифов, но только годы спустя созрел замысел восстановить и выразить в литературно-художественной форме утраченные сказания, отражающие самое раннее детство творческой мысли эллинов.

Наивные, грандиозные и даже, при всей своей чудовищности, трогательные образы их титанического мира, залитого отсветом мечты о золотом веке человечества, не могут не пленять воображение не только юного, но и более зрелого поколения.

Сказания о титанах служат как бы вступлением ко всему эпическому наследию древнеэллинического мира с его героической мифологией. Самые великие мысли человечества, возникшие в воображении поэта при первых лучах познания природы и взаимоотношения людей, самые потрясающие душу чувства были запечатлены в этих сказаниях с такой необычайной мощью и образностью, на которую способно только воображение в эпоху самой ранней поэзии,

когда воображением познают и когда оно в образах мифа предвосхищает идеи и открытия грядущей науки.

Из этого круга сказаний о титанах Эсхил извлек свой образ Прометея — зевсорборца.

Воссоздавая древние мифы, автор не стремился реставрировать стиль и форму исчезнувших эпических сказаний. Автором руководило желание передать самый дух и образы мифотворческой античной поэзии с наибольшей пластичностью и внушить читателям любовь к этим огромным, титаническим людям с их стихийными чувствами и первыми большими, столь человеческими печальями среди радостного олимпийского мира.

Иногда от этих сказаний веет сказочными трагедиями, как от большинства мифов, но их трагизм не удручает читателя, а пленяет и радует, подобно трагизму грозовой тучи, разрешающемуся дождем и радостным вздохом природы и людей. Самое темное в этом сказочном титаническом мире должно быть проникнуто полным светом жизни, самое уродливое должно восхищать своей возвышенностью.

Сказочнику-реставратору вряд ли остается другой путь для возрождения давно утраченных старинных поведений.

Фабула сказаний о титанах развивается главным образом на фоне борьбы старшего поколения богов — бессмертных титанов Уранидов с младшим поколением богов — Кронидами. Предание объединило события их длительной борьбы в сказание о великой битве между богами и титанами — в Титаномахию. Она включалась в древние стихотворные космогонии и теогонии — в эпические произведения о происхождении мира-космоса и богов. От нее сохранился только перечень имен титанов с краткими и глухими упоминаниями о судьбе некоторых из них после победы богов Кронидов.

Отдельные намеки на эпизоды борьбы богов и титанов мы находим в различных мифах, связанных с героями-полубогами, — например, с Персеем, Гераклом и другими.

Центральной фигурой, вокруг которой объединены титаны, является Крон.

Центральной фигурой круга Кронидов является сын Крона — молниевержец Зевс. Но в «Сказаниях о титанах», составляющих эту книгу, их взаимная борьба уже позади. Крон низвергнут в тартар. Над всем и всеми — владычество Зевса. Однако Зевс здесь еще не гомеров олимпиец, отец богов и людей. Его одухотворение начнется позднее.

Пока он только грозен и страшен и всех превосходит мощью, ибо в его руке перун-молниемет.

Наступило господство Олимпийского пантеона. Перед нами открываются грозные страницы предания об участии побежденных титанов. В далекой мгле предания среди смутной для нас массы титанов выступают могучие образы и звучат безобразные величественные имена. Они боги в борьбе с богами. О них помнят, но дела их забыты. Их бессмертие становится столь же смутным, как смутны самые массы титанов. В их именах еще скрытно бушуют стихии. У иных из них страшные облики — необъемные, неизъяснимые. В них моря, пучины, бури и вихри, грозовые тучи, светила. В их ряды ворвались ужасающие хтонические, подземные, существа, все чудовищное недр земли, пропастей и дебрей.

И сами титаны, бывшие боги, превращаются нередко в сказочных людоедов-драконов, полузверей-полуптиц-полузмей, порой с девичьими головами, невиданной красоты и свирепости.

И тут же, рядом с титанами, возникают новые исполины, дети Земли — змееногие человекообразные существа: гиганты.

Титаническое и гигантическое переплетается, хотя гиганты смертны, а титаны бессмертны. Они вовлекают в свой круг создания, рожденные Ночью и Хаосом: мрачные образы подземных демонов наряду с иносказательными фигурами космоса — и весь этот чудовищный, кошмарный мир фантазии и умозрения прикрывается наименованием: дети Земли, титаны. И мы уже не знаем, что в этом фантастическом мире — стихийное, звериное и что — благое, человеческое: где перед нами действительно титаны.

Длительное поэтическое существование их смутных образов и имен, исчезновение древнейших сказаний о титанах как о богах и возникновение новых поэтических сказаний, связанных уже с господством Олимпийского пантеона, спутало и сместило ранние и более поздние образы титанов и смысл всего титанического мира, изменившегося до неузнаваемости.

Бывшие эпические образы благих титанов исчезли — они замещены в мифах Гомерова эпоса образами уродливыми и ужасающими, сохранившими порой только их прежние имена. Древние эллины периода господства Олимпийского пантеона перестали узнавать в этих чудовищах — Медузе,

Ехидне, Скилле, Ладоне — былых прекрасных титанов или потомство титанов, до того позабыли в Элладе о древнем мире благих титанов — богов, подобных Прометею, и об их печальной судьбе.

Даже поэты-трагики V века до новой эры часто не отличали титанов от гигантов.

Титаны перестали быть бессмертными. Хотя строгие очертания богов Олимпа, запечатленные поэзией и ваянием, возвращают впоследствии иным из титанов утраченный ими прекрасный человеческий облик, столь же божественный, как и образ самих богов Олимпа, но лишенный определенного характера, титанизма, — однако древний мифологический эпос все-таки шел своим путем: от титанов-богов к титанам-чудовищам.

Мир под властью олимпийцев надо было очистить от чудовищ. И тогда боги порождают смертных героев — полубогов, чтобы уничтожить эти исчадия Земли, эти Пелории-чудовища, остатки бывшего титанического мира.

И только теперь, в сказке, мы восстанавливаем из осколков предания бывшее титаническое существование Уранидов, воссоздавая их первоначальный прекрасный, человеческий, прометеев образ в отблеске представлений о золотом веке на земле, и возвращаем им право на благородное наименование т и т а н ы.

ПРЕДВАРЕНИЕ

Когда Гея-Земля и Уран-Небо познали друг друга, Гея родила сперва Сторуких — исполинов чудовищной силы, но лишенных гармонии. Как у Вихрей и водных Пучин, было у каждого из них по сто во все стороны стремительно вращающихся рук и по пятьдесят голов. Устрашенный их образом и мощью, Уран вверг их обратно в недра матери-Земли, в ее многоплодное чрево. Они осели в глубинах морей и бездн тартара.

Вслед за Сторукими родила Гея-Земля новых исполинов — Одноглазов-Киклопов, солнечных и громовых. Высоко в небе сверкал их круглый огненный глаз посреди покатога лба, свой подземный огонь превращая в небесное сияние. Их руки опускались молотами, оглушая землю и небо, и тогда колебались вершины гор и земля сотрясалась. Но и Киклопов вверг Уран обратно в недра матери-Земли, устрашенный их мощью.

Тогда горы, груди Земли, выкормили новое племя — Великанов. Тяжкой каменной поступью зашагали по земле Людогоры-великаны, головами касаясь облаков. Но порой не могли они поднять тяжкую ступню и, оставаясь на месте, окаменевали.

Гея-Земля страдала от нескончаемых родовых мук и от

жестокости Урана, ввергавшего рожденных от него детей обратно в материнскую утробу, потому что знал Уран-Небо от вещей Геи-Земли, что будет свергнут одним из своих сыновей.

Наконец родила Гея счастливое племя — Титанов. По имени их отца, Урана, предание именует перворожденных титанов Уранидами.

Титаны, дети Земли, были бессмертны. Одни из них носились бурями и грозами по воздуху или веяли ласковыми ветрами. Другие радовали землю и небо сиянием своих солнечных, лунных и звездных лучей, которые исходили из их огненной крови. Третьи, водяные титаны, владели морями, озерами, реками и ключами. В лесах жили лесные титаны, в горах — горные, по лугам — луговые.

Неистово-стихийно проявлялись изначально их чувства и воля. Их образ был человекоподобен и прекрасен, исполнен той дикой гармонии, какую поражает наш взор далекий горный пейзаж или волнующееся море.

И были среди них мужи-титаны и жены-титаниды. Они ведали всем, чем богата земля.

Никто не знает их первоначального числа. Предание об этом умалчивает. Но оно сохранило имена самых могучих из перворожденных титанов, которых стали именовать вождями, когда у титанов появились враги — боги Кронида и когда между титанами Уранидами и богами Кронидами вспыхнула борьба за власть над миром.

Всех древнее титан Океан и Тефида, жена Океана. Они жили в Мировой реке-океане, опоясывающей землю, и остались ее владыками даже тогда, когда мир попал в руки богов.

О прочих перворожденных титанах наши сведения смутны и скудны: о морских титанах Форкии и Тавманте, о пучине Кетó, о горнем Кóе и горном Крїи, о солнечном Гипериóне и вольнолюбивом Япéте. Были среди них и титаниды: всё помнящая Мнемосина, сама справедливость Фемида, вся земная Рея, вся небесная Тея и яркая Феба.

Всех человекоподобнее был вольнолюбивый титан Япет, но и всех мятежнее и непримиримее в борьбе. Такими были и его три сына, япетида: сверхмогучий Менэтий, Прометей-Промыслитель, знающий тайны Судеб-Мойр и думы матери-Земли, и Атлант.

Стало множиться племя титанов. В Мировой реке-океане от титана Океана и Тефиды родились бессмертные красавицы — океаниды. Сколько валов видит глаз в дали океана, столько было и океанид. И любили их титаны и боги. В морях от правдолюбивого титана Нерее родились морские девы нерейды — все сереброногие. Сколько их было, не счесть: сто — не сто, десять — не десять, а как засереблятся на море, досчитаешь до полста и рукой махнешь: море... Одни из них любили морскую тишь, другие — легкую зыбь, третьи — буйную пляску волн, а иные — ураганную удаль.

Солнечный Гиперион породил от небесной Тейи Гелия-Солнце, и Селену-Луну, и Эос-Зарю. А титан горный Крий породил звездного Астрея. И уже от Астрея Эос-Заря родила звездных титанов.

Все росло и росло племя титанов, радуясь жизни, не зная смерти и страдания. Как темные грозовые тучи сменяются перистыми облаками, а облака — лазоревым покоем, так сменялись порывы ярости и бурные игры титанов безмятежным течением чувств, сродным шелесту лесной листвы или плавному потоку речных волн.

Так размножились титаны, что уже появились на земле титанические благие народы — островные, лесные, горные, степные, порою диковинные по образу, одаренные от природы мудростью, вольные и правдолюбивые: блаженные феаки и кентавры, древолюди-лапиты и дриопы, амазонки — нимфы на конях, и другие народы титановой крови.

Из всех перворожденных титанов самым младшим был Крон, любимец Геи-Земли. Не стерпела мать-Земля мук рождения и тяжести ввергнутых Ураном обратно в ее чрево

рожденных ею исполинов; создала она тогда в недрах своих адамант — металл пожелезнее железа и потверже алмаза, сделала из него серп и взмолилась к своим сыновьям — перворожденным титанам, чтобы освободили ее от свирепой власти Урана.

И внял ее мольбе титан Крон. Принял он от Геи волшебный адамантовый серп и, подкравшись к Урану, лишил его ударом серпа деторождающей силы.

Радостно вздохнула Гея. Вышли снова на свет из ее материнского чрева Сторукие и Киклопы. Главой мира и титанов стал Крон.

Но и новый владыка мира устранился мощи Сторук и Киклопов. И когда сковали Киклопы адамантовые цепи, наложил он эти цепи на самих Киклопов и на Сторук и снова сверг их в тартар.

Говорит предание, будто тогда, в царствование Крона, наступил на земле золотой век — век блаженства детей земли.

Женой Крона была перворожденная титанида — Рея.

Стала Рея рождать детей от Крона. Но, опасаясь участи Урана — утраты власти, ревниво следил Крон за рождением детей и, как только рождался юный бог, сын или дочь, тотчас поглощал новорожденного.

Но все в мире изменилось, когда Рея родила третьего, самого младшего из сыновей, Зевса, и тайно выпестовала его, обманув Крона.

Говорит предание устами поклонников Олимпа:

Как крив был серп, так криводушен был Крон. Кривыми путями пришел он к власти. Но Зевс был властительно-умен. И когда вырос в тайном убежище и стал могуч, решил он овладеть миром и покорить титанов Уранидов. Но сперва дал он Крону волшебное зелье, и Крон вырыгнул проглоченных им детей — богов Кронидов: братьев Зевса — Посейдона и Аида — и его сестер.

По совету Геи — она всем мать и советчица — первыми вывел Зевс из тартара Киклопов, подземных ковачей, и

благодарные Киклопы выковали Зевсу громовой перун-молниемет, Посейдону — трезубец, холодную молнию, и Аиду — шапку-невидимку.

Стали сильны боги. И возгорелась Титаномахия — великая борьба богов и титанов Уранидов с Кронидами.

Титаны Ураниды боролись за свою титанову вольность и свою титанову правду, Кронидамы — за власть над миром.

Долго длилась эта борьба, и не одолел бы Зевс с Кронидами титанов, если бы не вывел Зевс из тартара Сторуких.

Близ древней Фтии, в горной Фессалии, где протекает бурный Сперхей, меж Офридским хребтом и Олимпом разыгралась мировая битва. Титаны стали на отрогах Офриды, Кронидамы — на многовершинном Олимпе.

Бесхитрость погубила титанов. Они поплатились за свою простоту чувств, прямолинейную честность и гордость, за веру в прямую силу. Они пренебрегали лукавством ума — лукавство претило их гордости. Они пренебрегали силой мысли, овладевшей оружием. Коварство было непонятно их правде. Здесь в мифе эллинов дано первое столкновение меж сердцем и умом, меж знанием и наивностью.

Исход битвы решили Сторукие и молнии Киклопов. Взвились тьмы рук-вихрей. С такой быстротой устремились, будто само бегущее время помогало Кронидам. Полетели в титанов тучи исполинских глыб и жгучие молнии. В глубины тартара были свергнуты самые могучие из перворожденных титанов-вождей, и рассказывает предание, будто дальновидный новый властитель мира поставил над ними стражами Сторуких, чтобы избавить богов от опасной мощи своих союзников-исполинов.

Над миром воцарились Олимпийцы.

Но не завершилась борьба великой битвой. Еще долгие века все новых и новых не покорившихся Крониду одиноких

грозных титанов низвергали в тартар молнии Зевса и солнечные стрелы его сына — Солнцебога Аполлона. А других отверженных титанов, утративших бессмертие, истребили полубоги-герои.

Об их участи повествуют сказания этой книги.

Κ Κ Α } Α Η Η Σ

Ο ΤΙΤΑΝΗΣ
ΑΤΛΑΝΤΗΣ

ЧАСТЬ I

СКАЗАНИЕ О ТИТАНЕ АТЛАНТЕ И О СЧАСТЛИВОЙ АРКАДИИ

В те далекие времена, когда мудрость еще не была седой, а была юной, как раннее утро, жил могучей жизнью в Счастливой Аркадии титан-исполин — брат Прометея Атлант. Было ему тысяча лет или еще и еще тысяча, о том не знали ни боги, ни люди. Годы и века скользили по нем, словно мимо него, а он оставался в расцвете сил, бессмертный, как каменная гора.

Опаленный молниями, пребывал во мраке тартара¹ низвергнутый туда его отец, титан Япет. И, как все сыновья Япета, знал Атлант больше, чем другие титаны, и больше, чем того желали победители Кронида, боги Олимпа.

¹ Пояснения мифологических имен даны в «Мифологическом словаре» в конце книги.

Но не любят боги тех, кто хочет быть мудрее богов.

Высоки Аркадские горы. Каменной грядой опоясали они Счастливую Аркадию, отделив ее от угрюмо-бурных морей и печальных долин. И всех выше поднималась среди Аркадских гор Чудо-гора. И впрямь, не гора, а чудо!

На той Чудо-горе и жили титан-исполин Атлант и его семь дочерей-титанид, по имени их матери, красавицы Плеоны, прозванных Плеядами — звездными девушками.

Да и чем Плеяды не звездные девушки! Разве есть еще где-нибудь на земле такие сияющие девушки-титаниды, как на Чудо-горе, под небом Счастливой Аркадии! И пусть будут у них дети полубоги или боги, на небе или на земле — они все те же Плеяды, звездные девушки.

Был счастлив титан Атлант, так счастлив, что, бывало, говорили меж собой пастухи далеко за хребтом Тайгета:

— Есть на Чудо-горе невиданный сад, недоступный для смертных. Перед входом в сад стоит великан, счастливый Атлант, и на поднятых руках держит небо.

А когда в полдень чудно сверкали каменные горы, говорили меж собой пастухи:

— Плеону встречает счастливый Атлант у небесной дороги.

А когда наступал вечер и зажигались первые звезды, говорили меж собой пастухи:

— К счастливому Атланту, выйдя из моря, прошла через горы сияющая Айфра.

Такое прозвище дали Плеоне пастухи.

Семь дочерей у Атланта, семь Плеяд: шесть веселых, а седьмая, Меропа, невеселая. Веселых любили бессмертные боги Олимпа, а невеселая, Меропа, полюбила титана Сизифа.

О, и сметлив же Сизиф! И смел умом. Не то что с богами — с самой Мойрой-Судьбой мог бы поспорить. Сам хотел быть ковачом своей судьбы. И за смелый ум полюбил Сизифа мудрый Атлант. Но и Сизифа не любили боги и таили коварные замыслы. И, как оно часто бывает при

борьбе с коварным врагом, научился и Сизиф коварству: стал лукавейшим из лукавых. Потому много небылиц, как птицы на ягоды, налетело на жизнь Сизифа и поклевало правду о нем.

Говорила одна птица-небылица, будто был смертен Сизиф и будто до того стыдилась Мeroпа своей любви к смертному, что, бывало, чуть станут играть сестры Плеяды в мерцание звездных огоньков, перебегая по исполинским елям, уходила Мeroпа из хора сестер, садилась одна над глубоким ущельем Киллены и окутывала лицо, словно шалью, туманом.

Знал Сизиф о стыде Мeroпы, видел, как тускнеет она от смущенья, что он смертен, и задумал Сизиф пережить Смерть. И когда повстречался со Смертью, обманул ее хитрец, умудрившись прожить две жизни. Вот каков был Сизиф! Уравнял себя с бессмертными богами.

Долго смеялся Атлант в Счастливой Аркадии над хитростью Сизифа. Еще дольше смеялись боги Олимпа и, смеясь, даровали Сизифу бессмертие, да только не в жизни живой, а в жизни мертвой¹ — в тартаре: вечную казнь бесцельным трудом. По отвесному скату катил он в гору огромный камень — не камень, а солнце, не в гору, а в небо, но у самой вершины той горы до неба камень-солнце срывался и летел стремглав к подножию горы. И вновь катил его Сизиф в гору, будто солнце на купол неба.

И осталась смутной плеяда Мeroпа, навсегда устыдившись мира.

Так рассказывали века спустя о любви Мeroпы и

¹ Мифология эллинов не признает полного уничтожения, небытия. Мир разделялся на мир живой жизни и мир мертвой жизни. Отделяла один мир от другого Мировая река-океан. Чтобы достигнуть мира мертвой жизни, надо было переплыть или перелететь океан. Обычно в мире живой жизни обитают боги, титаны, принятые в пантеон олимпийцев, и смертные. Мир мертвой жизни соединен с преисподней и царством Ночи. В нем обитают тени умерших, божества айда, демоны преисподней и дети Ночи: Эриннии, Сны, Керы-Беды и др.

Сизифа. Но бессмертен был титан Сизиф. Потому-то и вечною казнью казнили его боги в тартаре.

Был счастлив Атлант и так огромно-могуч, что, бывало, поднимал он руки к небу, мыл их в облаках, пуская облачные барашки, словно мыльную пену, и говорил, смеясь:

— Руки мои руки, руки титана, так бы вами я все небо поднял над моей Чудо-горой и Аркадией!..

Слышали слова Атланта другие титаны и радовались. Но слышали их и боги Кронида. И лучше всех услышала их богиня Гера с ее бурным титановым сердцем — сердцем Уранидов.

Самовластна богиня. Не боролась Гера с титанами. Не участвовала в великих битвах Уранидов с Кронидами. На дне Мировой реки, у праотца Океана, укрывалась в дни свержения титанов. И хотя была из рода Кронидов, враждовала с Зевсом и ревнивым глазом властительницы смотрела на его благосклонность к Плеядам.

Зачем хочет Кронид иметь от них сыновей? Что таит от нее? Неужели задумал сделать Геру безвластной? Так пусть же безвластным станет он сам!

Знала Гера о том, что были у Атланта еще пять других дочерей — Гиады. Прозывали их Плачущими. Не жили Гиады на Чудо-горе — уходили в страны дождей и туманов, чтобы вместе с дождями оплакивать юношу Гиада. Растерзало юношу чудовище. Так ли, не так ли, но исходили по нем сестры Гиады от печали слезами.

— Ох, и доплачетесь вы! — бурчали им старые тучи.

Потому и говорила Гера коварно богам:

— Что за дочери у Атланта? Одни — смеющиеся: Плеяды, а другие — плачущие: Гиады. Смеющихся утешают боги: от них богам утеха. Но никто из богов не утешит плачущих. Или так оно у бессмертных? Вот у смертных иначе: там смеху ни к чему утешение — утешают только печалющихся. Попробуйте-ка и вы, боги, утешать печалющихся.

Говорила и сама усмехалась в душе, скосив глаз на Кронида.

А Кронид уже на Киллене, в Аркадии, любитесь веселой игрой Плеяд, любитесь Майей, Электрой, Тайгетой... Что-то слишком долго любитесь Зевс веселыми титанидами с Чудо-горы.

Да проведал ли об этом Атлант?

Знает Гера, отважен и непреклонен Атлант — не примирился он с Зевсом. Прометей-Промыслителя, сына Япета, приковал Зевс к скале Кавказа. Потому-то и ушел Атлант из-под власти миродержателя на свою Чудо-гору.

Как солнце, всевидящим мог бы быть Атлант. Но не захотел он все видеть. Закрыв глаза на мир Кронидов и только видел свою Чудо-гору, да юных титанов, да своих веселых Плеяд-титанид.

Все видеть мог бы Атлант, но предвидеть, как Прометей, не мог.

Говорила Плеона Атланту:

— Опасно не видеть мира.

И умел же Атлант ответить Плеоне:

— Моя Чудо-гора и есть мой мир. Не хочу я иного мира. Нет конца чуду жизни. Здесь, на Чудо-горе, открыты мне все чудеса. Все здесь узнает Атлант.

Но не знал Атлант, что замыслил Кронид приманить Плеяд в небо поближе к жилищам богов, похитить их из Счастливой Аркадии. А что замыслит всевластный бог, то он и выполнит.

Уже гремит на Олимпе грозное слово Кронида. А по правую руку Кронида богиня Дика-Правда сидит.

— Что задумал Атлант-кознодей, Япетово семя! Все-знающим быть захотел: мне — соперником? Захотел глубину моря жизни познать и грядущее видеть? Криводушен Атлант, весь в замыслах темных. Не Атлант ли поднял титанов на Диониса, бога-ребенка? Растерзали бога-ребенка титаны. Не Атлант ли держит звездных Плеяд в

плону на своей темнице-горе? Не Атлант ли нарушил заветы богов — рассказал титану Асопу, кто похитил его дочь, речную нимфу Эгину? Что задумал теперь горный отшельник! На Кронида руки поднять? Будут бедра в плечах у него! Будут руки в бедрах его! Станет он Горой-Человеком. Придет герой, окаменит тебя — и будешь ты, Гора-Человек, камнем-горой!

Но не знал прямодушно-мудрый Атлант о своих винах перед миром на своей Чудо-горе. Не знал, что жизнь прожить на Чудо-горе — уже вина перед богами.

Гремит грозное слово Кронида. А по правую руку Кронида богиня Дика-Правда сидит.

Услышала Гера грозное слово, унеслась с Олимпа, кличет зовом титановым Атланта. Опустилась к нему на дремучей Горе Вепрей — Эриманфе. Сказала:

— Береги Плеяд, Атлант! — И ударила об землю рукой — так ударила, что гул от удара докатился до самого тартара, где под стражей Сторуких томились в оковах низверженные титаны Ураниды. Поклялась Уранидами Гера, что слова ее непреложны; их призвала в свидетели.

Еще не было такого случая, чтобы Кронида клялись подземными Уранидами.

Ничего больше не открыла Гера Атланту. Не могут боги открывать тайны других богов. Но не внял Атлант голосу Геры.

Что ему, Атланту, оберегать Плеяд! От кого? Как сказать вольным титанидам: «Не уходите за Чудо-гору»? Да и удер~~жи~~шишь ли звездных девушек! Уйдут, убегут... Не хочет Атлант темных тревог: не залетают Керы-Беды на Чудо-гору. На то она и Чудо-гора. Не покинет Атлант своей Чудо-горы для темных тревог.

И все же закружились Беды-тревоги вокруг Чудо-горы. Омрачилось счастье Атланта. Припомнил титан: как-то с высокого места окликнул он титана коринфской горы Эпопы, где живут солнечные титаны Гелиады, и видит: влечет Зевс-Похититель кого-то к морю. Ударило молотом в

сердце титана. Прянул он с Чудо-горы на Эпопу и узнал в добыче Кронида речную нимфу Асопиду Эгину. Тут забрел к нему на Чудо-гору престарелый водяной Асоп спросить Атланта: не видал ли он где Эгину? Не пошел титан против титановой правды, открыл Атлант Асопу, кто похитил речную нимфу.

Не забудет ему Кронид, похититель Эгины, этой правды.

Был у Геры, некогда аргосской владычицы, верный страж, тысячеглазый Аргус Панопт, из рода титанов.

Как узнала Гера, что плеяда Майя родила на Киллене Зевсу Гермия-бога и что ночью похитит Зевс Плеяд-титанид, послала тотчас к Атланту на Чудо-гору тысячеглазого Аргуса. Любому титану доступна Чудо-гора. Не открыла Гера Аргусу всей своей думы. Только сказала:

— Возмути, Аргус, сердце Атланта. Замани его глазами на небо.

Знала Гера: чуть взойдет Атлант на Олимп и увидят друг друга титан и Кронид, вспыхнет тотчас нежданная битва. Одолеет Зевса титан — быть тогда Гере владычицей мира. Не возьмет верх, — ну что ж! — полюбуется богиня битвой.

Объявился тысячеглазый Аргус на Чудо-горе. Там, на Чудо-горе, Аргус как дома. Взглянул на Атланта тысячами глаз — так взглянул, будто все звездное небо заглянуло в душу Атланта и замерцало в ней чудно. А глаза всё глядят да глядят на титана, входят в него лучами, зараживают, манят... И такую тоску по звездам заронили в Атланте, и такую отвагу, что рванулось сердце титана — взбежать на небо, сорвать с него цветы-звезды и усеять ими Чудо-гору, и руки, и грудь, и ноги...

Не для одних же богов цветы-звезды небесные!

И забыл Атлант, что звезды тоже боги. И забыл Атлант, что на Чудо-горе в звезды играют Плеяды и что все звездное небо сверкает над Чудо-горою. Заворожил

Аргус Атланта. А раз что захотелось титану, так уж ничем не удержишь — добудет титан звезды с неба.

Но не даст ему Кронид унести небесные звезды на Чудо-гору. Оставит их Кронид миру богов. Задумался титан...

И шепнул тут Атланту Аргус:

— Береги Плеяд. Похитит их в эту ночь Всевластный Похититель.

Тогда поднял Атлант руки к небу, кликнул клич, созывая юных титанов: пусть кинутся с ним на Олимп.

К Мировой реке-океану, в мир мертвой жизни ушли древние могучие титаны. Туда их изгнали Кронида. Не осталось их в жизни живой. Но в Счастливой Аркадии и вокруг — на горе Тайгете и Эпопе — еще жили их дети: не драконы, не звери-чудовища, а созданья, как боги, прекрасные и сильные титановой правдой¹.

Вышли на клич Атланта титаны гор, и титаны рек, и титаны лесов один за другим. И стало их трое, и стало их

¹ Отличительными чертами характера титанов, согласно мифологическому преданию, были правдивость и прямота (см. Гесиод, Эсхил и др.). Титаны нравственно стойки, верны данному слову, непреклонны в борьбе. Их правда нерушима. Она им прирождена. Она их братский и боевой клич, который противопоставлен в сказаниях боевому кличу Кронидов. По этому кличу титан-оборотень узнает другого титана и обязан ему открыться. Морально возвысив титанов, миф объединил ретроспективно титанов с мифологическим золотым веком, то есть с раем на земле, поставив царем золотого века вождем титанов, сына Неба (Урана) титана Крона, а царицей его жену, Рею. Титаны необычайно могучи, сверхсильны и верят бесхитростно только в эту свою прямую силу, которая тоже входит в их правду. Им чуждо коварство.

Однако титанова правда одновременно с этим — лютая правда. Титаны — существа стихийные, безудержные, неистовые. Их страсти люты. Они люто любят, люто борются — до конца — и в этой борьбе до конца страдают. Таковы Атлант, Идас, Медуза, Ехидна.

Позднее, когда титаны были превращены в чудовищ, их лютая правда была превращена в злую правду, в злобу, и самые образы титанов и их поступки были очернены: они стали внушать ужас и отвращение. Только образ зевсорбца — титана Прометея благодаря Эсхилу остался в памяти эллинов и потомства титаническим в положительном смысле. Он служил выражением самых свободолюбивых и высоких требований мятежного человеческого духа, дерзающего похищать огонь с неба и не уступать деспотизму законов мира невзирая на сверхчеловеческие страдания.

пятеро, и стало их десятеро. Десять титанов! Чего только не свершат в мире десять титанов! Устремились юноши-титаны вслед за Атлантом на Олимп, чтобы с Олимпа взбежать на небо.

Но уже ждал их взгремевший Кронид с перуном в руке. И на самых вершинах Олимпа, где богиня облаков Нефела пасла стада облачных коров, встретились бог и титан.

Один на один вышли в бой Атлант и Зевс. А другие юноши-титаны столкнулись с другими богами у стремнин и отрогов Олимпа.

Рванулись руки Атланта к Крониду, хотят обхватить его мощь, с громами, с огнями-трезубцами, с грозовой главой, с эгидой-страшилищем, как тучи косматой. Обхватят его титановы руки — не выпустят: зажмут, как стены ущелья зажимают Вихрь-Ураган. Тогда бесись не бесись, завывай, рви, разворачивай глыбы, раскальвай скалы огнями-копьями, взрывай воздух — не вырваться: задохнется в ущелье Вихрь-Ураган.

Метнул Зевс молнии из огнемета-перуна. Ловит Атлант их тройные жала руками. Что ему молнии! Мало ли плясунный-зарниц ловил титан в юности веселыми руками, играя ими, как играют бликами дети. Но не зарницы злые молнии Зевса — жгут они и пронзают, опалили ладони и пальцы титана.

Молнию за молнией мечет Зевс. Позади Зевса Пегас, крылатый конь-молниевик. Сбросит конь-молниевик груз молний и летит на крыльях-вихрях к Лемносу, в подземную кузницу Киклопов, за новым запасом раскаленных жал. Куют кузнецы-Киклопы молнии Зевсу.

Молнию за молнией, злые трезубцы, мечет в противника Зевс. Уже от плеча до запястья в сквозных ранах руки Атланта, будто не руки они, а соты на полнеба, ограбленные огненными осаами.

Уже пронзают те осы плечи и грудь титана. Впиваются в бедра, в бессмертные мышцы черными язвами. И у каждой мышцы свой голос, живой. Стонет, кричит мышца от

боли, просит у титана пощады: «Мне больно, Атлант!»

Но не сдастся, не отступит титан, весь в огне и дыму. Ухватить хочет Зевса руками. Да руки ли это?..

Обуглилось тело Атланта. Уже не покорны жилы отваге титана, и одно только упрямое сердце ведет битву — сердце, крепкое правдой, как адамант.

Ослепленный сверканьем перуна, оглушенный громами, ухватился Атлант со стоном за одну из вершин Олимпа. Отломить ее силится и всей тяжестью бросить в бога.

Много их, вершин, на Олимпе! Еще не кончилась битва.

Где же вы, братья-титаны? Где вы, юноши-исполины?

И видит Атлант, как один за другим летят они с воплем вниз головой, корчась, в бездны, с неба на землю, титан за титаном — все десять... И золотые стрелы-лучи Аполлона дрожат в их пронзенных телах.

Обхватив левой рукой вершину Олимпа, повис Атлант над почвой земли¹. А внизу свирепо рычит, обезумев, весь в пене Сперхей, вздымая волну за волной на помощь титану.

Но высок Олимп.

Сечет, хлещет Зевс Атланта молниями.

И тут всей яростной мощью титана рванул Атлант скалу. Обломилась вершина Олимпа, уступая мышцам исполина.

Скользит, свергаясь, огромное тело Атланта под бичами-огнями Крониды. Все быстрее паденье. И свергаются вслед за титаном с гулом и грохотом камни-громады, стволы-великаны и чудовища-змеи. А над ними в дымно-багровых клубах туч, нещадно хлеща и бичуя, — сам Кронид-грозовик.

И боги за ним любопытной толпой, так жестоко ликуя...

Не помнил обожженный Атлант, как ударились его пяты о почву земли. Только сжал он дымящимися локтями поникшую голову, прикрываясь от молний-бичей и гони-

¹ Мы пользуемся выражением «почва земли», означая именно «почва», так как «Земля» для эллинов — это божество: мать-Земля, Гея.

мый разъяренным врагом; в синем блеске небесных стрел куда-то бежал слепыми прыжками, бежал впервые за свою титанову жизнь.

Что под ним? Горы? Ущелья? Реки? Пустыни? О том не знают ноги Атланта — бегут: скачут и падают, встанут — и вновь бегут...

Уже самым огнеметом-перуном бичует Атланта Кронид, и гонит, и гонит... Куда? По путям? Без путей?..

Где твое счастье, Атлант?

Истлевали травы, чернели пески и камни под тяжело-огромной опаленной стопой титана. Обугливалась листва и кора деревьев. И, мгновенно испаряясь, иссякала в ключах вода под жарким вихрем безумного бега Атланта.

Сорвалась богиня облаков Нефела с Олимпа. Хочет влажно-прохладным облаком окутать Атланта, охладить жар его горячей головы. Но отбросил свирепо Зевс облако, разорвал, как шкуру овечью, разметал клочья по воздуху. И бледным призраком укрылась Нефела от гнева Крониды за спиной Геры в черных тучах.

Так до самого края земли гнал Атланта к океану победитель Кронид. И громá повторяли раскатами голос Крониды:

— Горе, горе тебе, Гора-Человек! Будут ноги в плечах у тебя! Будут руки в бедрах твоих!

Высоки берега Мировой реки-океана. Как огромные зубцы гребня-великана, поднимаются они отвесно, уступами, над темными водами. Между зубцами гребня, извинаясь глубокими прорывами, тянутся к океану голые ущелья, но у самых вод стелются устья ущелий пурпуром песков.

Ночь. Стихла битва. Зияя черными ранами, лежало иссеченное огромное тело Атланта у вод океана, на высоком гребне, все в рубцах, словно кто письменами-исполинами испещрил его по обугленной коже. Одна рука титана свисала недвижно над пурпуром песков, другая тонула во мгле ущелья.

Что за пир вокруг тела титана? Кто вы, гости ночные? Не птицы, не звери, не нетопыри. Без крыльев реют и вьются — легче воздуха, духа жизни... Это Тени-скитальцы непогребенных, те, что блуждают над почвой земли. Закрыты для них врата айда.

Жадной стаей приникли Тени к телу титана. Как псы, лижут раны Атланта, выпивают по капле жизнь — его бес- смертную кровь, отгоняя друг друга. И над ними, ныряя, взлетая, с воем кружатся в полудреме стаи отверженных Теней: отогнали их счастливые Тени. И сколько их! Борются, бьются за кровь. Только б каплю испить...¹ И вот оживут — на мгновенье. О, как дорого это мгновенье! Столько в нем!.. Не века — мириады веков.

— Дай припасть! Дай мне выпить... Еще каплю... одну... Дай ожить...

Но жестоко отгоняют молящих новые толпы Теней, отрывая их рот от ран Атланта. Кружатся, реют Тени — кружатся, реют и молят:

— О, еще бы мгновенье!..

И поют, засыпая, Тени прощальную песнь — песнь Времени-Хроносу:

О, кто знает, как мерится Время?
В нем часы — не часы.
Вы спросите звезду. Она скажет:
Век? — Он краток, как миг.
Миг? — Он долог, как век.
Только там, где кончается Время,
Поднимается Чудо-гора.
Дольше долгого сна титана
Для Теней мгновение жизни,
Если нет во сне Сновидений
Близ реки Мировой, океана,
Где багряный берег заката.

¹ По верованиям древних эллинов, тени умерших теряют память и живут призрачной жизнью. Но, испив крови, они на мгновение оживают, и память к ним возвращается.

Ночь закрывала ворота. Из-за гор океана бледно тянулся сумрак.

Кончен пир. Улетели испуганные Тени.

Видел рассвет, видел Утренник-Пирфорос на крылатом алом коне, предвестник Утра-Зари, как все еще дымилось почерневшее тело титана и зияли на нем по-прежнему раны меж багровых борозд от молний-бичей.

Вздохнул океан.

И вышли из вод океана на берег сестры-океаниды. Волосами отерли тело титана — золотыми, зелеными. Облоскали раны губами. И запели Гимн исцеления.

Знали титаниды океана: нет лекарства целительнее, чем песня. И под песню заживали раны Атланта. Повелели волшебницы вод:

— Встань, Атлант!

Но недвижимым оставалось бессмертное тело титана... И вздохнули печально сестры-океаниды:

— Мы бессильны! Пусть Атланта пробудит отец Океан.

И вот вынырнул по пояс из черных вод праотец богов, древний титан Океан. Подплыл к берегу. Словно мхи водяные в игре перламутра, словно агатов-сапфиров сияние, так диковинно-чудно мерцала сила Отца потоков и рек.

Положил титан Океан руки на тело Атланта. Повелел:

— Встань, Атлант!

Но безгласно, мертвой громадой оставалось лежать бессмертное тело титана.

Удивился отец Океан. Уже давно тому, годы-векá, как ушел он на дно Мировой реки от живой жизни земли и от горя земного. И покинула Океана власть над силой живой. Не повинуется ему, древнему, жизнь тела.

— Я бессилен! — вздохнул Океан. — Не поднять мне гору горя титана. Пусть сильнейший или тот, кто древнее меня, Океана, поднимет Атланта.

Погрузился седой Океан в глубину вод мировых.

И пришел не сильнейший, а мальчик.

И задорно же крикнул мальчик:

— Пойте, пойте, сестры-океаниды, колыбельную песню титану Атланту! Новорожденный встанет. Пойте, пойте, океаниды! Я люблю колыбельные песни.

Подбежал мальчик к телу Атланта. Говорит:

— Я — сын Майи-плеяды, Гермий, твой внук. Дед богов, что лежишь и молчишь? Я пришел поиграть с тобой в небо и землю. Удержал бы ты небо на руках?

Открыл глаза Атлант, посмотрел на мальчика-бога. И снова закрыл их.

А хитрец Гермий твердит свое:

— Говорила мне мать, Майя-плеяда, будто нет на земле у прабабушки Геи никого, кто был бы так могуч, как Атлант. Если правда, что ты так могуч, подними-ка небо руками, оторви его от земли!

Открыл глаза Атлант, посмотрел на мальчика-бога. И снова закрыл их.

Не знал Атлант, что Кронид-бичеватель дальновиден: речью ребенка искушает его титанову силу. Не знал Атлант, что пред ним дитя-искуситель.

Лежал тогда край неба у края земли на каменных хребтах берега и скатом падал в Красные моря. Омывали небоскат морские волны, и тот, кто выплывал в открытое море, видел всегда впереди, как моют небоскат волны моря. И хочет доплыть до него, до этого небесного ската, — плывет, плывет, но не может: все впереди тот небесный скат.

А хитрец Гермий все твердит свое:

— Разве есть кто сильнее тебя? Сам Кронид не поднял бы неба. Подними, я помогу тебе, дед. Или титаны Япетиды не сильнее Кронидов?

В третий раз открыл глаза Атлант, посмотрел на мальчика-бога. И снова закрыл их.

А хитрец Гермий все твердит свое:

— Встань, Атлант! Подними небо на плечи титановой силой, встряхни его крепко. Пусть попляшут на нем боги

Кронида, пусть попрыгают с неба на землю. А мы будем смеяться и бить в ладоши. Ох, какие же у тебя большие ладони! Хлопнешь ими — и загремят они громче громов Крониды. Потряси небо, дед! Давай играть вместе в небо и землю: ты да я. Встань, Атлант!

И услышал Атлант это «встань». Охватила Атланта радость. Поднял он свое тело с земли, шагнул через гребень и вырос над берегом горою перед мальчиком-богом. И вот уже взялся он руками за край неба — и приподнял.

Тяжко небо. Ушли ноги титана под тяжестью неба глубоко в почву земли — так глубоко, как уходит подошва горы. Упер он изогнутые ладони в край свода, стиснул его пальцами, поднимает небо все выше. Уже до поясицы поднял небо Атлант, а мальчик-бог ему задорно кричит:

— Выше, дед, выше! Поиграем в землю и небо!

Еще выше поднял Атлант небо, до самой груди донес. А мальчик-бог не унимается:

— Еще, еще выше! Подними выше головы, чтобы видел Кронид нашу мощь титанов.

И выше головы поднял небо Атлант. Вдавился в ладони и пальцы хрустальный край. Ниже склонил титан голову и опустил небо на плечи... И вот хотел было он подбросить небо всей титановой мощью вверх, чтобы грохнуть им оземь, но не отнять ему рук от края небосвода. Будто припаялись к небу руки ладонями, будто вросли в него. Не разогнуть, не оторвать. Стали руки словно каменные. И сам Атлант словно окаменел. Хочет приподнять склоненную голову, хочет развернуть плечи — и не может титан.

Тут забил мальчик-бог, искуситель, в ладоши:

— Что же ты не потрясешь небо, Атлант? Что не сбросишь его с плеч обратно на землю? Вот стоишь ты теперь предо мною Горой-Человеком. А Кронида не прыгают с неба на землю. Быть может, только смеются.

И засмеялся Гермий-обманщик:

— Кто же теперь сильнее: ты — титан или я — бог из

рода Кронидов? Ты, прикованный руками к небу, или я, житель неба и вестник богов-победителей?

И вторично засмеялся Гермий-обманщик:

— Вот и поиграли мы с тобою в землю и небо! Стой же, Атлант-Небодержатель, небесным столпом Заката. Перекликайся с титаном, прикованным на другом краю земли,— со столпом Восхода, с Прометеем. Перекликайтесь, Япетиды! А боги сядут за пир. Не услышат ни боги, ни люди вашего голоса из-за граней земли.

Ничего не ответил обманутый титан, только выдохнул разом воздух из грудных мехов, как из горна. Дунул — и нет Гермия: унесло Гермия-бога, словно пушинку.

С той поры стал Гермий пустым и легким, вечным прислужником богов и водителем Теней — таким пустым и легким, будто продул его Атлант насквозь и выдул из него и огонь титанов и Уранову небесную гордость. Все хитрил, изворачивался, ловчился Гермий и из всех кривых путей знал наискривой — такой, до которого и Кривда не додумалась.

Час, век или века и века стоял Атлант столпом неба на крайней грани земли в пределах Атлантовых,— кто знает? Но вот однажды вздохнул:

— Где же ты, моя Чудо-гора? Как-то, помню, говорил я тебе: «Пока ты стоишь в Счастливой Аркадии, до тех пор ни громы, ни молнии не низвергнут Атланта в тартар. И нет для него ни оков, ни цепей, ни молотов. Бессилен Кронид перед Чудо-горой». Теперь небо в руках Атланта. Еще придет мой титанов час. Еще стоит моя Чудо-гора в Счастливой Аркадии. И нет такой другой Чудо-горы на свете.

Но совершилось невиданное дело. Пришлось земле и прежде не виданное увидеть. Не стало вдруг Чудо-горы в Счастливой Аркадии.

Слетелись к Чудо-горе со всех четырех сторон света стоустые сестры. И у каждой сестры одно и то же имя:

Молва. Все слетелись, какие ни есть. И еще, и еще летят, несутся на всех земных ветрах, и такая их тьма, что от края до края заполнили небо над Счастливой Аркадией. Облакам и тем некуда выбежать. Куда ни взглянешь — кругом Молва, да Молва, да Молва... Налетели, заторопились, заговорили все разом, замахали все разом крыльями, задули всеми ветрами, накинулись на Чудо-гору, подняли ее — и унесли под такую тысячеголовосицу за край земли, туда, куда Ветер-Борей стужи не занесет: в дальнюю Гиперборею, за сад Гесперид.

Так не стало в Счастливой Аркадии ни Чудо-горы, ни Плеоны, сходящей с неба, ни титана Атланта. А на том месте, где возвышалась Чудо-гора, остался меж горных хребтов пустой котел, и в нем варились туманы.

Не дошла весть об исчезновении Чудо-горы до Атланта. Не знал он, что уже нет в Аркадии Чудо-горы. Но как-то поглядел Атлант одним глазом за океан.

И увидел он вдруг за океаном свою родную Чудо-гору — увидел и не узнал.

Не ласкались к ней ветерки, не звенели на ней ключи и листва, не пели птицы, не рыскали звери, не шелестели травы. Безмолвно, недвижимо стояли ее голые леса, и бестравные луга, и застывшие воды. Только туманы клубились, то скрывая ее от глаз, то вновь открывая, — словно она не Чудо-гора, а могила Атланта.

И вспомнил Атлант, как прорицала ему некогда Гея-Земля:

«Будет могуч Атлант. Но Атлант не сильнее Ананки-Неотвратимости».

— Так вот какова ты, Ананка!

Когда Атлант жил в Счастливой Аркадии, был он мудрой душой доверчиво-прост, и часто говорил ему дремучегрюмый Тайгет:

«Берегись, Атлант, самого себя. Страшнее Сторуких тартара каждый сам себе. Слишком широко ты открыл глаза перед миром, распахнул ворота души. Вынесут из них

воры твою титанову силу. Мудр ты, да прям. А кто прям, тот упрям, знать не хочет, что часто кривые пути короче прямых. Взгляни на меня: весь я в рогатках да в щелях-теснинах; прищурился, ошетинился. Подступи-ка ко мне — не порадуешься! А зато внутри у меня, в местах потаенных, пастбища вольные, ковры на лугах: нежься! А у тебя, куда ни взглянешь, всё исполины, словно на показ: и кедры, и воды, и кручи, и скалы... Ка-ак рухнут! Берегись, Атлант, своей мощи».

Склонив голову под тяжестью неба, чуть покачивается Гора-Человек и грезит в дреме. Что теперь осталось ему, титану? Думы и сны. И грезит Атлант, Гора-Человек, и думает думы. Погружает он думы на дно морское. Возносит их до звезд. И понял Атлант, что думу можно любить и что с думой никто не одинок. И, полюбив думу, полюбил он и звезды, и глубь морей. И чем глубже понимал, тем глубже любил.

Так постиг Атлант, что дума есть тоже жизнь, и такая большая, как он сам — Гора-Человек. Но нужны для дум голоса живой жизни. В мертвой жизни думы мертвеют. Станут, как камни, тяжелыми. И сам Атлант-Небодержатель окаменеет.

И, озирая мертвый мир, грезил тогда Атлант о былой жизни.

Снилась ему в сумраке дней далекая Аркадия, снилась река Ладон и ее юный титан — тоже Ладон, сын древнего морского титана Форкия. Бывало, в веселое половодье, когда высоко вздымалась река и юный Ладон, выйдя по колено из вод, садился рядом с Атлантом, прислонясь спиной к склону Чудо-горы, и обнимал широко распахнутыми руками дубы и буки-великаны, — как смеялись тогда оба титана, Атлант и Ладон, под небом Счастливой Аркадии!

Говорил Атлант Ладону:

«Ты многоводен, Форкид, и, как тартар, глубок. Моешь в тартаре ноги».

И отвечал Ладон Атланту:

«Так, Япетид: я, Ладон, глубокий, как тартар. Мою в тартаре ноги».

И смеялись оба титана над шуткой. Разве может быть тартар под Счастливой Аркадией!

А в звездные ночи думал Атлант над черными водами океана о своих дочерях, о звездных девушках — веселых Плеядах.

Любовался, бывало, ими Атлант, как они девичьей гурьбой носились по горным тропам, по краю ущелий, вперегонки с золоторогой подругой — ланью Артемиды, как перескакивали через пропасти, с вершины на вершину, со звонким призывом: «О-ё-го! О-ё-го!» Где только не бывали они! В какой дубраве, в какой чаще... От каких зверей уходили! За какими гонялись!..

Но раз погнался за Плеядами Истребитель зверей — великан Орион, прозванный Звездным Охотником, беспощадный красавец. Только звезды ночи равны красотой Ориону. Ему бы и гоняться за звездами.

Не рука ли Кронида направила его? Побежали Плеяды, все семь. Несутся что есть силы, все быстрее и быстрее бегут. А Охотник за ними, все ближе и ближе... Так бегут, что только видно мерцание над землей в летучем воздухе, а девушек нет. И сверкает вслед за мерцанием беспощадной красотой Орион.

Что за бег по Чудо-горе? Стояла еще тогда Чудо-гора в Аркадии. Пронесли Плеяды через каменный кряж, понесли по волнам моря, по либийским пескам, все мимо да мимо, все дальше и дальше, и вот уж некуда дальше — впереди океан. Добежали Плеяды до края земли, где столпы небесные в клубах тумана. Задержаться нельзя: позади уже гудит на бегу медной палицей Орион, кружит ее колесом. Уж хотели сестры Плеяды кинуться в океан и кануть навеки. Но вдруг разошлись перед ними, как завесы, вправо и влево, туманы. Открылась гора впереди, и не просто гора, а Гора-Человек.

Стоит Гора, и смотрят на них с вершины Горы, из-под

косматых седых утесов-бровей, отчим взором глаза. Только есть одни такие глаза на земле — у Атланта.

Взметнулись сестры Плеяды, поднял их вздохом к себе отец Атлант. Ударились они о его каменную грудь, обернулись в голубок и уселись на седилах груди, по мшистому покрову сердца.

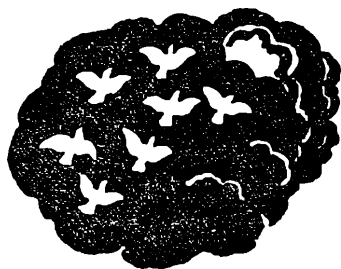
А безумный Охотник уже метит медной палицей в голубок, вертит ее колесом, и, как звезды, горят глаза безумца.

Тогда глухо заговорил Гора-Человек:

«Что преследуешь моих дочерей-титанид, Истребитель? Стонет Гея — праматерь Земля от твоих безумных убийств. Уже камни горят у тебя под ногами. Ненавидит тебя все живое. Отступи от меня, Орион, иль обрушу на тебя небосвод».

Узнал великан Орион древнего титана Небодержателя. Но не умел отступить Орион, не умел сдержать медной палицы. Вырвалась она с гулом из рук Звездного Охотника, но не в грудь угодила Атланту, а понеслась к ранней звезде на небе. В испуге вспорхнули голубки и всей стаей полетели вслед за палицей красавца Ориона, замерцали над небесной дорогой. А за ними в погоню — Орион.

Выполнил Кронид, что замыслил: стали Плеяды, звездные девушки с Чудо-горы, звездными девушками неба близ жилищ богов.

ЧАСТЬ II

СКАЗАНИЕ О ГЕРАКЛЕ, О ТИТАНЕ ДРАКОНЕ ЛАДОНЕ И О ЗОЛОТЫХ ЯБЛОКАХ ГЕСПЕРИД

— Добудь мне три золотых яблока из сада Гесперид,— приказал царь Эврисфей.

Ничего не ответил Геракл. Повернулся и вышел молча из Тиринфа на каменистую дорогу.

.....

Легок Ветер-Зефир и скор. Но тяжким грузом лежала на крыльях Ветра весть о добровольной смерти кентавра Хирона, подарившего свое бессмертие Прометею.

Гнулись крылья Ветра под тяжестью вести, и медлен был скорбный путь. От горы к горе нес седому Океану Ветер горькую весть. И, услыша сквозь каменный сон ту весть, каждая гора по пути просыпалась, вся потрясенная,

колеблясь от подножия к вершине, и долго еще так печально качалась в облаках ее лесистая макушка. А в глубоких недрах ее каменной души рождались алмазы слез и золотые и серебряные безмолвные слова о мудром кентавре, застывая золотой и серебряной думой-рудой на века и тысячелетия.

Стонали, сжимаясь от боли, ущелья, катились камни по руслам усохших от горя горных рек, пески рассыпались в прах, и в горячих ключах застывали подземные струи.

До края земли донес Ветер весть о смерти Хирона и опустил ее на сердце Горы-Человека:

— Умер Хирон!

Дрогнула сила титана, пригнулись плечи, подогнулись ноги, и пошатнулся Атлант. И вместе с ним закачалось небо, закачалось впервые за свою небесную уранову жизнь. И закачались на небе золотые дома богов-победителей, опрокинулись амфоры и кубки на божественном пировальном столе, и пролился на землю кипящим огнем напиток бессмертия. Смутились боги. Привстали в тревоге с золотых сидений: их мир закачался.

И уже понеслась, втайне ликуя, по радужным мостам вестница богов, титанида Ирида, на край света, к Атланту. Разостлала перед глазами титана свои цветные одежды, словно сшитые из всех радостей мира, легла посреди них и сказала:

— Титан, не хмурь брови, не гляди так гневно на Ириду. Я — голос богов. Но я все та же гелиада Ирида, дитя титанов. Ты колеблешь не небо богов, а небо мира живого. Оно рухнет, и погибнет земная живая жизнь. Останется только мертвая — за океаном. Пожалей, Атлант, все живое!

И в ответ упали два слова:

— Умер Хирон.

Прикрыла Ирида лицо одеждой. Только краски складок одежды, играя, переливались у самых глаз титана.

Сказал Атлант:

— Кто виновен в живой смерти бессмертных?¹ Кто виновен в смерти Хирона? Кто к скале Кавказа приковал Прометея? Не примирится сын Япета с Зевсом. Но без пищи бессмертия ослабел титан, терзаемый тысячелетия коршуном тартара, прилетающим теперь с неба богов. Кто вызвал коршуна из преисподней на небо? Рассказал мне Ветер-Зефир: стрелой Геракла, напоенной лернейским ядом, ранен в ногу кентавр Хирон. Обрела рана бессмертное тело на вечную муку. И подарил Хирон свое бессмертие прикованному Прометею, чтобы умножить мощь титана, укрепить его силу, ослабевшую от страданий за тысячи лет, чтобы забилось усталое сердце титана с силой двойною.

Дать бы вкусить Прометею золотое яблоко Геи, яблоко молодости из сада Гесперид! Возродились бы тогда силы титана. Но не может зашагать Атлант к сыну Япета из конца в конец Земли с яблоком молодости в руке.

— Ирида, отнесла бы ты это яблоко Гесперид Прометею! Дадут его тебе Геспериды, вечерние нимфы заката. Ни боги, ни люди не в силах вкусить это яблоко. Для них оно — игрушка из золота. Только вкусят его опаленные молниями или прикованные титаны. У губ титана нальется оно золотой молодостью и целительной силой вечной жизни. Отнеси, титанида Ирида, яблоко титану Прометею. Возроди его силу юностью.

И в ответ прозвучал в воздухе голос, словно сонм лучей заговорил:

— Я сияю ему нежнее, чем богам и смертным, его

¹ Низверженные в тартар титаны оставались там бессмертными, хотя и были отрешены от мира живой жизни. Ту же участь разделили и те титаны и титаниды, которые были отброшены богами Кронидами на край земли, к океану. Только постепенно, по мере укрепления Олимпийского пантеона и всеэллинского национального единства, миф снимает с этих отверженных титанов бессмертие, и они или сами исчезают, подобно канувшим в воды океана Сиренам, или же их убивают герои, как чудовищ. Так погибли бессмертные Скилла, Медуза, Химера, Ладон и др.

радуга радугами. Не могу я принести Прометею яблоко молодости: запрещен мне вход в сад Гесперид. Не бывает там, за океаном, ни дождей, ни радуг. Нерушимой клятвой со Стиксом связана я пред богами у колыбели малютки Эрота. Не нарушу запрет. Не одна Афродита — мать любви. Я ведь тоже мать Эрота, бога-младенца, мотылька, рожденного от Ветра-Зефира. И любовь-мотылек нужна миру¹. Велика твоя мысль вернуть мир живой жизни снова титанам. Велик твой гнев на богов. Но, прости, не могу я покинуть небо для тартара, не могу оставить землю без порханья любви, без ее первого вздоха. Покарает Кро-нид.

И вспомнил Атлант о ярости биченосца Кронида. Гнев, застывший рудой, расплавился в печени и груди титана. И грозно ответил Атлант Ириде:

— Что мне небо богов! Умер бессмертный Хирон, тот, кто был справедливее всякого бога. Что мне мир живой жизни, где нет Хирона! Что мне твои мотыльки, когда Прометей в оковах!

И неистовый, в слепом гневе от скорби по другу, потряс он плечами край неба, чтобы мир богов пошатнулся.

Заходило небо ходуном. Покатились по небу сами собой грома́ — не грома́, а колеса небесных телег, соскочившие с осей мировых, — и не просто колеса, а молоты: что ни спица — то молот, что ни обод — то молот, что ни само колесо — то молот. Ох и молоты в небе!

Только над Чудо-горой не гремят эти молоты. Да где ты, Чудо-гора!

¹ Наряду с крылатым Эросом, сыном богини любви Афродиты, поэтическая фантазия эллинов создала издавна образ Эрота-малютки с мотыльковыми крылышками, сына Ветра-Зефира и Ириды-Радуги. Он вошел в ритуал свадебных народных обрядов и песен. Первоначально малютка Эрот возник как миниатюрный отзвук древнего космогонического Эроса — могучей силы всесозидающей любви, разлитой во всей природе, как божок растительного мира, мира насекомых, птиц, всего малого в природе. Позднее, в Александрийскую эпоху, этот Эрот-малютка получил другое, упрощенное толкование.

Обрушил бы небо богов Небодержатель от горя по утрате друга. Но не мог Атлант оторвать рук от небосвода. Держит небо его руки — словно припаяны к нему.

Так остался мир богов нерушимым. И живая жизнь не погибла.

Тогда тяжело застонал огромно-могучий титан:

— Вы, бессильные руки титана! Обманула меня моя мощь.

И повисла в углу его глаза, на реснице, сожженной зноем, слеза. Покатилась по каменным складкам щеки и упала на землю каплей-морем у ног Атланта. Уступила слезе почва земли, углубилась гранитной чашей, и стала слеза Атланта озером.

Пока скорбная весть о смерти Хирона летела через горы и моря к Атланту, шел от гор Кавказа, от столпа Восхода, к пределам Атлантовым, к столпу Заката, за золотыми яблоками Геракл.

Что так низко опустился над либийской пустыней Солнце-Гелий, замедляя бег-полет солнечных коней, когда Геракл шагал по раскаленным пескам пустыни? Зачем наклонился, почти выпал из возка-колесницы древний титан-солнцебог? Изю рта его — зной. Из ноздрей его коней — зной. Под копытами конскими — зной. Выпит воздух полуднем.

Изнемог Геракл. Боль высверливала обожженные стопы. А бог сеет по пустыне лучи-глаза. В каждой песчинке — солнечный глаз. Жгуч он!

И вот снял Гелий с головы венец солнца и, опустив руку с венцом к земле, держит его над самым теменем Геракла. Будто плавится череп, сжигается мысль... Шары огненные перед глазами...

Не вынес герой. Сорвал с плеча лук, наложил на тетиву стрелу с кипящим от жара ядом лернейским и прицелился в бога-титана:

— Отступи от Геракла, Гелий! Поднимись на высоты

неба, к своей проезжей дороге. Незнакома мне помощь богов и не жду награды за труд и подвиг. Что же ты угнетаешь меня? Отступи от Геракла, Гелий, или спушу я в тебя с тетивы стрелу!

Изумился Гелий отваге героя. Смертный поднял руку на Солнце! Даже боги не дерзали на это.

Не хотел титан солнца допустить Геракла к саду Гесперид. Знал: оборвет Истребитель яблоки Геи, надежду титанов, убьет стража яблони — дракона Ладона, повергнет в горе Вечерних нимф-девоптиц.

Изумился Гелий каждым глазом-лучом. Не страшат его стрелы Геракла. Далеко им до Солнца, станут пеплом в пути. Пострашнее есть стрелы для глаз-лучей Солнца — золотые лучи-стрелы юного Аполлона.

Но почтил Гелий по правде титановой мужество героя Геракла. Взвились крылатые кони. Унеслась ввысь колесница-возок. Дохнул Воздух.

Но лука грозящего не опустил герой-полубог.

— Стой! — воскликнул Геракл. — Не скачи так, сияющий бог! Еще надо Гераклу переплыть океан. Дай мне твою чашу-челн золотой, на котором ты плывешь от заката к Красным морям — на восход. По волнам океана нет пути челну смертного.

И ответил Гераклу из дали небес в изумлении перед смертным древний титан:

— У Тартессы, в Гиперборее.

У Тартессы, в граде, где спят Чудеса всего мира, пока им не придет срок родиться и выйти к смертным на землю, — там, в дальней Гиперборее, у берега океана ждала Геракла чаша-челн золотой. И выплыл Геракл в океан к пределам Атлантовым, к саду Гесперид.

Встревожили сестры-океаниды отца Океана:

— К саду Гесперид Геракл плывет. Взял у Солнца челн золотой. К Атланту держит он путь. Испытай его думы и силу, отец. Не расхитит ли титановы яблоки?

Пошли волны по реке-океану,
Закружили, закачали золотую чашу,
Перебрасывают ее, словно чурку, с боку на бок,
Наклоняют, чтобы вверх дном поставить.
А под каждой волной — океанида.
А под самым дном чаши — сам отец Океан.
Не показываются Гераклу:
Под водами подняли бурю.

Налегает герой на золотое весло:
Кружится на месте чаша,
Будто кто ее на пальце вертит.
Глубока челн-чаша золотая,
А воды в ней все больше и больше.
Не придет на выручку Гераклу
Ни бог, ни титан, ни смертный.
Кружит чашу сам отец Океан
Меж пределами живой жизни и мертвой.
Вдруг презлая поднялась волна:
Как трягнуло золотую чашу,
Поставило ее на ребро боком,
Покатило колесом по воде
Обратно к чудо-городу Тартессе!
Тут дубинка и лук Геракла
Упали на дно океана.
Полна воды чаша золотая,
Сидит по шею в воде герой.
Ухватился за борт рукою,
Ногою в другой борт уперся,
Подвел золотое весло под борт чаши,
Хочет опрокинуть чашу на днище.
И видит: держит ее под водой на ладони
Сам отец океанид — Океан.
Тут неистовый герой в гневе
Поднял весло на титана:
— Опусть ладонь, титан Океан,
Или отобью ее от чаши золотым веслом!
Не препятствуй пути Геракла.
Еще никто на земле — ни бог, ни титан —
Не поднимал руку на праотца Океана,
Не было на свете такого:
Он вне битв и борьбы.—
Изумился древний седой Океан,

Изумился еще сильнее, чем Гелий,
И, как Гелий, по закону титановой правды,
Почтил отвагу героя.
Ушли волны в глубь Мировой реки.
Словно выгладило реку небом.
И вынесли океаниды
Дубинку и лук героя,
Упавшие на дно океана.
И ступил на берег Геракл.

Снова шел он пустыней в зной, по раскаленным пескам,
упорно ступая обожженными пятнами, и дошел до Горы-Человека.

Здесь пределы Атлантовы.

Перед Атлантом стоял Геракл.

Ничего не сказали друг другу титан и герой. Еще никогда не встречал взор Атланта пред собою героя. Видел он титанов, богов, великанов, но героя видел впервые. И не знал Атлант, кто пришелец. А Геракл встречал и титанов, и богов, и великанов во всех обличиях жизни. И боролся Геракл со всеми, и всех оборол: великанов, богов и титанов. Труден был путь к саду Гесперид.

Посмотрел себе на ноги Геракл: обожженные, в язвах, с запекшейся кровью. И увидел у ног своих озеро — голубое, чистое, как слеза. Сбросил наземь с плеча герой львиную шкуру, дубинку и лук, присел к озеру, погрузил в его соленую воду ноги и омыл их в слезах Атланта.

А титан Атлант смотрел.

Легче стало герою от чудесной воды.

— Прими гостя, титан,— сказал пришелец.— Я — к тебе.

И услышал Геракл голос Горы-Человека:

— Я не знаю тебя. Не видал тебя в мире титанов. Не встречал в мире богов. Кто ты, гость?

— Геракл.

И, как раненый лев, разорвавший себе грудь когтями, у которого вдруг открылось огромное человеческое сердце, застонал Атлант:

— Ты! Убийца Хирона? О праmaterь Гея-Земля, отпусти на мгновение ноги Атланта! Не просил я у тебя никогда ничего. О Уран, праотец, оторви на мгновение мои руки от свода! Предо мною убийца Хирона.

И напярэг Атлант всю свою титанову силу, чтобы оторвать от неба ладони. Но не сдвинулись окаменевшие до локтя руки. Хотел вырвать ноги из земли. Но не сдвинулись окаменевшие ступни.

Видел Геракл муку титана и сказал ему с суровой грустью:

— Ты страдаешь, Прикованный. Но и раскованный ты был бы нестрашен Гераклу. Я сражал и богов¹. Посейдон уступил моей силе у Пилоса, Аполлон — у Дельф, отступил предо мной и подземный Аид. Усмири свою ярость, Атлант. Невиновен я в смерти Хирона. Читил его, как и ты. Наступил Хирон ногой на стрелу с лернейским ядом. Так боги хотели. Ты у них спреси. Не стерпел Хирон нескончаемых мук на земле.

Но угрюмо ответил Атлант:

— Я слышал о тебе, Истребитель титанов, сын Зевса. Как и я, был Хирон титаном.

— Ты неправ, Гора-Человек.— И уже гнев закипал в груди сына Зевса, пришельца.— Я не знаю старинных

¹ Древнейшие эллинские сказания о Геракле были заглушены более поздними, созданными ревнителями Олимпийского пантеона. Сохранились их отголоски, в которых отразилась борьба культов иноплеменных и праэллинических богов с культом Зевса. В этих древних сказаниях Геракл вступает в борьбу со всеми богами Олимпа, кроме Зевса, и побеждает их в единоборстве. Он вынес из храма треножник Аполлона, и бог не смог его вырвать из рук Геракла. Их разъединил молнией Зевс. Геракл убил сына Посейдона, и владыка морей не смог противостоять мощи Геракла: Геракл перебил палицей его трезубец. Он даже ранил Аида, бога мира смерти; это означало, что Геракл сильнее смерти.

титанов и в тартаре не был. Не спускался ниже айда. Да, ты прав: я — истребитель, но только чудовищ. Кто их предок? кем они были? какой образ скрыт под их кожей? — я не спрашиваю. Я истребляю. Мы, полубоги-герои, очищаем мир и дороги на почве земли, чтобы стала вся земля для смертных открытой. Если б были чудовища на небе, я б и небо очистил. Нет чудовищам места в мире жизни живой — пусть живут в мире мертвых. Здесь, в пределах Атлантовых, где-то сад Гесперид. Дракон охраняет тот сад. Его имя — Ладон. Он — чудовище.

— О, Ладон! — Горесть и радость переполнили голос Атланта, и излился его голос, как водопад.

Но Геракл не шелохнулся:

— Ты знаешь дорогу в сад Гесперид. Я иду к тебе от горы Кавказа. Укажи мне дорогу к Саду.

Ему хмуро ответил титан, и голос титана прерывался:

— Я не знаю дороги в сад Гесперид.

Так впервые за всю свою титанову бессмертную жизнь солгал правдолюбивый Атлант.

— Я пришел к тебе от Прометея. Я убил птицу-дракона, коршуна тартара, пожиравшую печень титана. Прометей свободен от мук. Вот стрела, пронзившая коршуна-змея. Вот перо из горла его. Укажи мне дорогу к Саду.

— Я не знаю дороги к Саду.

Так вторично солгал Гераклу правдолюбивый Атлант.

— Мне нужны три золотых яблока из сада Гесперид. Их сторожит стоголовое чудовище. Оно — зло земли. Кто бы там ни таился под кожей дракона: титан или гигант, иль еще мне неизвестно кто, — для меня он дракон. Не титана — я Змея убью и добуду яблоки Геи. Укажи мне дорогу к саду Гесперид.

— Я не знаю дороги к Саду.

Так в третий раз солгал Гераклу правдолюбивый Атлант.

Умолкли бессмертный титан и смертный Геракл. Стояли друг против друга, словно позабыв друг о друге.

Склонив голову, опершись рукой о дубинку, о чем-то думал Геракл, сын Зевса. Будто спрашивал свое сердце героя. Долго, долго он думал. Наконец сказал:

— Прощай. Сам найду я дорогу к Саду. Я нашел и в аид дорогу и обратный путь из айда, не спросясь у владык преисподней. Не почтил ты гостя, титан. Не почтил труд Геракла, освободителя Прометея от мук. Я не враг тебе, древний Небодержатель. Я сменил на земле Прометея. Я — преемник дела его. Труден мой путь по земле. Он не легче, чем тебе держать небо. Я иду, Атлант.

Как печаль горных лугов в предзимнюю пору, обогретых поздним осенним лучом, прозвучало с вершины Горы:

— Не уходи. Я не слышал еще Прометеево слово. Что сказал тебе брат? Перескажи мне его слово, Геракл. Не один Кронид читает мысли других. И Прометей их читает.

Снова стояли смертный герой и бессмертный титан друг против друга. Снова задумался Геракл, склонив голову. И на этот раз думал еще дольше. И вот, не таясь, сказал:

— Не крив путь Геракла, Атлант. Дал совет Прометей, чтобы ты мне принес три золотых яблока из сада Гесперид, чтобы я в Сад не вступал. Принеси. Подожду тебя здесь.

Вот когда изумился Атлант. Слышит правду титанову в слове Геракла. Но понять самой правды не может. Не постигнет слов Прометея. Загадал ему титан-промыслитель загадку.

Сказал:

— Как пойду я и брошу небо? Я — Небодержатель. Сам ты видишь: мои руки прикованы к небосводу. Мои ноги в землю вросли. Их не сдвинуть. Как шагну? Кто же будет держать это небо?

И ответил Геракл:

— Я.

— Ты? Ты?.. Смертный?..

Еще сильнее изумился Гора-Человек, изумился сильнее, чем седой Океан, отваге героя. Разве шутят с Горой-Человеком?

— Ты? Небо удержишь? Не бог? Не титан? Только смертный? Разве смертный удержит небо?

Идохнул Атлант на Геракла.

Но герой даже не шелохнулся. Только строго сказал:

— Я умел побеждать и Смерть. Титан, что ты дышишь так слабо?

Смолкли оба, титан и герой, и молчали немало. Только сдвинулись брови-утесы Атланта, и тяжелая мысль легла складками между бровей.

Сказал:

— Неотвратимые Силы приковали меня к небосводу и здесь держат. Не хозяин я моих рук и ног. Лишь для мысли воля свободна. Где есть сила сильнее этих Сил?

— Я — та сила.— И Геракл поднял руку.— Принеси мне три золотых яблока из сада Гесперид и отдай мне свою ношу. Я сегодня подержу небо и его удержу. Освобожу твои руки и ноги. Ты шагнешь, Атлант, по земле. Принеси мне три золотых яблока из Сада.

И прочь отбросил герой далеко от себя дубинку и лук.

Была воля Геракла могуча, как сама жизнь земли. Словно тысячи жизней влились в нее со всеми лучами мира, сжались в ней, сплывались, чтобы могла эта воля бесконечно себя излучать, чтобы могла она выполнять и невыполнимое, осиливать и непосильное — даже небо поднять.

Еще не встречал смертный Геракл себе соперника, равного ему по силе. И, увидев Небодержателя, захотел испытать себя. Осилить то, что осилил Атлант: поднять небо.

Взял Геракл в обе руки руку Атланта — оторвал ладонь титана от края неба, оторвал другую ладонь и поставил свое плечо под небесный свод.

Налег телом Геракл на Атланта. Сдвинул титана с места и сказал:

— Иди!

Медленно вытащил Атлант подошву ноги из почвы земли. Медленно вытянул другую ногу — и шагнул.

Тысячелетия не шагал Атлант по земле.

Обернулся титан к герою, сказал:

— Ты — Сила, Геракл.

И посмотрел, как тот держит небо — на одном плече держит.

Такой силы Атлант не встречал. Без молний, без грома, один? И ведь он — не Гора-Человек. Как ему, титану Атланту, высказать то, что смущало и томило его титанову душу?

— Смертен ты, но сильнее Ананки-Неотвратимости. Смертен ты, но сильнее бессмертного. И все же ты, Сила, умрешь. Не постигну я этой правды иной — не земной, не небесной. Почему же ты не бессмертен?

— Да, я — Сила, — ответил Геракл. — И служу моей силе. Она говорит мне: «Ты должен» — и Геракл поднимает небо. Разве ты, титан, не такой же? Укажи мне, где живет Бессмертие, и Геракл дойдет до Бессмертия, и оно уступит Гераклу. Принеси мне три золотых яблока из сада Гесперид. Сегодня Небодержатель Геракл — не ты.

И Геракл крепче уперся ногами в вал меж глубоких впадин, выдавленных стопами Горы-Человека. Тяжко было небо с богами для плеча полубога-героя, но Геракл держал небо.

Вздохнул Гора-Человек:

— Я играл моей силой, как вольный титан. Ты — слуга своей силы и вожатый. Я — игра. Ты — подвиг и труд¹. Здесь, у предела жизни живой, прикованный к небу, я познал то, чего не знают на Чудо-горе: страшно впасть в руки своей мощи. Я иду!

Протянув вперед согнутые, окаменевшие до локтей руки каменными ладонями кверху, Атлант шагал. И почва земли выгибалась под тяжело-огромной стопой Горы-Человека.

¹ Геракл, выполняя слепо свою героическую миссию Истребителя чудовищ, пользуется своей силой целеустремленно. Его путь — путь победы. Атлант, как вольное дитя природы, как существо стихийное, только играет своей силой и, играя, сам становится ее игрушкой и жертвой.

...Пробежали, как дети, века-бегуны. Никто не считал их. Никто не мерил их бег.

Пели музы Олимпа:

— В день священного брака Зевса и Геры мать-Земля Гея подарила Гере чудесное дерево с золотыми яблоками. Оно выросло вдруг из глубин земли в дальней Гиперборее, в пределах Небодержателя — опального титана Атланта. Там, близ океана, бог солнца Гелий, сойдя с золотой колесницы, распрягает солнечных коней и на золотой чашечелне плывет вместе с ними по Мировой реке-океану, на восток, к блаженной Эфиопии, и к граду Аэя, где стоит золотой чертог солнца.

До заката сторожил чудесное дерево бессмертный столбовый дракон, глубоко, до самой преисподней, погруженный в землю кольцами змеиного тела. А в пору вечерней звезды золотые плоды чудесного дерева охраняли Геспериды — вечерние нимфы, певчие стражи Заката. И тут же, у подножия дерева, питая его корни, бил из недр земли амброзийный ключ — ключ живой воды, воды бессмертия...

Щебетали птицы, звенели листвою дриады, говорили в горах пастухи, будто здесь, в тайном убежище, укрывались Зевс и Гера, празднуя день священного брака. И ни боги, ни смертные не имели доступа к чудесному саду.

Так пели музы Олимпа.

Но при Атланте Сирены, опальные музы титанов, пели за океаном иное. И иное пели Геспериды в волшебном саду.

Они пели:

— Не сходят небожители в пределах Атлантовых на почву земли. Не встречали олимпийцев Геспериды в этом саду. Не будет дракон Ладон сторожить, лелея их сладкий покой. Не будут пением муз девоптицы с вечера до восхода денницы охранять плоды чудесного дерева для забавы владыки Олимпа. И Аглая-Сияющая не усядется, вся в сверкающих перьях, на ветвях чудотворной яблони. И Эрифия не раскроет багряных крыльев, чтобы перелетать с ветки на ветку. И Гесперия, мерцающая, как звездный юноша Гес-

пер, на взлетит на макушку чудо-дерева, чтобы оттуда озирать тихий сад. И нимфа ключа, Аретуза, не омочит в струе своих губ, не разбрызгает благоухание амброзийных капель по цветам, листьям и травам сада невиданной красоты...

Так пели вечерние нимфы.

Кто же вы, девоптицы?

Говорили цветы, просыпающиеся только к вечеру, что Геспериды — дочери Вечерней Звезды. А цветы, которые изливали свой аромат ночью, шептали друг другу, что Геспериды — дочери Ночи. А те, которые протирали глаза росой поутру, говорили, что Геспериды — сестры Сирен, что и они — музы древних опальных титанов, воспевавшие некогда Крона и Рею в золотой век.

Только нимфа Гесперия, в гроте близ сада, молчала, вышивая по ткани лугов образ Атланта, державшего небо, и у ног его — озеро слез, и четырех Гесперид в колыбели.

Днем Геспериды дремали, укрывшись в гуще листвы. Тогда неусыпно бродили по саду слух и глаза дракона Ладона, стража сада, и сверкали у яблони Геи красота его чешуи и опасные чары змеиных глаз.

.....

Жестока и скользка змеиная красота. Зачарует взор, а сердце оледенит. Породит мечту и сама же убьет мечту. Подумаешь: вот оно, чудо-создание! А пред тобою чудовище-гада. Станешь искать в ее красоте живую воду, а найдешь только мертвую воду. И в самой близости та красота далека. И чем ближе она, тем дальше: будто в ней все не свое, а чужое — только кожа надетая. Но такие на той коже краски, какие только море выдумает и спрячет для nereid в рыбьем царстве, у себя на дне, как диво морское. А попробуй вытянуть это диво морское на берег — что за гадкий червь земляной!

Но иным был Ладон.

Вместе с Атлантом устремился Ладон на Олимп, чтобы сорвать с неба звезды. Но, низверженный с Олимпа, упал

похититель звезд в воды Сперхея. Принял тело титана Сперхей, унес на дно. Оплел его водорослями, завалил камнями. Утаил от глаз богов. Долго лежал Ладон на дне реки, под корой ледяной Сперхея, пока Солнце-Гелий не посеял на льду лучи-глаза и не вырвались воды в буйном росте наружу. Тогда вышел титан из вод на землю. Уже кожа его покрылась вся чешуей под камнями и травами, и был он видом дивен и страшен.

Так обрел низверженный титан Счастливой Аркадии образ дракона. Прикрыл страшным обличем свою титанову правду. Не нашел он Чудо-горы в некогда Счастливой Аркадии. Не нашел ни Атланта, ни веселых Плеяд. А увидел их на небе. Увидел — и расправил Ладон крылья дракона, полетел на закат, туда, где сверкали сестры Плеяды. Ночь летел. Ночью не бродят боги Олимпа по миру. Опустился в саду Гесперид. И сделала его Гера, по желанию матери Геи, Стражем золотых яблок. Приняла в свои недра Земля кольца тела Змея-великана. И от Геи-Земли вошла в титана Ладона змеиная мудрость.

Но крылья отпали. Многими голосами говорил Ладон с миром — звериными и птичьими. И было у него сто голов: так многоголов был дракон. Одна голова — большая, змеиная — поднималась от змеиного тела, как пестик цветка-исполина, а другие, малые, качались, как тычинки, хоровами вокруг нее. и каждая пела и говорила по-своему, как птицы в роще.

Поэтому днем тысячи голосов звучали в волшебном саду. Но к вечеру голоса умолкали и разносилось по саду только пение Гесперид-девоптиц. На закате вечером Геспериды усыпляли дракона.

Они пели и спрашивали:

— Ты спишь, Ладон?

И Змей сквозь дрему отвечал:

— Сплю.

Они снова пели и спрашивали:

— Ты спишь, Ладон?

И Змей сквозь дрему снова отвечал:

— Сплю.

Завесой сна окружало пение сад Гесперид. Засыпал дракон, но тот, кто дерзнул бы подойти к волшебному саду, уснул бы у подступов к нему, зачарованный пением Вечерних нимф, стражей сада.

Только перед Атлантом бессильны чары сна. В пределах Атлантовых был Атлант, титан с Чудо-горы, хозяин.

Светел день в Гиперборее.

Дремала тучка на каменных валунах седых волос Горы-Человека, века назад еще таких золотых. И не пробудилась тучка, когда Атлант вступил в сад Гесперид и услышал, как неведомые птицы поют забытые песни титанов. Не знал Атлант, что те песни поет разом на сто голов Ладон. Далеко позади Горы-Человека, за садом, зияли на каменном грунте шаг за шагом следы его ног. Но здесь, в саду, не вдавливалась земля, и цветы и травы, пригнувшиеся под пятой титана, выпрямлялись, как будто не Гора, а воздушной поступью прошел по ним Ветерок.

Не пошевелился дракон. Не прикрыл ключа Бессмертия броней своей шеи. Только пурпур колец его чешуи, обвивавших ствол яблони, заиграл живее, то вспыхивая багряно, то багрово темнея, и поднялись полуопущенные веки, чтобы заглянуть змеиным глазом под утесы бровей Горы-Человека.

— Это ты, Форкид? — спросила Гора.

— Это я, Атлант, — ответил Змей.

И титан смотрел на титана. Они оба из Счастливой Аркадии.

— Теперь ты червь, — сказал Атлант.

— Теперь... я червь, — сказал Ладон.

И титан смотрел на титана.

— Как будто снег на твоих волосах, Атлант. И темная тучка спит на снегу.

— Пусть спит моя дочь. У Атланта нет других дочерей. Плеяды у богов, на небе.

И титан смотрел на титана.

— Сторожишь, Ладон?

— Сторожу.

Небо было лазурно и трава изумрудна, как всегда.

— Дай мне три золотых яблока,— сказал Атлант.

И его каменные, сложенные ребром друг к другу ладони протянулись ближе к стволу.

Заиграло все тело дракона мириадами красок, словно дождь радости брызнул рубинами по всей чешуе; и глаза, как два горна,— огнем.

— О Атлант, почему же ты молчал! Тартар поднялся? Вернулись титаны? Ураниды жаждут яблок Геи? Я сберег их, титан. Пришел час?

Но Гора-Человек покачал печально головой:

— Пришел ли час? Не знаю. Геракл пришел. Дай мне три золотых яблока. Я за ними к тебе.

Оторвалась от дерева шея великана Змея, разом грозно взвилась, раздулся гребень надо лбом, и валами пошли, вздымаясь, разворачиваясь из глуби земли, громады-кольца змеиного тела.

— Атлант, Атлант, Атлант! — трижды прохрипел угрожающе Змей.— Кто послал тебя в сад Гесперид? От богов ты, Небодержатель? Ты с Кронидами? С ними? Отойди от дерева, Гора.

Но Гора-Человек остался стоять. Лишь сказал:

— Не буди мою тучку. Не с богами Атлант. Я — титан. Усмирись и смири свои кольца. Хочешь ты убежать этот сад? Что ж, будь Стражем! Только дай мне три золотых яблока с дерева.

Потускнели рубины на сверкающем теле Стража яблони. Посерел он весь — и осел.

Была у яблони ветвь и не ветвь, а дарящая рука, сереб-

ром протянутая далеко от ствола. И висело на ее самом маленьком пальце три яблока на одной ножке.

На эту ветвь положил опущенную голову Змей.

— Почему же не рухнуло небо, Атлант? — спросил титана печально Ладон. — Ведь ты здесь? Кто же держит небо?

— Геракл держит небо.

Все умолкло в саду Гесперид. Будто листья, цветы, и травы, и пески — все живое потеряло свой голос.

И, как вздох из подземного мира, прозвучал шепот Ладона:

— Это ты сказал о Геракле, Атлант?

— Я.

— Кто же он? От кого? Он от Зевса? Новый бог? Или больше чем бог?

— Он? Он сам от себя, как ты, как я. — И титан посмотрел на титана. — Он — сын Зевса. Но нет от богов ему помощи. Я пришел, чтобы он не пришел. Так хотел Прометей. Он не знает пути к Саду, но он найдет. Ладон, перед ним отступают и боги. Сам Аид отступил.

— Он бессмертен?

— Он смертен.

И тогда показалось Ладону, будто стал Атлант ниже ростом, будто сутулее стали его плечи, и глубже морщины, и круче склонилась голова, и будто в мудрых глазах титана не могла чего-то понять его большая мудрость.

И тогда показалось Атланту, будто меньше стал Змей-великан, и уже и мельче стали извивы колец его тела, и слабее обхват их, и будто багрец и пурпур, пролитые на Змея Зарей и Закатом, стали странно землисты, словно червь пожирает в нем титана. И еще показалось Атланту, будто он читает в мудрых глазах Змея, что не может чего-то разрешить и его змеиная мудрость.

И вот прозвучал голос Змея:

— Смертный держит небо с богами. Что же тогда титаны?

И услышал:

— Мы не нужны. Не восстанут больше титаны никогда. Мир их кончен. На одном плече держит он небо.

— Только боги нужны? Кронида?

— Не нужны и боги. Он и богов побеждает. Неприкорманный держит он небо, потому что он — Сила.

И угрюмо прохрипел Змей:

— Да, теперь я знаю Геракла,— и снизу посмотрел на Гору-Человека.

Посмотрел Змей и подумал: «Не нужна ты миру, Гора».

И то же подумал о титане-драконе Атлант, кинув взгляд на него сверху: «Не нужен ты Саду, Страж яблоч. И яблоки — только золотые игрушки богов. Не живой, а мертвой водой поит яблоню ключ преисподней».

Умолкли титаны. Так глубоко молчали, будто их голос утонул в океане.

— Ты стар, Атлант,— сказал Ладон.

— Теперь время оседает на мне. Не скользит, как бывало, мимо... Тебе снится Аркадия, Ладон?

— Снится.

— Она — сновидение. Разве прежде слетали к титанам Сновиденья из Ночи?

И ответил Ладон:

— Не слетали. Только нимфы речные... А теперь и мне снятся Обманы, вылетающие из преисподней. Помню, когда-то прилетали ко мне, как лебеди, Бури. Да, теперь я знаю Геракла. Он — Неотступный... Помнишь, Атлант, ту золоторогую лань Артемиды, подругу Плеяд? Рядом с ней задыхался Ветер от бега и держался, ухватившись за ее рога золотые, чтобы укрыть свой позор. Ни стрела, ни копье не могли догнать эту лань. И была она сильнее Немейского льва. Но за нею погнался Геракл, из Аркадии выгнал. День за днем, за неделей неделю, за месяцем месяц гнал ее неустанно: от реки к реке, от горы к горе, от ущелья в ущелье, от бора в бор. Не давал ей нагнуться к траве, на

бегу срезать зубом лист над тропинкой. Только воду не смог он отнять! Плыла и пила. Он — за нею. Так он гнал золоторогую лань, Неотступный, без помощи бога. Обогнули они вдвоем всю землю и вернулись к Аркадии. Уже не было у лани сил — только кости бежали и тень. И подумала лань: «Есть спасенье на Чудо-горе. Там поток, там Ладон». И к Ладону направила лань свои слабые ноги. Только где же Чудо-гора? Где поток? Один берег нашла в котловине. Кругом воды чужие в котле туманов. А другого берега не было: лишь стена вдали перед нею. Тогда звала ко мне гонимая лань: «Дай спасенье, Ладон!» Но ответом ей было безмолвие. Здесь настиг лань Геракл. Поплыла она, закружилась в чужих водах. А Геракл встал на берегу. Лук в руке. Ждет и смотрит. Берег только один. И ей некуда... Не спеша пронзила стрела... Рассказал мне об этом Тайгет после битвы Атланта с Кронидом.

Снова умолкли титаны: Гора-Человек и Змей-исполин.

.....

Тих был голос Атланта:

— Скоро выпорхнут на небесную дорогу Плеяды. Я люблю их гурьбу и алмазное веселье.

И хотел Атлант, как бывало в Аркадии, запрокинуть назад голову и взглянуть в небо. Но не откинулась назад поникшая под тяжестью небосвода голова. Не разогнулась шея, окаменевшая над горбами плеч.

— Что ты ищешь, Атлант, звездных девушек на небе? — спросил Змей, опуская веки. — Еще не выбежали Плеяды. К их восходу поют Геспериды и навевают мне сон.

— Где теперь вечерние девоптицы?

— Дремлют.

И опять умолкли титаны: и Гора-Человек и Змей-великан. Будто всё рассказали друг другу, о чем думали тысячу лет. Но осталось еще последнее слово, и оно прозвучало:

— Дай мне три золотых яблока для Геракла, Ладон.

— Возьми, пока дремлют Геспериды.

И закрыл дракон, Страж сада, змеиные веки и замер.

Бережно протянул титан каменные ладони к трем яблокам, висящим на самом маленьком пальце могучей ветви-руки. Тусклым золотом отливали плоды. Бережно коснулся титан их ножки. Бережно отломил ее ногтем. И тотчас на то место, где от ветви отломилась ножка яблок-сестер, набежала амброзийная капля. Затянуло ранку серебром. И уже новый росток выпрыснул нежной почкой из засеребренного места.

На каменных ладонях Атланта, как на выгнутом блюде, лежали три золотых яблока из сада Гесперид.

Всходил Вечер, звездный юноша Геспер, звездою в Гиперборее. В такой вечер гранатовое небо заката словно давит на воды океана.

— Я иду, Форкид,— сказал Атлант.— Мне пора. Атлант обещал Гераклу вернуться, когда Геспер взойдет.

— Иди,— ответил Змей, но веки не поднял.

И шагнул Гора-Человек.

Уже второй шаг хотел сделать Атлант, выйдя из сада, когда раздался ему вдогонку шипящий, пронзительный крик Змея:

— Атлант, Атлант, пусть он держит небо — не ты!

В изумлении остановился титан. Обернулся плечами и лицом в сторону, откуда доносился крик.

Торжество и коварство звучали в голосе Змея. Не таким знал Атлант Ладона, речного титана Чудо-горы. Спросил:

— Тебя я слышу, Ладон?

И еще громче, и резче, и злораднее повторил голос Змея:

— Пусть он держит небо — не ты!

С протянутыми перед собою каменными ладонями, на которых лежали три золотых яблока, стоял Небодержатель и медленно вдумывался в слова Змея, повторяя их мыслью, как эхо: «Пусть он держит небо — не ты!»

Медленно, жерновом титановой правды, крепкой, как

адамант, перемалывал Атлант в своем сердце слова Змея, что не он, Атлант, будет Небодержателем, а Геракл. Какие-то древние глыбы нерушимых заветов переворачивались в сердце титана, и под седым мхом высоко вздымалась полуокаменевшая грудь.

«Пусть он держит небо!»

И, сам еще не постигая, что говорит его титановой мысли голос сердца, словно разрывая невидимые цепи, вдруг высоко поднял Атлант вольные руки к небу, роняя из разведенных ладоней золотые яблоки наземь, и, ликуя, воскликнул:

— Так пусть же он держит небо!

Не опуская рук, изогнув в пояснице века не сгибавшееся назад гранитоподобное тело, смотрел Атлант с запрокинутой головой на далекую померкшую дорогу Солнца, над которой замерцали Плеяды, и рассмеялся, как юноша.

Ни Небо-Уран, ни праматерь Гея-Земля тысячелетия уже не слышали, чтобы вновь на земле так юно смеялся древний титан. Не знала мысль мудрого Атланта от века хитрости. Прямым был Атлант. Как Омфалос, пуп земли, было крепко и верно его слово. И не знал он, что меж корней всего сущего, свисающих под тартаром в великую Бездну Вихрей, живет Эрида-Распря.

Но вдруг постигла его титанова мысль, что он, титан Небодержатель, свободен и вернется в Счастливую Аркадию. И забыл Атлант, что уже нет там его Чудо-горы, что на месте Чудо-горы в глубоком котле кипят туманы. Обо всем позабыл счастливый Атлант.

И тогда спросила правда титанова сердца титанову мысль:

— Где, Атлант, твое слово Гераклу? Кто твои ладони оторвал от небосвода? Кто хотя бы на день, на час освободил тебя, раба богов, от тяжести неба с богами? Обмануть хочет титан героя-освободителя? Чем же ты лучше богов? Такова ли правда титанов?

И ответила сердцу мысль Атланта, Горы-Человека:

— Не прикованы руки Геракла к небу. Могут сбросить на землю небо с богами и разбить само небо. Свободен смертный Геракл.

И тогда-то донесся опять из сада Гесперид голос Змея:

— Не щади убийцу титанов, титан! Он — Истребитель.

.....

На земле, у ног Атланта, лежали три золотых яблока. Посмотрел на них Атлант, посмотрел на небо и увидел, что высоко на небо взошел звездный юноша Геспер. Потянулся за яблоками титан, но пригнуться и поднять их не мог. Так и стоял над ними Атлант с каменными, протянутыми вперед ладонями.

И увидел Атлант, как принялась, вращая в почву, упавшая веточка с тремя яблоками. Стала расти и расти, сначала тонкой былинкой, а затем деревом с тремя золотыми яблоками на серебряной ножке. Видел, как все выше и выше растет дерево, как оно доросло до каменных ладоней титана, наклонилось над ними. Сами плоды легли ему на руки.

Тогда зашагал Гора-Человек туда, к краю земли — к Гераклу.

Пробудились Геспериды-девоптицы в волшебном саду. Оглядели золотые плоды — трех яблок недосчитались. В тревоге захлопали крыльями: стряслась беда, упустила яблоки стража. Не петь больше в саду ни им, ни Ладону. Станут немые Вечерние нимфы и стоголосый дракон. Нерушим закон п р а в д ы ч у д е с: кто не выполнит предназначения, тот утратит волшебную силу.

И заплакали Геспериды в волшебном саду: почему молчит Змей? Чья вина? Где похититель?

Тогда послышался голос Стража-дракона:

— Небодержатель Атлант унес три яблока для Геракла из Сада.

Удивились Геспериды. Поднялись. Полетели за хозяином-похитителем, долетели до окраины сада. Видят: след Горы-Человека уходит от них к океану.

Вернулись Геспериды, вечерние стражи, к яблоне Геи и запели печально, усыпляя дракона Ладона.

Но беззвучен был голос Вечерних нимф, и открытыми оставались в вечерней мгле глаза дракона Ладона.

Не Геракл стоит у края земли в пределах Атлантовых,— Небодержатель. Склонив голову, держит небо, как прежде, Атлант.

Через горы и доли шагает к Тиринфу Геракл. За плечами героя лук и колчан; треплет ветер львиную шкуру. Дубинка в правой руке. В левой — три яблока золотые.

Что сказали друг другу при встрече и разлуке титан и герой?

Но не об этом поют Геспериды в волшебном саду. Поют они о скитаниях похищенных яблок.

Молча подал Геракл три золотых яблока царю Тиринфа Эврисфею. Только в саду Гесперид, в далекой Гиперборее, созревали такие яблоки. Совершил свой подвиг Геракл. Отшатнулся в испуге царь Эврисфеей от подарка Геракла. Не коснулся рукою яблок.

— Унеси! Нет, оставь их себе,— сказал властитель Тиринфа.— Ты принес мне запретный плод. Кто коснется этих яблок или вкусит их, тот отрешен от мира жизни живой. Это яблоки смерти. Что ты сделал, отважный герой, слуга Эврисфея! Заслужил себе бессмертную смерть¹.

¹ Прикосновение к золотым яблокам, на которых лежал запрет, обрекало прикоснувшегося смерти. Хотя вознесенный на Олимп Геракл, согласно мифу, обрел бессмертие, однако, став богом, он потерял свое былое значение подвижника-героя и стал ненужным, подобно вознесенному на Олимп Прометею.

С вознесением на Олимп мифологический смысл Геракла и Прометея как борцов за человечество кончился. Бессмертие Геракла стало, таким образом, его вечной смертью: образ Геракла-героя умер.

Усмехнулся зло царь Эврисфей.

Ничего не ответил Геракл. Вышел снова молча из Тиринфа на каменную дорогу. И в руке его чудно сияли три золотых яблока. Так дошел он до перепутья. Здесь предстала перед Гераклом Гера. Испытующе-грозно посмотрела богиня в глаза герою. И ей протянул Геракл золотые яблоки Гесперид.

— Не для смертных эти золотые плоды,— сказал богине герой.— Это яблоки из Сада богов. Верно, дарят они вкусившим вечную юность. Прими их в дар. Отнеси на Олимп.

Отвела свою руку Гера. Отступила на шаг от Геракла. Сказала:

— Плод запретный яблоки Геи и для бессмертных. Какой бог небес против воли Геи-Земли их коснется или вкусит, тот навеки подвластен Аиду. Не вернется он к небожителям в мир живой жизни. Будет царствовать в мире мертвой жизни. Отнеси их обратно Гесперидам.— И исчезла в лазури.

Не любила Гера сына Зевса, Геракла, разрушителя мира титанов.

Остался у перепутья герой и не знал, что ему делать с золотыми яблоками сада Гесперид, за которыми он шел на край света. Не нужны они живой жизни. А ведь труден был путь к саду Гесперид.

Хотел отдать Геракл золотые яблоки морю.

Но выплыл из моря Нерей, и сказал бог-титан морской герою:

— Не бросай эти яблоки в море. Бросишь в море — и уйдут навсегда nereиды на дно морское. Не будут волны играть и петь. И не будет в море морских див. Унеси, Геракл, эти золотые яблоки на Чудо-гору. Положи их на Чудо-горе и сам уйди.

И ушел Нерей в свое море.

Но не знал Геракл, где на свете та Чудо-гора.

Хотел Геракл отдать золотые яблоки Гелию-Солнцу.

Взошел он на высокую гору и крикнул титану в небо:

— Возьми, Гелий, от меня золотые яблоки Солнца! Золотые они, как ты. Увези их на чаше-челне в солнечный град — в Аэйю.

Но ответил титан Гелий Гераклу:

— Были некогда они солнечными яблоками. Вкусивших одаряли они вечной юностью. Назывались они тогда молодильными. Но теперь они — яблоки смерти. Не хочу, чтобы мои крылатые кони сбились с небесной дороги и зажгли пожар на весь мир. Не хочу я тонуть в водах озера Эридан: глубиною оно до самого тартара. Не хочу, чтобы юный Аполлон взошел на мою колесницу. Не коснусь я запретных плодов. Для титанов, низвергнутых в тартар, предназначила их праматерь Гея, чтобы, вкусив, могли они вернуть себе юность, войти радостно в живую жизнь. Отнеси эти яблоки в тартар.

И полетели кони Солнца, поскакали дальше по небесной дороге.

Решил Геракл отдать золотые яблоки обратно Гее-Земле. Находилась недалеко от перепутья древняя-предревняя пещера, где спящие слышат во сне голос Земли. И собрался было герой идти, как стал позади Геракла Сон-Гипнос. Зашептал Сон-Гипнос Гераклу:

— Подожди здесь до ночи, Геракл. Положи эти яблоки рядом с собою. Ляг и усни.

Лег герой и уснул.

И приснились ему три Геспериды-девоптицы: прилетели они к Гераклу во сне из Гипербореи. Взяла каждая по золотому яблоку, засмеялась — и вновь улетели Геспериды в пределы Атлантовы. Унесли с собой три золотых яблока.

Проснулся Геракл, смотрит: нет рядом с ним золотых яблок. Сон унес их? Или Геспериды? Кто знает.

Но держал их в руках Геракл. Держал Геракл и небо на одном плече. Доходил до столпов Заката. Переплывал

океан на чаше-челне Гелия. Не забудут теперь герои дорогу в пределы Атлантовы — туда, где сад Гесперид.

Без помощи богов и награды совершил Геракл свой подвиг.

Пойте снова в саду Гесперид, Вечерние нимфы! Вернулись золотые яблоки в древнюю Гиперборею. Кончилась служба Геракла.

И герой зашагал к Аргосу.

К К А Ъ А Н И Ъ

О ТИТАНИДЪ ГОРГОНЪ
МЕДУЪ И ОУЫНЪ
ЪОЛОТОГО ДОЖДА

СКАЗКА О МИРЕ МЕРТВОЙ ЖИЗНИ ЗА ОКЕАНОМ

ПРОЛОГ

На трех столпах небо. Глубоко в преисподней подножия столпов. На востоке небесный столп — Кавказ. К скале Кавказа прикован титан Прометей. Серединный столп — гора Этна. На глубине тартара, придавленный Этной, лежит стоголовый Тифоей. На западе столп — титан Атлант. На плечах Атланта — скат неба.

За небесными столпами крайняя грань земли. За ней океан — Мировая река, обтекающая землю. Здесь пределы Атлантовы. Здесь мгла. К океану спускается по небесной дороге титан солнца Гелий, распрягает коней, купает их в водах и плывет с ними в золотой чаше-челне на восток, к солнечному граду Аэю. У восточной грани земли обитает Эос-Заря.

Позади небесных столпов, где пределы Атлантовы, там и поля Горгон — убежище Медузы и ее двух сестер. С ними и три Грайи-Старухи.

За океаном лежат острова. Там пурпурный остров Заката — Эрифия, где царит трехтелый великан Герион. Его пурпурных коров сторожит гигант Эвритион и двуглавый пес, бескрылый Орф.

Герион — титановой крови. Порожден Хрисаором, сыном Горгоны Медузы.

Там остров Огигия, где в изгнании живет титанида, дочь мятежного Атланта, кознодейка Калипсо. Ни боги Олимпа, ни люди не общаются с нею. Кого судьба занесет к Калипсо, для того нет возврата.

Там остров Эйя. Кто на этот остров попал, тот не знает, где восток и где запад. На острове Эйя живет титанида-волшебница, солнечная нимфа Кирка-Цирцея, обращающая людей в животных. Титан солнечный Гелий Кирке отец. Океанида Перса ей мать. Братом ей приходится Аэт, царь Аэйи, в чьих владениях солнечный дракон охранял в роще золотое руно. Всё, что было, случилось, знает Кирка. Может даже стать невидимкой, как властитель преисподней Аид. Некогда в другой, радостной Огигии, где огигийские Фивы, обитала Калипсо, белокурая титанида. Некогда на Авзонском море, в Фессалии, жила солнечная Кирка. Но изгнали боги-олимпийцы Калипсо и Кирку, непокорных титанид, из Огигии и Авзонии на край земли, к океану, за пределы богов и людей.

Там, близ острова Эйи, сад Гесперид. Говорят, будто сперва к Гесперидам привез сестру, солнечную Кирку, Аэт. Но не приняли солнечную нимфу Вечерние нимфы Заката. И достался ей остров Эйя в океане.

Там, на океане, лежит голый остров — остров Сирен. Была матерью им титанида Мнемосина-Память и отцом — старейший титан, бог рек, рогатый Ахелой. Были некогда Сирены музами. Прославляли мир титанов и владык его — Крона и Рею.

Но когда пали древние титаны, новых муз родила Мнемосина от Зевса-Кронида. Покорилась она новому властителю мира. Удалились тогда бывшие музы титанов в море Крона, на остров Благоухающих Цветов. Близ Тринакрии-Сицилии, где Блуждающие Скалы, лежит тот остров. Было их, по преданию, четыре: Тельксиона — с авлом-гобоєм в руках, Пейсинья — с кифарой струнной, Аглоола — певунья и Мольпэ, что поет, играет и пляшет.

Провинились древние музы. Видели, но не пришли они на помощь юной Коре, дочери Деметры, когда черный похититель, бог Аид, уносил ее в подземное царство. И в гневе обратила их богиня Деметра в Сирен: в дев до пояса, а от пояса — в крылатых птиц. Но остался у Сирен голос муз, и неодолимы были чары их пения.

Исчезли тогда бывшие музы титанов из мира живой жизни. Удалились по воле богов к океану. Там на каменный остров, на голую скалу Аполлона, опустились опальные музы — Сирены.

Но не так рассказывали об их исчезновении полубоги-герои.

Плыли Аргонавты, герои, по морю Крона, и когда очутился их говорящий корабль Арго близ острова Благоухающих Цветов, стал на носу корабля с кифарой в руках певец Орфей и запел, состязаясь в пении с Сиренами: он, Орфей, — певец Аполлона, они, Сирены, — древние музы титанов.

Знали герои-аргонавты, что неодолимыми чарами своего пения приманивают Сирены к острову проезжающих мимо них мореходов и погружают их в вечный сон — в прекрасную смерть, эвтанасию.

Но по миру живой жизни разнеслась молва, будто девоптицы Сирены — людоеды, будто, погрузив в сон мореходов, они их обглаживают до костей под ласковые звуки кифары и будто белеют грудами кости на берегу острова Сирен.

Пел Орфей. Пели Сирены. И слушали Аргонавты,

герои-полубоги, их пение. Боролись песня с песней, струны со струнами, и заглушила волшебная песня Орфея обольстительные голоса Сирен. Не Сирен-девоптиц, а певца Аполлона заслушались Аргонавты. Проплыл корабль Арго мимо острова Благоухающих Цветов на виду у Сирен, и никто из героев не бросился с корабля в море на призыв былых муз, красавиц-чародеек. Не бывало еще им такого поношения, чтобы мимо Сирен без жертв проплыл корабль.

Суров и неумолим закон правды чудес: кто из чудо-созданий мира живой жизни не выполнит хотя бы раз свое предназначение, тот обречен миру мертвой жизни.

Ни один корабль не должен пройти мимо острова Сирен без жертвы. Но корабль Аргонавтов прошел. Нарушили Сирены завет правды чудес. И тогда кинулись все четыре Сирены в море и канули навеки. Но не забыл о них мир живой жизни.

Там, где пурпурный остров Заката,— там мертвая жизнь. В пределах Атланта, на полях Горгон, на островах Эйи, Огигии, Сирен не живут живой жизнью, как боги и люди. Не доносятся туда голоса живой жизни. Разве только отвага или беда занесет туда героя. Или бога пошлет вестником бог.

Есть глубокие пещеры на крайней грани земли. Одни глубиною доходят до вод Ахерона. Другие пещеры зияют над самым океаном, высоко в скалах.

За пурпурным островом Заката — за страной забвения — глубины айда. Под айдом — тартар. Под тартаром — великая Бездна, где корни земли, и морской пучины, и звездного неба — все концы и начала Вселенной. Там бушуют и мечутся свирепые Вихри в вечной свалке друг с другом. Там жилища сумрачной Ночи в черном тумане. Там ужасом веет. Даже боги трепещут перед Великой Бездной Вихрей.

Меж корней, свисающих в Великую Бездну, живет Эрида-Распря.

ЧАСТЬ I

СКАЗАНИЕ О ТИТАНИДЕ ГОРГОНЕ МЕДУЗЕ

Жили некогда в земном мире дети Геи-Земли и Урана-Неба, могучие титаны и титаниды.

И среди них, могучих, были особенно могучи морской титан Форкий и морская титанида Кетó.

Форкий ведал седым морем и прозывался Морским Стариком, Кето ведала морской пучиной и прозывалась просто Пучиной.

И родились от могучей Пучины и могучего Морского Старика шесть дочерей — три красавицы, лебединые девы, родились с серебряно-седыми, как морская пена, волосами, и назвали одну из них Пемфредó, другую Эниó и третью Динó.

На лебедей походили они.

Но от имени их отца, Форкия, именовали их титаны

Форкидами, а боги и люди прозвали их Грайями — Старухами.

Красив наряд у Пемфредо. В шафранном пеплосе, как харита, Энно. Такими их еще помнят поэты¹. Да плохо помнят.

Три другие дочери родились с золотыми крыльями, и носились они по воздуху, как морские ветры. И прозвали одну из них Сфенó — Сильной, за силу ее, другую Евриáлой — Далеко прыгающей, третью же, что всех краше была и отважнее, Медузой — Властительной. И были бы на зависть всем волосы Медузы, если бы умели титаниды завидовать.

Но в народе сохранилось за сестрами грозное имя — Горгоны: молниеокие.

Бессмертны, вечно юны и прекрасны были и Грайи и Горгоны. По морю плывут Грайи, над морем летят Горгоны.

Но пала власть титанов Уранидов. Печальна была участь поверженных титанов. И всех печальнее была участь шести сестер-титанид — Грай и Горгón.

Не покорились они победителям-олимпийцам, как другие красавицы-титаниды. Не им, вольным и гордым, покупать себе сладкую долю пляской и пением в золотых чертогах Олимпа. Непреклонно сердце сестер-титанид, как у nereиды Немертеи. Крепко правдой, как адамант. А сколько их, пленниц, океанид и речных нимф, утомленных борьбой, уступили могучим богам-победителям или вступили с ними в брак! И среди них океанида-ведунья Метида-Волна, знающая мысли Земли.

Темно знание Земли. Скользя волна: не уловить ее сетью, не связать золотой цепью.

¹ Намек на первоначальный прекрасный образ Грай сохранился в «Теогонии» Гесиода наряду с трогательным эпитетом к Медузе: «познавшая горе». По-видимому, старинное предание о титанидах, дочерях титана Форкиа, уже во времена Гесиода было весьма смутным. Под воздействием ревнителей Олимпийского пантеона сказание претерпело метаморфозу: и Медуза и Грайи превратились в чудовищ, какими их знает и Гомер.

Вот какова Метида!

Все голоса земные — и птиц, и зверей, и листьев, и трав — были ей ведомы. И сама любимым голосом говорила: по-звериному, и по-птичьему, и по-змеиному.

Чей звериный или птичий голос знаешь, в того зверя или птицу обернешься: были оборотнями титаниды.

Но сломила мудрость и силу Метиды мощь Зевса. И огнем, и водой, и кустом, и змеей оборачивалась она, ускользнуть пытаясь от жестокого бога. Не размыкал он объятий, не верил обманчивым образам — одолел титаниду. Знал Зевс: могучую родит она ему дочь — Афиноу-Палладу.

Бросили олимпийцы древнего Форкия во тьму тартара. А по морю плавают девы-лебеди Форкиды. А над морем носятся девы-бури Горгоны. Обернутся чудо-кобылицами и по волнам скачут, а гривы золотые до облака. И всех прекраснее бесстрашная, гордоокая Медуза. Когда, бывало, размечутся ее кудри по небу, кажется, будто золотые вихри золотыми змеями разметались у нее на челе.

И радуется титанида Эос-Заря, и улыбается, глядя на нее розовыми глазами. Да разве есть розовые глаза? А вот есть! — у Эос-Зари.

И любит властительной красавицей титан Гелий-Солнце в сверкающем венце. Даже солнечные кони косят с высоты глазом на могучую шалунью: так бы и соскочили они с солнечной покатой дороги и кинулись к ней, задевая копытами горы. А там хоть весь мир гори!

Но крепки вожжи и крепки руки титана Гелия. Плещут в него девы-лебеди крылами, но только кружево поднимается над морем. Ударит по волнам плашмя рукой Медуза, брыз. ст ему в жаркое лицо — и кажется, будто звездное небо влетело от земли ввысь и обдало солнечную колесницу мириадами водяных искр. Тогда забывает о

своей подневольной службе¹ и о свергнутом в темную бездну отце своем Гиперионе титан Гелий, обитающий с победителями-богами на Олимпе в золотом, дарованном ему чертоге.

Не могли пока олимпийцы низвергнуть титанов света во тьму Эреба: ни Гелия-Солнца, ни Луну-Селену, ни Эос-Зарю, ни Звезды. Как быть без света! Признали олимпийцы титанов света своими. Но надолго ли то подневольное равенство? Нерушимы законы Ананки-Неотвратимости. Но захочет Зевс и нарушит. Прикажет остановить на всем скаку солнечных коней посередине небесной дороги и снять сверкающий венец — остановится, снимет титан Гелий свой венец, и погрузится мир во мрак на три дня, пока новый мировластитель вступает в тайный брак со смертной.

Но не один Гелий с выси небес любит игру титаниды и ее чудо-кудрями. Ревнивым оком с высот Олимпа, скрываясь за облаком, следит за Медузой дочь Зевса, сама Афина-Паллада. Юна она. Родилась недавно, и не от богини, как все боги, а от самого Зевса-Кронида. Из черепа, из вместилища разума, вышла она в боевых доспехах и с копьем в руке.

Кто отважнее ее на Олимпе? Никто. Даже бог войны, свирепый Арей, уступает ей в мощи — ну и глуп Арей!

Кто мудрее ее на Олимпе? Никто.

Не Метида ли, Мысль, зародила ее? Беременной проглотил Метиду лукавый Зевс: в муху обернулась Метида, чтобы поверил Зевс, что великим и малым может стать мысль. И стал материнский плод созревать в разуме отца. Наступили роды — тяжелые роды. Даже мировластителю нелегко рожать дитя Мысли. Долго мучился Зевс-роже-

¹ Из всех могучих солнечных титанов только титан Гелий был принят в Олимпийский пантеон, и с ним титаниды. Все прочие солнечные титаны были низвергнуты в тартар. Гелий теперь не вольный титан, а подневольный: он обязан трудиться круглосуточно. После заката он плывет по океану на восток.

ница. Не выходит плод. Не пробиться самой к свету дочери Мысли. Крепок сосуд разума — череп властителя Зевса. И по зову Зевса приступил к Зевсу Прометей-Промыслитель. Поднял алмазный молот титан, проломил в черепе бога выход для плода — и вышла на свет Афина-Паллада, дитя Мысли.

Кто же ей равен? Никто. Нет властительнее, нет мудрее, нет и прекраснее ее среди бессмертных. Но вот одна — там над волнами при девах-лебедях вольно резвится: гордая, мощная, властная дева невиданной красоты — непокорная титанида.

Будто нет на Олимпе богов и богинь, победителей и властителей мира! О, мятежное племя Урана, семя Форкидово! Что любит Гелий на золотые вихри волос? Почему никто из богов не сломил ее титанову пруть? Да неужели волосы дикой Медузы прекраснее кудрей Паллады? Не помериться ли силою с ней: в быстром полете, в мощи удара, в дальнем прыжке, в замысле тайном?.. Да смеет ли кто превзойти властителей мира, будь он даже трижды бессмертным! Нет, проста ты душой, титанида. Не у тебя на плече сова мудрости.

Улыбнулась коварно Паллада, отвела в сторону облако. Скользнула с неба и встала над морем на той высоте, где только Зевесов орел летает. Стоит, играя копьем, из руки в руку его перебрасывая: закинет копье до самой солнечной дороги и словит на лету верной десницей, когда копье летит обратно с неба на землю. Только свист, и звон, и гуд в воздухе, словно тысячи копий метнули тысячи рук.

Засинели глаза у Медузы — так засинели, будто море, и небо, и все чуда морские вошли в эти глаза и разлились в них синим пламенем.

Нависала над морем скала — не скала, а гора. Все думала упасть, века думала, и не упала. А упала бы, был бы каменный остров на море. Разбежалась Медуза, смахнула ладонью скалу — и как не было. Не долетела еще скала до гребня волны, как метнула ее титанида ударом

ноги до Кронидовой тучи, под самые ноги Паллады. И засмеялась Медуза, так засмеялась, что все море утопила в смехе, и узнало море, что и на него есть потоп; засмеялась в глаза дочери Зевса, не прикрыв лица золотым крылом.

Изумилось море, изумилось впервые до самого дна. И взмыл из морской глубины черногривым конем сам властитель вод — потрясатель земли Посейдон. Взмыл и увидел Медузу во всей ее девичьей красоте, а над нею в небе — дочь Зевса. Ударила гневно копьем во взлетевший камень Паллада. Расколола скалу пополам, и рухнула скала двумя обломками в морскую пучину.

Осмотрели друг друга соперницы, померились взорами: в глазах Горгоны молнии блещут, в глазах Паллады солнце сияет. Власть на власть, сила на силу — не уступят друг другу.

Потемнело светлое лицо богини от гнева и обиды, и вдруг лукаво усмехнулась Паллада, взглянув на черногривого коня, и вознеслась на Олимп.

Не бывать титаниде выше богини!

Как кинется Черногривый к Медузе!.. Топнул копытом по камню — выбил ключ из камня. И вдруг принял конь образ бога Олимпа и трезубец поднял над головой титаниды — покорствуй!

Взглянула Медуза на Посейдона: брызнули молнии из Горгоновых глаз, ударили в трезубец бога, пробежали по нем и погасли. Что ему молнии глаз! Загремело в ответ с облаков Олимпа. Застыл трезубец в руке Посейдона. Переломит жаркий перун Кронида холодную молниюладыки морей. Не отдаст ему титаниды.

Вновь обернулся бог черногривым конем и в землю ушел.

И познала горе Медуза.

Живительный дождь падает на землю. В дожде скрыты силы Эроса. Не Уран ли, Небо, оплодотворяет Землю? Зреют в ней семена. Новые порождения, новые дети Земли

выйдут из ее недр — исполины-гиганты. Нарушат покой олимпийцев. Будут громоздить горы на горы, порываясь на высоты Олимпа. Вырвут с корнями вековые дубы, обломают утесы, будут метать их в самое небо. Взовьются многоголовые змеи, как обтянутые кожей буйные реки, оплетут блестящие бедра и плечи богов, вопьются зубами в их бессмертное тело.

Снова зреет темный мятеж¹. Снова стонет Гея-Земля и корит олимпийцев за неправду, и зависть, и смех при ее земном горе.

Шумят листья додонских дубов. Звенят на ветвях полые сосуды. Щебечут птицы на дубах. О чем шумят, и звенят, и щебечут? Волю Земли слушают. Новый разум богов невнятен им. В дрёмных грезах Земли чуют правду титанову. Сильна Земля.

Залегли в трущобах чудовища с бессмертными головами — титаны-оборотни. В болотах Лерны — Гидра многоголовая: откроет пасть, и текут чрез нее все воды Лерны. По Немее бродит лев, бескрылый дракон с тремя змеиными хвостами. Вепрь в железной щетине, титан-оборотень, на лесистом Эриманфе точит клыки на богов. Кони мясо едят человечье. Да кони ли они? Шумят листья додонских дубов.

Выросли на земле великаны, сыновья старинных прабогов, недовольных Кронидами. Много чужих богов вросло в племя Кронидов, приняло благостный олимпийский облик. И Арей кровожадный породил великанов. Ненавидит свирепо Арей отца. И у Гефеста хромого дети. Что за дети? Опять великаны? Не забыл своей хромоты бог-кузнец. Смастерил великана Тала из меди. Кружится Тал по острову Крит вместе с солнцем. Медным гвоздем кровь у него в щиколотке заперта, чтобы не вытекла. Не вынешь гвоздь-запор, не вытечет кровь. Что ему молнии! Слуг из

¹ Все подземное *темно*. Темно знание Земли-Геи. Темные тревоги, Керы-Беды, вылетают из преисподней. Гиганты, дети Земли, выйдут из ее темных недр для борьбы с богами. Поэтому мятеж их «темный».

золота и меди выковал хитрый Хромец. Ходят золотые слуги по чертогу, яства подносят. Что яства! Коней запрягают. Что кони! Доспехи боевые подают, да и сами берут щиты, и мечи, и копья в золотые и медные руки и шествуют грозным воинством. Ого! Мастер кузнец Гефест. Что за забаву выдумал!.. Не страшны золотым и медным воинам огненные молнии. Сами сквозь огонь прошли, сами молотами кованы. И у Геры верный слуга — Аргус тысячеглазый. Все кругом видит, Уранидово семя!¹

Слишком много бессмертных на земле — великаны, и чудовища, и титаны, и боги. Не для бессмертных земля. Навалилось бессмертие на землю тяжким гнетом², давит живую смертную жизнь.

Кличет Кронид Палладу-Воительницу. Мудра Паллада. Думу отцовскую, как рыбу, выудит. Тревогу его на щит берет. Он, отец,— ей мать.

Говорит Паллада отцу:

— Тяжела Земля-Гея. Зреет в ней племя гигантов. Быть еще великому бою. Зачем не велел ты нам поражать титанид? Зачем хочешь от них иметь сыновей? А хочешь иметь — так зачем же носятя они вольными девами по миру, грозными глазами богинь казнят, обидами олимпий-

¹ Олимпийский пантеон образовался не только из эллинских племенных богов, но и из праэллинических туземных и малоазиатских восточных богов. Еще у Гомера отражена былая борьба культов этих богов с культом Зевса: культа пра-Арея, Геры Аргосской, пра-Посейдона-Хтона и др. Вот почему Гера всегда злоумышляет против Зевса и недоброжелателен к нему Посейдон. Вот почему Зевс ненавидит своего сына, Арея, бога войны. Вот почему одни боги ратуют за троян, а другие за ахейн и дело доходит до Теомахии, то есть до взаимной драки между богами, на радость Зевсу. Вот почему древний Геракл, сын Зевса, побеждает всех других богов Олимпа.

² В борьбе богов Кронидов с титанами Уранидами, эпизоды из которой вошли в «Сказания о титанах», обе стороны, борющиеся за власть над миром и за свою свободу, бессмертны. Бессмертны также давние дети Геи — великаны и многие чудовища-пелории. Бессмертных было слишком много, и все они хотели быть богами и господствовать. Крониды должны были их уничтожить, чтобы упрочить свою власть над миром.

скую радость уязвляют? Все беды от них. Все тревоги и бури от них. Накликают на нас подземную силу детей Ночи. Горды, дерзки. И всех дерзостнее и отважнее непокорная Форкиева дочь — Медуза. О, горда Горгона! Не чтит меня. Кичится силой. Кичится титановой древней вольностью. Отдай ее мне. Пусть покорится Посейдону. Сломим мы с ним ее титанову мощь и непокорство. Сама сильна она, мне ровней хочет быть, да еще бережет ее Прометеев брат, титан Менэтий. Похвалялся, будто он, Сверхмощный, сильнее тебя, Кронида. Отдай ее мне. А Менэтия...

Прянул с места Кронид. Всколыхнулся великий покой. Всколебался Олимп. Дрогнули море и суша...

Гремит перуном Зевс-Кронид. Рассекает трезубцами молний стесненный простор. Кипят моря в котлах-безднах. Клокочут, взрываясь, пузыри болот. Безглазые Горы ступают — грохотом стоны глушат. Опоясанный космами туч, эгидой, сам бог Грозовик разит: засияет, ослепит на мгновение землю и вновь тьмой покроется.

Что это? Будто подземные пещеры вырвались на свет из недр земли, взмыли кверху и огромными глотками-чревами глотают воздух! Душно. Скрутился воздух жгутами-водоворотами, запелся — и хлещет канатами, будто сплеча... а плеча нет.

Сотни исполинских рук рыщут по воздуху, ищут в клубах тумана слепыми исполинскими пальцами, щупают пропасти и горы. Не Бриарей ли Сторукий поднялся из пучины пучин по зову Кронида?

Вот ухватили тысячи пальцев-клещей, тащат кого-то в разверстые хляби, во тьму великую Ночи. Все небо чье-то тело затмило.

Кто это? С кем сшибся Кронид? Кого поборол?

Сверкнул трезубец. Расколоч полнеба, озарил полмира грозovým огнем.

Горе титанидам!

Сына Япета, Менэтия, Прометеева брата, теснят.

Извиваются вывернутые мышцы-громады, набухают узлами чудовищных удавов, стонут жилы от натуги, будто ветер Борей в Офридском ущелье. Вот-вот лопнут,

Рванулось Тело, так рванулось, что хребет гор, как дерево, согнуло от бешеных вихрей — и остались горы горбатыми. Но влекут сотни рук и исполинских клещей невиданное Тело... Не вырваться.

Брызнули молнии, осветили, опалили... Пасть Эреба открылась. Вздрыбились кони; сам бог преисподней Аид поднялся из мглы, будто путь указывая. Потряслась земля, грохнуло страшно, словно небо на куски разбилось. Опустились косматые тучи до самой земли, поднялись — и онемела земля. И вот охнуло глухо, застонало, завывало над морями, полями, лесами. Что и откуда? Это носятся с горестным выкриком, грозно завывая, сестры Горгоны-воительницы: где враг?

И, вытянув лебединые шеи, бьют крыльями по клокочущим водам сестры Грайи и плачут-поют так жалобно, что заплакала бы и каменная душа.

Вот они, лебединые песни, которых никто не слышал!

У бессмертных усталость смертная.

Утомилась Медуза. Дни и ночи за ней гонится кто-то черным облаком. Обернулась она Золотогривой девокобылицей — девой по пояс, кобылицей от загривка золотого. Чует кровью титанида врага. Кличет боевой клоч титанов. Молчит черное облако. Прилегла на лугу в весенней высокой траве, среди незнакомых цветов.

Повели наяды хороводы. Оплеснули ее ключевой водой, как новобрачную, засмеялись и канули в прозрачный холод ключей. Засияло на небе облачко. Поплыло от Олимпа, заиграло летучими радугами. Что за облачко? Что за синие, за зеленые, алые, желтые птицы дугою летят по небу? Загляделась Медуза. Забылась. Уснула Бесстрашная.

Грозный конь, Черногривый, пред ней. И копытом стукнуть не дал. И взора метнуть не успела. Прикрыл ее черным облаком.

Крикнула Медуза криком Горгоновым. До двух морей крик долетел. Летят ей на подмогу сестры Горгоны и Грайи — двумя Вихрями, тремя Бурями. Но и к черному облаку идет подмога. Несется навстречу Горгонам и Грайям от Олимпа та тучка в радугах. И сверкает в ней что-то чудно: сама Паллада золотой дождь солнца на щит берет, мечет жгучее золото в глаза сестрам Грайям. Слепила три Бури. Застонали, завывали, закружились слепые Форкиды. Друг на друга налетают.

Пронеслись две Горгоны, два Вихря. Сшибаются с тучкой. Зазвенел Эвриалы-Горгоны боевой клич. Кинулась издалека прыжком-мётом на щит Паллады, выбила щит из руки и взывала от укуса жгучего золота. Там, в далеком океане, упала Горгона Эвриала.

Ударила Горгона Сфенó крылом-ураганом, вырвала копьё у Паллады, наметила концом копья в грудь богине — и застыла, как каменная: на Палладе эгида Зевесова, козья шкура со страшилищем-лицом.

Ушла сила от сильной Сфено. Ухватила ее Зевесова дочь левой олимпийской рукой, метнула — и след простыл могучей Горгоны. Там, за океаном, упала.

Огляделась богиня.

Кружатся слепыми бурями Грайи. Плачут по зрячим глазам. Держатся крылатые друг за дружку.

Обернулась богиня к земле.

Нет на лугу черного облака. Лежит на травах и цветах титанида Медуза. Раскинула руки. Всеми миру открыла красоту невиданную. И далеко кругом рассыпались, будто нивы, полегшие под ветром золотые волосы: и в ключах наяд тонут золотые дожди волос, и вокруг дубов и платанов обвились... И вот хлынули золотыми потоками в трещину, в глубь земли, куда Черногривый ушел.

Засмеялась Паллада — так засмеялась, что смехом всех

птиц оглушила, и цветы, и деревья, и воды. С той поры замолкли в том месте песни птиц, и цветов, и рощ, и ключей.

Опустились к Горгоне три слепые Грайи. Нашупали пальцами тело Медузы, окутали его седыми волосами и унесли к океану, на край земли.

Грозны и мстительны боги Олимпа. Зловеща тьма. Во тьме земной, как корни дерев, вырастают змеи и врастают в тело, шипят, и жалят, и свиваются в кольца. Кто обречен земной тьме, тому суждено стать змеиным отродьем. Изменит он свой прекрасный образ на образ чудовищный. Обернутся его ноги змеиным хвостом, вздыбятся, закрубятся волосы змеями, и из бедр и шеи вырастут змеи. Засверкает чешуйками кожа. И клыки выбросятся изо рта. Станут руки медными. А глаза... Лучше не видеть тех глаз.

Страшен образ былой красоты. А когда вырастут крылья и когтистые лапы и взлетит чудовище дракон-людоедом, кто узнает в нем былую красавицу-титаниду? Волей иль неволей обернулась она в крылатую змею — все равно: нет титаниды. Забудут о ее былой красоте и о сердце, крепком правдой, как адамант. Забудется ее бывшее имя, когда она была радостной титанидой, и прилепится к ней новое имя, страшное и мерзкое, и будут ее именем пугать детей: «Вот придет Горго, возьмет тебя Горго, съест тебя Горго — даже косточек не оставит». Поползут страшные рассказы о ее лютости и непобедимости, хотя никто ее в глаза не видал. И черной правдой-клеветой зальют ее лик, изуродованный и обоганный злобой и местью бога, не прощающего непокорства. И впрямь, делает свое дело черная правда. Вспыхнет в могучем сердце титаниды черный огонь лютости, ответной злобы на злобу людей и богов. Одичает сердце, озверееет мысль, зарычит слово. Станет сладка месть за месть, ненависть за ненависть. И в чудовищном образе родится душа-чудовище: дракон в драконе, людоед в людоеде.

Так пусть же родится герой-избавитель, не знающий страха, и поразит чудовище. Прикажет время, и придет герой.

Высоко, над самым океаном, в пещере порфирной скалы укрылись сестры Горгоны. Там змеиное логово. Кругом мгла и мгла. Когда пурпур заката, угасая, бросает отсвет на камни, кажется, будто из меди скала. И, как сон, на мгновенье станет видна тогда вдали на водах океана чашачелн Гелия и на нем колесница и его чудные кони. Еще дальше — Пурпурный остров и голая скала одиноких Сирен. Бледный берег Эйи, где колдунья Кирка мерцает. И — Селены-Луны тусклый восход из вод океана. Отдаленное слышится пение: Геспериды в волшебном саду усыпляют дракона — хранителя золотых яблок.

У края пещеры, лицом к океану, опершись на локти, смотрят сестры Горгоны неподвижным взглядом в неподвижный простор — смотрят и спят. Висит холод безбрежно-далекий. Ничто не дрогнет.

Внизу, под скалой, Грайи, слепые Старухи, охраняют сон Горгон.

Зловещ образ Грай. У Грай кожа — что кость. Высушил холод их лебединое тело. Выбелил мрак их серебро седины. На троих один глаз. На троих один зуб драконий. Уронил для них Гелий из венца округлый солнечный камень — солнечный глаз.

Охраняют Грайи Горгон. Одна бодрствует, две другие дремлют. Та, что бодрствует, вставит солнечный камень в пустую глазницу и осветит мрак. Станет зрячей Грайя. Вставит в десны драконий зуб. Рот — что клюв, зуб — что клык. Вытянет длинную шею и водит клювом и глазом по сторонам. Придет срок, разбудит Старуха Старуху, передаст Грайя Грайе свой глаз, свой зуб. Одна сторожит, две другие стоя дремлют.

Зловещ образ Грай. Страшен образ Горгон.

Обратила Паллада их волосы в змей. И когда раз в год

вылетают Горгоны в мир живой жизни, тогда завывают змеи с постылым плачем и вихрями мечутся вокруг их головы.

Но страшнее змей глаза Медузы.

Как веселые грозы земли были прежде глаза титаниды. Но горе вошло ей в глаза. Удивились горю глаза, открылись широко, и окаменело в них горе. И все, чем полна кровь титанов: лютость правды титановой — дикая вольность и гордость окаменели в том каменном горе. Кому посмотрит Медуза в глаза каменным взглядом, те глаза каменеют. И все живое тело превращается мгновенно в камень. Нестерпимым стал ее взор. Даже сестры Горгоны, Сфено и Эвриала, не смотрели в глаза Медузе.

Только раз в год вылетали Горгоны из логова в мир живой жизни. Это случилось в день священного брака Зевса и Геры.

И узнала Медуза при полете о грозной тайне своих каменных глаз. Где пролетала Медуза, там все, что живет и дышит, каменело: и люди, и звери, и птицы, и травы; даже воды застывали льдом под взором Горгоны. Возликовали сестры Горгоны. Выкрикнули боевой клич, устремили полет на Олимп: застынут боги Олимпа от взора Медузы.

Но завесой зарниц окружил Кронид высокий Олимп. Напрасно кружили Горгоны с горгоновым криком и завыванием змей. Как морские звезды, обжигали зарницы могучих дев, играя и рея, будили в девах Горгонах желанье и трепет, незнакомый им прежде, в логове снов. Тогда зывали Горгоны к титанам. И на зов выходили дети Земли. Но чуть приблизятся к грозным девам, взглянет Медуза им в глаза — и окаменеют титаны. Нет утехи Горгонам. А зарницы, играя, все обжигают. И стонущим ветром возвращались Горгоны к восходу зари в свое логово смерти и снов.

От Каменных гор каменной поступью прошла по земле молва о каменных царствах, выраставших на коже земли при грозном полете Горгон, и о страшном взоре Медузы.

И все, что есть злого и лютого,росло у молвы на Горгон. Говорили:

«Вот выходит из тьмы преисподней Страшилище Ночи, старуха Горго: пожирает детей людоедка. Во рту у Горго клыки, ноги медные, кожа дракона, в поясе змеи».

Позабылось, что сестры Горгоны — титаниды. Обратила молва сестер Горгон в подобие старухи Горго, в страшилище ночи, но с глазами Медузы.

И не знала сама бессмертная титанида, что вся сила ее могучего тела ушла в ее глаза. Стало смертным тело Медузы, и только одна голова осталась бессмертной. Знали об этом сестры Горгоны и Грайи и зорко охраняли Медузу. Но знали об этом и боги. Тревожила безмятежных богов та страшная сила Медузы пред рождением гигантов, пред грядущими битвами с ними — и всех больше Палладу. Овладеть хотела богиня глазами Медузы, чтобы носить взор Горгоны в своем боевом щите, как носит Кронид эгиду. И пылала ревнивым гневом: даже там, у крайней грани земли, где забвенье, вновь сильнее Паллады титанида.

Но сами боги не вступают в бой с отрешенными от живой жизни. Породили боги племя героев-полубогов. Пусть сразятся полубоги-герои с отрешенными.

И задумалась Паллада. Устремила мысль в мир: кто будет Горгоноубийцей? Кто добудет ей голову Медузы?

ЧАСТЬ II

СКАЗАНИЕ О СЫНЕ ЗОЛОТОГО ДОЖДЯ

У ветров много ушей: всё слышат. У солнца много глаз: всё видят. Разнесли Ветры, дети Эола, по знойной Либии весть. Шепчут травы пескам, шепчут пески камням, шепчут камни ключам: «Идет сын Золотого Дождя от Красных морей. Ищет Поле Горгон».

Встревожились nereиды, дочери правдолюбивого морского старца Нерея: «У озера Тритона, что близ пределов Атлантовых, у края земли, сама Паллада явилась. Там родил ее Зевс».

Знают nereиды: в подземелье медной башни к смертной Данае золотым дождем проник Зевс. Знать, титанова племени Данае, раз попала в медную башню. Зачала Данае и родила Персея, полубога-героя — сына Золотого Дождя. Вот он вырос и идет от Красных морей.

Знают nereиды: ждал Кронид сына титанова племени, избавителя от титановых подземных козней. Хочет вконец истребить титанов титанами.

Заклучили смертную Данаю с младенцем в деревянный ларь и бросили в море. Долго носило ларь по волнам, и прибили его nereиды, забавляясь диковинкой, к берегу острова Серафа. Раскрылся ларь, вышли на берег Даная с Персеем. Вот и стал полубогом младенец, бесстрашным героем.

Задумала Паллада грозное дело. Открыты ей тайные думы Крониды. Свою прихоть творит — его волю вершит. Подказала Персею желание избавить мир от злого чудовища, чей взор обращает все живое в камень, — отсечь голову Горгоне Медузе. Ведет тайно бог Гермий героя. Один Гермий не гнушается мира теней. Меж богами и титанами посредник — бог обманов земных. Вот и сам он, вестник Олимпа, летит к nereидам.

Воззвал к nereидам Гермий:

— Вы, игралище правды¹, титаниды морей, что есть выше, чем вольность в покорстве? Чем покорнее волна, тем вольнее, чем солонее слеза, тем слаще для правдолюбивого сердца. Или соль моря вам не сладка? Вольно играете вы на волнах, но над вами воля Крониды. По правую руку Кро-

¹ В речи Гермия отражен взгляд богов на мир. Правда жизни — в ее вечной игре. Вечно волнующееся море есть подобие самой мировой жизни. Nereиды олицетворяют различные состояния этого вечно волнующегося моря, этой играющей правды. По преданию, Nereй и nereиды особенно правдолюбивы. В том большая тонкость эллинов, что они играющую правду жизни объединили в nereидах с их правдолюбием. После поражения и свержения в тартар наиболее могучих титанов (Крона, Форкия, Гипериона, Коя, Крия, Тавманта и др.) титаны вод наряду с главными астральными титанами остались в своей прежней стихии, но уже под властью Кронидов-олимпийцев. Они как бы приняли мир олимпийцев и им покорились. Народная поэтическая фантазия понимала, что море, реки, ветры и светила небес должны оставаться на местах и выполнять свои функции: этого требовал миропорядок. Поэтому они вошли в периферию Олимпийского пантеона. Но все эти титаны оставались верны своей титанической природе и своей титановой правде пред лицом олимпийского мира Кронидов и служат как бы игралищем двух правд (олимпийцев и титанов), входящих в общую игру мировой жизни.

нида Дика-Правда сидит. Что вам говорю, то она говорит. Встретьте героя. Что испросит, исполните. Правда мира в силе богов.

Закрылись валами nereиды. Закутались в пену.

Быть беде! Быть беде!

Не ту правду знают они. У Кронилов их сила — правда: правда Олимпа. У титанов — их древняя правда: правда матери-Земли. Но какую правду герой несет?

Уплыли nereиды. Без оков в оковах: скованы правдой, и той и другой. Вольно играют они на волнах, но над ними воля Кронилов.

Подошел к морю сын Золотого Дождя. Стал выкликать nereид, как научил его Гермий:

— Сестры морские, Немертея правдолюбивая, укажите мне путь к страшным Грайям-Старухам, к полям Горгон! Близ сада Гесперид, Вечерних нимф, те поля. Хочу я услышать чудное пение тех нимф, унести те песни от океана на землю, к живой жизни. Что им за радость петь в жизни мертвой? Какое чудо увижу, то вам принесу. Только не в чем нести мне.

Закачались nereиды на волнах: прав герой — его правда.

— Много чудовищ на свете. Не страшусь я чудовищ. Сражусь с ними. Но оружия нет у меня. Нечем мне биться.

Закружились nereиды на волнах: прав герой — его правда.

— Иду я открыто. Иду, но мира не знаю — не знаю, кто мне враг, кто мне друг. К океану иду, куда смертным нет пути. Пережду океан, вступаю в невидимый, невиданный мир. Всем я виден, а враг невидим.

Заныряли nereиды в волнах: прав герой — его правда.

Вынырнули вольные девы. Говорят ему что-то. Не понять Персею их бурливых речей. Несут ему что-то: большое вдали, малое вблизи, дарят отливом, отнимают приливом. Не взять герою даров.

Говорит Персей nereидам:

— Сестры морские, что за малое-большое, что за большое-малое в ваших руках? Отнимая — дарите, даря — отнимаете. Такова ли правда на свете?

Легли nereиды спиной на волны. Стихли волны, уснули. Стало море как дорога выглаженная. Подплыла к Персею, правдолюбивая Немертея, вложила ему в руки три дара: сумку неуёмную, серп адамантовый и шапку-невидимку Аидову, и сказала:

— Первый дар — сумка малая. Вложишь в нее гору — войдет и гора: сама сумка растянется в гору. Вложишь в сумку кошку — и сожмется сумка: сама сумка станет как кошка. Второй дар — серп: не жатвенный серп — серп живую бессмертную плоть отсекает живой. Закален в крови Урана. Третий дар — шапка теней. Под землею Киклопами выкована. Кто наденет ее, невидимкой становится.

И нырнули nereиды в зеленую глубь.

Принял в руки сын Золотого Дождя от Немертеи три дара nereид. А у ног его волны плещутся. Только хотел ступить, как выросли высоко волны, покатались на берег, закружили Персея, заскользили по ногам, по рукам, по глазам — словно тысячи девичьих станов льнут к нему и ласкают. И рта не раскрыть — целуют тысячьо губ.

Перевернуло весь свет в глазах: стало небо внизу, а море вверху, и берега нет. Только волны да волны, да смех nereид. А что где, не понять. Будто держит он что-то крепко в руках и вовсе не держит.

Засверкал вдруг серп пред глазами — не один, а сто тысяч серпов: что ни гребень волны, то серп. А где серп? В руках — не в руках.

Вот и хитрая сумка! Раздулась, как рыбий пузырь. Раздувается все больше и больше... Уже полморя, полнеба в сумке, уже раздулся пузырь на полмира. Тут и шапка из рук... Иль в руках?.. Мелькнула, накрыла море — и

исчезло все разом: нет ни моря, ни неба, ни даров — только смех nereид.

.....

Лежит сын Золотого Дождя на берегу. Даль морская синее, сверкает. Нереиды на волнах качаются и поют:
— Сам добудь! Сам добудь! Сам добудь!

Задремал Персей под ту песню.

Пробудился сын Золотого Дождя. Смотрит — далеко в море дельфин колышется. Несут его волны к берегу. Все ближе и ближе. Дремлет, лежа на его чешуе, Немертея. Серебрится тело морской девы, и по серебру играют глаза Солнца. Глянул Персей, нырнул в море, подплыл к nereиде, разом обнял — и влечет дву-добычу к берегу.

Изогнулась рыбой дочь Морского старца — ускользнуть бы! Не выскользнешь: крепко держит Персей. Кругом стиснули прибрежные камни.

Что за диво! Смотрит Персей: вьется водоросль у него по груди. Обвилась вокруг шеи — и уж нет nereиды.

Не размыкает объятий, крепко держит Персей Немертею.

Обернулась водоросль змейкой. Грозит. Вот-вот ужа-лит...

Крепко держит Персей Немертею.

Обернулась змейка пламенем. Бежит пламя к глазам. Вот обожжет, ослепит... Стало пламя зубастой пастью: когти львицы нависли над плечами — вот вонзятся...

Крепко держит Персей Немертею.

И не львица — куст расцветает на груди у героя, и на пышном кусте зреют ягоды, льнут к губам: «Откуси!..»

Крепко держит Персей Немертею.

Ступил герой на берег с кустом на груди. Глядь: ни куста, ни ягод — только рыбка выскользнула из-под пальцев, в ноги кинулась, в воду: «Поймай!»

Не поддался обману — крепко держит Персей Немертею.

Истомилась титанида морей. Вновь вернулся к ней образ морской девы. Говорит Немертея Персею:

— Сам добыл ты то, что хотел. Отпусти меня.

Смотрит сын Золотого Дождя: перед ним на песке три дара. Разжал руки герой, отпустил nereиду в море.

Задумалась Паллада: не одолеть Персею Медузы. Станет к ней лицом к лицу, взглянет ей в глаза и окаменеет. Тут хитрость нужна. Надо видеть Горгону, не глядя на Горгону.

Понеслась Паллада к краю земли. Замерла в воздухе над озером Тритона. Заглянула в озеро. А из озера на Палладу смотрит сама Паллада. Улыбнулась богиня. Стала выкликать хозяина озера. Не выходит Тритон: не к добру кличет Паллада.

Погрузила богиня в озеро конец копья, обернула воды вокруг острия и стала вертеть копьё и воду озера на копьё навинчивать. Всполошился Тритон, песком глаза залепил, выплыл по пояс.

— Дай мне на время Зеркало Вод,— сказала богиня,— чтобы смотреть в то зеркало и видеть мир, мира не видя. Верну его тебе и озеру.

Дальнозорок Тритон, знает, зачем нужно Палладе Зеркало Вод. Всегда воды руку титанов держат. Не верит озеро, что в силе правда. А сила-то ум! Закружил Тритон драконьим хвостом под водой, замутил озеро. Утонуло Зеркало Вод в озерной тине.

— Возьми Зеркало Вод у отца Океана,— дал совет богине друг титанов.— Меня муть ослепила. Не промыть мне глаза водой.

Знал Тритон: не пойдет к Океану Паллада по ту сторону живой жизни. Не ходят к Океану боги Кронида.

Снова стала вертеть Паллада копьё в озере. Навернула воды озера от самого дна на древко копья, как плющ на ствол дуба. Осел песок. Все выше уходит в небо богиня вместе с копьём. Одна чистая вода вьется по копьё до облаков. Сидит Тритон в песке посреди огромной ямы, а

над ним вода озера в небо водяным винтом ввинчивается.

Отдал тут Тритон Палладе Зеркало Вод. И обрамил Гефест то зеркало в хрусталь от небесной дороги.

Шепчут травы пескам, шепчут пески камням, шепчут камни ключам: «Подарил Гермий сыну Золотого Дождя крылатые сандалии. Полетел Персей к Грайям-Старухам. На руке у него щитом — Зеркало Вод».

Три гусиные шеи качаются в воздухе, три Грайи на страже. Две дремлют качаясь, сквозь дрему слушают. Одна бодрствует. Куда глазом повернет — туда света сноп: ослепит врага светом. Кого резнет драконьим клыком — того надвое рассечет.

Пора страже сменяться.

Разбудила сторожевая Грайя двух спящих, вынула глаз из глазницы, передает глаз слепая слепой из руки в руку. Не донесла глаз костяная рука до руки. Чья-то чужая рука протянулась между ними, вырвала глаз — и нет никого.

Застыли три Грайи.

Говорит Старуха Старухе, Грайя Грайе:

— У тебя глаз, Пемфредо?

Говорит Пемфредо:

— У тебя глаз, Энио?

Говорит Энио:

— У тебя глаз, Дино?

Грозит Дино драконьим зубом — грозить некому. Научил Гермий Персея, как у Грай глаз похитить.

Забили Грайи руками, шарят по воздуху, щупают: где похититель? Друг с другом их пальцы встречаются: нет никого.

Закричали Старухи, грозно взвыли. Будят сестер Горгон. А их голос относит обратно на землю, к жизни живой, к пещере Эола. Спят сестры Горгоны в логове.

Только незримый свет щекочет глазницы Старух: тут глаз, близко. Вдруг послышался Грайям голос:

— Сестры Грайи, я — Персей, титановой крови. У меня

ваш глаз Солнца. Не отдам, пока не дойду до Горгон. Укажите мне дорогу, Грайи.

Затревожились Старухи-Грайи. Чуют смертного.

Спрашивают Персея Старухи:

— Кто с тобой из бессмертных?

— Никого, я один.

Закричали зычнее Грайи. Будят сестер Горгон. Относит их голос обратно на землю, к живой жизни, к пещере Эола. Спят Горгоны.

Снова спрашивают Грайи Персея:

— Зачем тебе бессмертные сестры?

— Хочу я узнать: есть ли смерть на бессмертных?

Задумались Грайи. Еще пуще встревожились. Чуют хитрость богов Кронидов. Отвечают Персею:

— Только серп, закаленный в крови Урана, страшен бесемертным: рассекает он бессмертное тело. Но будет каждая отсеченная часть жить сама по себе. У матери Геи под островом Дрепаной лежит тот серп. Кто смертной рукой режет тем серпом, тот себя рассечет.

Вдруг огромная черная тень встала за плечами Персея. Сама богиня Паллада явилась в образе Тени. Не видит герой богини. Не видят богини слепые Старухи. Протянулась Тень за спиною от ног Персея. Куда он — туда и Тень. Не ступают боги Крониды по почве отверженных.

Говорит Персей:

— Хочу взглянуть Медузе в глаза. Посмотрю ей в глаза и верну вам глаз Солнца.

Говорят Грайи Персею:

— Не дойти до Горгон тому, у кого нет шапки-невидимки Аидовой. Спит Медуза с открытыми глазами. Кто увидит ее, тот камнем станет. А шапка Аидова в стране теней. Кто пойдет туда — не вернется.

Говорит Персей Грайям:

— Я сын Золотого Дождя. У меня на левом боку адамантовый серп матери-Геи. На мне шапка-невидимка Аидова. А на правом боку у меня то большое, что малое, то

малое, что большое. Захочу — вас вложу. Укажите дорогу к Горгонам — верну вам глаз Солнца.

Упали три Старухи-Граи на землю, головами друг к другу. Застонали, как стонут лебеди. Заплелись руками и шеями, расплестись не могут.

Говорят Граи Персею:

— До сестер Горгон рукой подать. А дорогой к ним идти — океан перейти. Спят Горгоны в пещере: во сне не видя — всё видят, не слыша — всё слышат. Только раз в год просыпаются и в мир вылетают, где боги живут. Где пролетят, там столбы каменные. Не буди Горгон!

Но уже ввысь уносят Персея крылатые сандалии. Позади него летит черная Тень. Осветил Персей солнечным глазом невиданный мир. Смотрит в свой щит — в Зеркало Вод — что кругом?

Океан под ним. Скалы до неба. Толпы Снов проносятся мимо в мир живой жизни: Ночь им открыла ворота. Кругом немота.

Стоит сын Золотого Дождя. Под ним воздух недвижим. Скользит холодный свет солнечного глаза высоко по каменным стенам скал. Вдруг видит Персей: два невиданных змеиных камня, два глаза чудно и люто смотрят в глаза Персею из Зеркала Вод, будто пронизывают его леденящим ветром, — а ветра нет.

Стынет кровь у Персея. Память уходит. Каменеет мощь полубога, а всё же сильна: не дрогнул герой.

Все ближе, лютее, огромное глаза. Не страшилища — три девичьи головы на краю щели в скале оперлись на медные руки. На головах клубами змеи: спят. Сплелись змеи над открытыми глазами. Так бы век смотреть в самый ужас тех глаз. И смотрит Персей — смотрит в свой щит, в Зеркало Вод. Сами крылья-сандалии несут его к этим лютым глазам. Пронесются Сны, шепчут ему Сны:

— Обернись! Обернись!

Не обернется — смотрит в зеркальный щит Персей: три Горгоны пред ним. Три головы рядом. Посредине глаза.

Не поднять Персею руки. А в руке уже серп алмаз-
вый. Светит с шапки-невидимки глаз Грай. Легла черная
тень руки под руку Персея. Жаром обдало силу героя.
Взлетел серп, сверкнул... Покатались глаза.

Еще не проснулись змеи на голове у Медузы, а уже
ухватилась черная тень руки за те змеи, как за волосы,
подняла высоко, ликуя, отсеченную голову, и победный
клич Кронидов огласил немоту океана.

Победила Паллада.

Вот сама собой раскрылась волшебная сумка на боку у
Персея, и исчезла в ней страшная голова с чудо-глазами.

Обезглавлено тело. Но не хлынула кровь — вспыхнула
она вдруг дивным пламенем, и взвился среди пламени из
тела Медузы белый крылатый конь, небывалый конь, лег-
кий, как ветер, но с чудо-глазами Медузы — и все
иными: такими, что всё мертвое под взглядом тех глаз ожи-
вет и тело, застывшее камнем, заиграет вновь жизнью.

Покосился конь на Персея, взмахнул крыльями и
унесся ввысь, к облакам, что плыли к вершинам горы Гели-
кон. И узнали нимфы у Конских Ключей, что родился
Пегас, Черногривого сын и Медузы. Да недосмотрели
нимфы: унесся Пегас на Олимп.

Не погас еще пламень от горячей крови Горгоны, как
брызнул из тела луч, и второй плод Горгоны, Хризаор,
титан Лук Золотой, вышел вслед за Пегасом и унесся за
океан, на пурпурный остров Заката. Как унесся? Каков
он? Кто знает. Будто луч оторвался от солнца и упал на
остров великаном.

Пробудились змеи на головах у двух спящих Горгон,
стали дыбом, и горестный стон, звонкий плач излился из
горла сестры Эвриалы. Унесла тот вопль Паллада в рако-
вине уха для муз на Олимп. Будут музы на флейте петь
стоном Горгоновым, услаждая богов-победителей.

Разомкнул каменный сон объятия, пробудились сестры
Горгоны, пустились за героем в погоню. Далеко
Персей — он над озером Тритона, а за ним огромная Тень.

Бросил сын Золотого Дождя свой щит, Зеркало Вод, с неба в озеро, вернул его водам.

Не догнали Горгоны Персея.

Поют нимфы о подвигах сына Золотого Дождя. Поют олимпийские музы. Слушают боги: тьмы врагов погружал Персей в каменный сон, обращая к ним лицо Горгоны.

И о грозном Горгоноубийце принесли весть ночные Сны низверженным в тартар титанам. Только Сны проникают через медные стены тартара.

И скорбели титаны.

В думу погрузился Кронид: Персей — победитель Медузы. Да тот ли он, долгожданный сын Кронида, сокрушитель мира титанов, о котором вещала Зевсу Гея? Еще зреют в чреве Геи потомки титанов — гиганты. Но тот Сын-Избавитель все свершит без помощи и платы. А Персей? Помогли ему боги — Паллада и Гермий. Нет, не он Избавитель. Пусть примет Паллада голову Горгоны в свой щит. Еще не родился Сокрушитель гигантов.

Предстал перед Персеем Гермий, передал ему волю богов. И вернул герой-полубог Гермию и дары nereид, и крылатые сандалии, и голову Горгоны Медузы. На щите босвом укрепила тот ужас Паллада. Близки великие битвы. Через четыре поколения героев родится Геракл, и вступят тогда в борьбу гиганты и боги Олимпа.

С той поры не слышать на земле о Горгонах и Грайях. Спят они в скалах каменным сном.

Шепчут камни пескам, шепчут пески ключам, шепчут ключи ветрам, будто каплет из бессмертной головы Медузы чудесная кровь. Та, что каплет оттуда, где левый глаз, — во спасение людям. Та, что каплет оттуда, где правый глаз, — людям на гибель.

Собрала Паллада ту кровь в сосуд. Подарила врачувателю Асклепию, смешав мертвую кровь с живой, как живую и мертвую воду. И нарушил Асклепий закон Ананки-Неотвратимости, стал кровью Горгоны Медузы исцелять мертвых от смерти.

И воскресали герои.

Κ Κ Α Ξ Α Η Η Σ
Ο Ξ Μ Ε Σ Δ Σ Β Ε Σ Χ Η Δ Η Σ,

Ο Κ Τ Ρ Α Σ Η Ο Μ Κ Α Τ Η Ρ Ξ
Α Ρ Κ Α Δ Κ Ο Μ
Η Ο Μ Η Ο Γ Ο Γ Λ Α Ξ Ο Μ
Α Ρ Γ Υ Κ Σ Π Α Ν Ο Π Τ Ξ

СКАЗАНИЕ О ТИТАНИДЕ ЗМЕЕДЕВЕ ЕХИДНЕ И О МНОГОГЛАЗОМ АРГУСЕ ПАНОПТЕ

Не верьте змеиным рассказам, будто был отцом красавицы Ехидны древний титан-оборотень Паллант, у которого два змеиных хвоста, и будто матерью была ей подземная титанида Стикс, дочь Тартара.

Оболгались старые змеи. Слишком много колец завивают они, когда лежат, свернувшись в клубок, поджидая добычу. От тех хитрых колец и их хитрые рассказы. Чудодевой была Ехидна, и только по воле богов стала она в подземной пещере изгнанницей Змеедевой. Вот и выдумали тогда коварные змеи, будто змееногий Паллант — ей отец, а подземная Стикс — ее мать.

Не верьте оболгавшимся змеям: Золотой Лук — отец красавицы Ехидны, океанида Каллироэ — мать Чудодевы Ехидны.

Только Каллироэ, океанида, видела сына Медузы, Хризаора, по прозванию Золотой Лук, когда выходила она из вод океана на берег Багряного острова Заката, Эрифий. Родила Каллироэ ему дочь, Чудодеву Ехидну, и сама, приняв образ змеи, выкормила ее в Змеином ущелье. Не хотела Каллироэ, чтобы узнали в ней океаниду победители титанов, боги Кронида. Не хотела она рожать им смертных гялубогов. Хотела иметь детьми титанов. И была ее дочь, Чудодева Ехидна, как все древние титаниды, бессмертной.

Любила красавица Чудодева Ехидна глубокие ущелья и пещеры с высоким сводом где-нибудь вблизи моря или могучей реки. В тех пещерах в зной она дремала, слушая, как текут подземные воды. Называли ее Владычицей Змей, ибо все живое привораживала она взглядом: и зверей, и птиц, и травы, и мужей из племени титанов. Взглянет — и уж не оторваться от взгляда Чудодевы. И были ее глаза не людскими, и не звериными, и не птичьими, а такими, о которых говорят: «Вот бы мне такие глаза!» А что за глаза, не выскажешь, хотя так и стоят они перед твоими глазами.

Идет, бывало, титанида Ехидна полями, а за нею звери скользят меж высоких трав неслышной стопой и тьмы птиц плывут по небу. Не рычат, не режут звери, не звенят, не щебечут, не клекчут птицы: беззвучно шествие.

Даже цветы и те сами выбегали с корнем из почвы навстречу красавице Чудодеве и, приникая к ней благоуханным дыханием, оплетали ей голени, плечи и грудь. Одетая цветами, возвращалась она к себе в ущелье, а над нею — пернатые стаи и дыхание всего живого.

Всех титанид превышала мощью Чудодева Ехидна. И боги-победители ее не касались, и титаны не вступали с ней в бурные игры. Знали: опасно играть с Владычицей Змей. Всех переиграет она. Ведь за нее все живое. Но чуть увидят ее красоту — не выдержат и титаны. Разве прикажешь глазам? Не послушают глаза. Даже у Ветра сжималось от ее красоты сердце. А что ему, Ветру, красота! Не

стоять же ему ночь, прижавшись ветренным сердцем к перекрестку ущелий! Ведь он — Ветер. Он — мимо... Он — так... И вот всё же!

Не нуждалась могучая Чудодева-титанида и в охране и помощи титанов, как другие девы-титаниды, когда кругом могучие боги и полубоги — похитители. Страх не сидел у нее за спиной, как у лесного зверя: не двигала она тревожно ухом, не косила глазом по сторонам, не раздувала ноздри, втягивая воздух, и те тысячи малых глаз, и ушей, и ноздрей, что живут в звере под кожей и в самой его звериной коже, также не остерегали Ехидну среди денных и ночных тревог. Но иначе судили на небе Кронида.

Сторожила ее тайно Гера и страшилась ее чародейной власти. Не ее мощи страшилась, а ее неодолимой красоты: возведет вдруг Кронид на небо Владычицу Змей Гере наперекор! Быть тогда меж ними распре. И замыслила Гера превратить Чудодеву Ехидну в Змедеву. Только кто преодолет чары титаниды? Какой чародей в мире сильнее чар ее земной красоты? И упал взор Геры на всевидящего Аргуса Панопта, на его звездные глаза.

Только недавно поднялись победители-боги Кронида с почвы земли на твердь неба и ступили на небесную дорогу. Стала тогда титанида Гера небесной богиней, и звездным стражем-хранителем стоял над ней всевидящий титан Аргус Панопт, сверкая на краю темного неба. Чудоглазами было усыпано тело Аргуса. И тысячи тысяч земных глаз смотрели с земли на небо, на его глаза и дивились чудной тайне их мерцания. Титаны протягивали руки к этим огненным цветам, чтобы сорвать их с неба и приколоть к груди гор, — до того забыли они, что Аргус тоже титан.

Бывало, к вечеру, после заката, ложился огромный Аргус над морем на хребет гор, и видели корабли издалека в открытом море, как мерцает его тело, словно звезды праматери Ночи. Вот взмахнет он усыпанной глазами рукой по небу, и кажется, что посыпались с неба дождем звездные ресницы.

Верным слугой был Аргус Гере. И сказала ему владычица неба:

— Приворожи титаниду Ехидну и скрой во мгле. Пусть забудет о ней Кронид и все живое.

Сверкнул Аргус золотыми ресницами. Взглянул на море и на сушу и явился вечером на далеком холме Чудодеве.

Стояла Ехидна перед входом в пещеру и увидела звездный покров, разостланный на скате холма, по вершинам сосен и елей. И казалось, текут его звезды к ее пещере.

Так каждый вечер являлся ей на холме Аргус, все на том же месте, и каждый вечер невольно поднимала Чудодева глаза к холму, любуясь невиданным мерцанием. Решил Аргус сперва издали привораживать ее звездным блеском неисчислимых глаз, возбуждая в земной чаровнице Ехидне любопытство и изумление пред небесным чародеем. Удивить хотел Аргус Чудодеву.

И уже ждала она его жадно.

Но однажды под ночь встал он над ее долиной, на уступе горы, и устремил на красавицу-титаниду взор — не взор, а тысячи глаз; и все тысячи глаз были для нее одним взором.

И пришла та лунная ночь на землю, когда спустился Аргус к самой пещере, куда уходила Ехидна в ожидании рассвета, и запел у входа в пещеру песню небес, которую поют только хоромы звезд-титанид. С этой звездной песней вошел Аргус в пещеру Чудодевы.

На постели из цветов и трав с открытыми глазами лежала титанида и слушала невидимый звездный хор. И вот стали звездные звуки вступать сверкающим телом в ее мир: замерцали звуки в пещере. Неужели перед нею те самые звезды, что пели там, за порогом? Сияют — и не оторвать ей глаз от этих звезд.

Все ближе звезды, все ярче, все притягательнее... Уже над титанидой они, и справа, и слева — текут к ней звездными лучами, уже горят так близко и преодолимо. Холоден

их блеск и таинствен, но не чувствует этого титанида. Вся в жару она, будто внутри ее огонь недр матери-Земли.

И слышит она над собой голос:

— Я к тебе спустился, Чудодева. Я мерцал тебе над хребтами гор, разостлал для тебя звездный покров над лесами, чтоб одеть им тебя, титанида; я стоял пред тобой в лучах на холме над долиной, пел песню небес для тебя и для мира перед пещерой. Титанида, Аргус с тобой.

И был голос Аргуса не таким, какими были привычные ей голоса ключей и листвы, трав и птиц, зверей и ветров: голосом ночных лучей говорил с ней Аргус Панопт.

Напрасно ждала в эту ночь Аргуса Луна-Селена, притаясь за холмом. То выглянет она украдкой, то спрячется, то опять выглянет: нет Аргуса. Не выходит он из пещеры.

Что за питье подала на ночь богиня Гера владыке мира? Опорожнил бог сна Морфей свой рог с зельем из мака в кубок Зевса и поспешно укрылся в тумане у океана. В сон погрузился Кронид, не слышит, не видит.

С той ночи не раз посещал звездный чародей Аргус красавицу-титаниду в пещере и незаметно сам поддался чарам ее красоты. Уже и его, небесного, притягивала к себе земная сила, исходящая от титаниды, как аромат от цветка. И замыслил он взять ее на небо, в мир богов и звезд. Но не возносят с земли на небо во мраке ночи. И предстал Аргус перед Чудодевой в светлое утро, протянул к ней руки и сказал:

— На небо богов подниму я тебя, титанида. Будешь ты там пребывать, как боги, со мною.

Смотрела на Аргуса титанида и молчала. Тьмы певчих птиц повисали над нею в утреннем воздухе. Тьмы зверей стояли вокруг нее на веселых травах, и цветы обвивали, ласкаясь к ней, ее стан.

— Ты ли это, Аргус? — спросила Чудодева в удивлении. — Где же твои сияющие звезды и их песни? Блеклый, тусклый стоишь ты передо мной, испещренный мрачными

зрачками, словно весь источенный пушистыми гусеницами. Это ли твои золотые ресницы? И так холодно близ тебя, Аргус. А земля так тепла. Нет, не Аргус ты. Отойди от меня, обманщик, или метну я тебя на эту тучу.

И ушел от нее Аргус в темное ущелье.

Видел все это Зевс-Кронид. Слышал он слова титаниды, сам скрытый за тучей. Разгадал он замысел Геры. И задумался Кронид над тем, где укрыть ему титаниду от глаз Геры и всевидящего Аргуса. И вот шепнул ему сын Ночи, Мом-насмешник, к чьим советам прислушивались боги:

— Скрой ее в подземной пещере, под скалою над тартаром, на краю земли. Глубоки там пещеры. Не увидит ее там Аргус.

И усмехнулся Мом, сын Ночи, правдивый ложью¹.

Задумалась и Гера о титаниде.

Зачаровала Чудодева самого ее верного небесного стража. Зачарует она и Кронида. Могуча она, и могуча ее красота. Если бы вся ее могучесть обратилась в ненависть к Крониду, стала бы она тогда Гере союзницей. Но обманул титаниду Аргус. Возненавидит она теперь Геру за обман ее стража, Аргуса, и из ненависти к ней вступит с Зевсом в союз. Куда бы изгнать Чудодеву, чтобы не мог найти ее Зевс и забыл о ней?

И шепнул Гере насмешник Мом:

— Скрой ее в подземной пещере, под скалою над тартаром, на краю земли. Не придет туда за ней Зевс. Не будет она тебе больше соперницей. Там только змеи-драконы бескрылые ползают. Станет там, во мраке земли, и она змеей.

И усмехнулся Мом, сын Ночи, правдивый ложью.

Сказала Гера Зевсу:

— Околдовала титанида Чудодева звездного Аргуса.

¹ Все презирающий Мом, сын Ночи и бог Олимпа, в сказаниях признает ложь единственной правдой миропорядка и жизни и поэтому считает, что всех правдивее тот, кто лжет. Коварные советы Мома богам были мудры и в то же время губительны не только для титанов и смертных, но и для самих богов.

Потускнели звезды его глаз и не будут так радовать мир богов, как прежде. Изгони ее из живой жизни.

Удивился Зевс словам Геры. Знал он, в чем таится коварство. Но уже сам так решил и не мог перерешить ее участь. Сказал: пусть Аргус исполнит.

И унес Аргус ночью спящую титаниду в пещеру над тартаром, на край земли.

Долго спала титанида. Проснулась, как всегда, в пещере. Но не та это пещера, что у моря. Не вбегают в нее украдкой лучи дня. Не заносят в нее ветерки ароматы трав, пение птиц и голоса живые. Безмолвна пещера. Мгла и холод в ней. Клонит в сон титаниду. И снова уснула Чудодева. Верно, век так проспала она.

И слышит сквозь сон Ехидна из подземной глубины под скалой стон древних низверженных в тартар титанов. Хочет встать и поспешить к ним на помощь и не может. Взглянула себе на ноги: что с ними? Почему так плотно прижато колено к колену, и голень к голени, и ступня к ступне и так стиснулись бедра? Почему засеребрилась на них кожа чешуей?

В тоскливом предчувствии обняла она ноги руками. Да ноги ли это? В пышный драконий хвост, огромный, почти до поясницы, обратились ноги титаниды. И железным покрыты они панцирем.

Змеедевой стала Чудодева.

Не поверила себе сперва титанида. Рванулась, чтобы встать на титановы вольные ноги и выбежать из пещеры. Но только приподнялась до пояса, как осело ее могучее тело бессильно наземь. Не могла она больше ходить по земле.

Страшно закричала Ехидна, с такой жалобой могучего тела и могучей души, что, казалось, на такой крик звезды сами сорвутся с неба и придут к ней на помощь. Но ничто не дрогнуло ни на небе, ни на земле. Только где-то под нею, в глубине земли, послышался отдаленный глухой лай

и вслед за лаем визг и рычание: это пес Цербер у входа в аид отозвался на жалобный ночной крик.

С той ночи стала Ехидна пленницей своей подземной пещеры. И если прежде называли ее Чудодевой, то теперь прозвали ее Змеедевой. Вот откуда и ее имя Ехидна — Змея.

Сидела Ехидна во мгле своей пещеры-тюрьмы, и росла в ней тоска по вольному миру, по далеким просторам и гордым горам, по горячим лучам Гелия-титана, по зверям и птицам земли. И вся ее титанова воля медленно переплавлялась в эту могучую тоску. Казалось ей, что вырастут у нее из этой безудержной тоски крылья и вылетит она из своей подземной темницы, как вылетают крылатые драконы.

И тогда...

Вверх вытягивала Змеедева свои руки, руки титаниды, истомленная мечтой о свободе. И вдруг ненавистью наливалась ее тоска, такой ненавистью к богам Кронидам и к коварной Гере, заточившей ее в подземную мглу! И зачем не вступила она в борьбу с богиней? Зачем лишила ее Гера материнства! Одиноко ей в холодной мгле. Неужели так жестоки боги!

Но порой казалось могучей Змеедеве, что как малые дети перед нею боги. Вот бы обняла она самого Крониду, как ребенка, баюкала бы на руках владыку мира. Что он, Зевс, перед нею! Малютка, дитя. Угасли бы его молнии в ее животворящем молоке матери.

Обманул ее Аргус Панопт. И посылала Ехидна проклятие звездам, ненавидя их и томясь по ним.

О, хотя бы луч Луны-Селены заглянул к ней в эту пещерную мглу! Разве не любила ее прежде титанида Селена?

И в тоске обращалась Ехидна с мольбой к матери Гее-Земле:

— Верни мне, мать, мои ступни! Верни мне мои девичьи голени! Дай вновь согнуться моему колену. Отними от

меня этот змеиный хвост. Тянет он меня в твою глубь.
Тяжко мне!

Но безмолвна была Гея-Земля.

СКАЗКА О РАКОВИНЕ АЙГИПАНА И О БЕГСТВЕ ГОРНЫХ ТИТАНОВ

Диковиной была коза Айгá, кормилица Зевса, но еще диковиннее был ее детеныш, молочный брат Зевса, по прозвищу Айгипáн. Нашел он как-то на берегу моря небывалую раковину. Дунул в нее и от радости уронил: такой звук вырвался из раковины. Другой бы испугался, а Айгипан обрадовался. Разлетелись мигом все птицы. Все звери кинулись бежать кто куда. Рыбы и те нырнули на самое дно.

Ну и раковина!

Поднял ее Айгипан с земли, дунул в нее еще раз — и оглох. Вот и стал он в нее дуть и дуть и до тех пор дул, пока камни в драку с ним не полезли. Осмотрелся трубач и видит: все деревья кругом вповалку лежат, травы стали вырастать обратно в землю, и волны удирают скачками от морского берега в открытое море.

Заглянул Айгипан в пустую глубь моря у берега, затрубил в раковину и гогочет; заметались по дну моря всякие клешни, ищут, где бы укрыться, наскокивают, сталкиваются друг с другом, и вот, смотри, рак на рака, пятась, налезает. Куда ни оглянешься, повсюду так и пялит на тебя глаза разное двурачье, трехрачье, пятирачье...

Ну и звук!

Затрубил Айгипан в облака — и понеслись со всех ног облачные коровы ураганом по небу. Черными стали сивые коровы от бега.

Рад Айгипан. Прискакал на козлиных ногах с раковиной к юному Зевсу в пещеру. Говорит:

— Погоним теперь горных титанов. Душу я в эту раковину — и пустятся все титаны в бегство.

Как сказал, так и случилось.

Поднял юный Зевс клич в горах. Собирались на клич толпы титанов. Говорит им Зевс:

— Уходите с гор в низины ущелий. Не нужна земле ваша правда. Нужна миру моя сила. Не сойдете с гор сами — без памяти с них сбежите.

Выслушали могучие титаны Зевса. Сурово их племя. Сказали:

— Наши Грозы-титаниды пострашнее твоих угроз. Хватит на тебя их силы. Мы же с гор взбежим на небо. Не тебе оно достанется. Издревле живут на нем солнечные титаны.

Ответил им трехлетний бог:

— Слепы вы! Но не для слепых моя сила, а для зрячих. Поборитесь сперва с моим молочным братом.

И ушел Кронид.

Тогда приложил Айгипан раковину к губам и затрубил. Как услышали титаны звук раковины, кинулись они слепо в бегство, укрылись в самых низинах ущелий.

Одолеl горных титанов юный Зевс без боя. Свободен стал ему путь на небо.

И прозвали титаны Айгипана Страшным Паном.

Вот она, паника титанов!

А в Аркадии прозывали его Страшным Сатиром.

СКАЗАНИЕ О ТИТАНИДЕ ЗМЕЕДЕВЕ ЕХИДНЕ И О СТРАШНОМ САТИРЕ АРКАДСКОМ

Научилась Змеедева Ехидна выползать из мглистой пещеры и, цепляясь драконьим хвостом и руками за камни, подниматься на вершину отвесной скалы над тартаром. Смотрит в даль живой жизни Змеедева. Кругом мгла. Лишь порой ляжет на мглу отсвет заката, и если забредет тогда полубог-герой на край земли, видит он в недостижимом далеке дивную деву на скале, и под нею будто спит, свернувшись клубком, дракон.

Следит Змеедева глазами за шагами героя, а он мимо, к берегам океана... Не услышать ему ее зова, не дойти до нее, не подняться на скалу над тартаром. А ведь какое сердце для него у Змеедевы Ехидны!

Как-то купал титан Гелий в водах океана солнечных коней ввечеру и забыл на берегу венца солнца. Осветились с земли косыми лучами венца далекие скалы, пустыни и дороги, и в неверном вечернем свете увидала Ехидна диковинного путника. Присмотрелась и узнала в нем Страшного Сатира Аркадского — Айгипана. И до того стосковалась она по чему-нибудь живому, что обрадовалась даже Страшилищу: не ее ли оно ищет по свету?

И Страшилище увидело Ехидну. Загототало оно, зашвистало, завыло, зааукало, и такой выпал тогда небывалый день, что донесся до Ехидны его голос. Ответила она на голос голосом. Впервые за долгий век ее пещерного плена зазвучал он в тишине мертвой жизни. Испугалась Ехидна его звучания. Будто гиена пустыни, а не титанида Чудодева отозвалась Страшному Сатиру.

И припомнилась ей их давняя встреча...

Забрела как-то, еще совсем юной, Ехидна в Аркадию и заметила над собой на поляне невиданное ею создание: сидит на пне-исполине лесной Пан и чистит чудную раковину. Не попадались ей такие раковины на морском берегу.

И не в одиночку сидит Пан: рядом с ним не то козел, не то дракон на козлиных ногах, и еще две лапы у него львиные и львиная грива на затылке. И еще рядом с ними как будто кто-то третий: змея обвилась вокруг Пана и козла-дракона и смотрит змеинными глазами, как чистит Пан раковину.

Поглядел Пан сквозь раковину на солнце, передал ее змеиной голове — и вдруг увидел титаниду. Разом вскочили все трое с пня — и Пан, и козел-дракон, и лев-змея. Дивится титанида: вовсе не трое их, а всего только одно огромное, в рыжих мохрах страшилище. И все трое на нем разместились: оно и Пан, и козел-дракон, и лев-змея. Тут как кинется то невиданное Страшилище сверху по горной тропе к титаниде: впереди — Пан, позади — змей. Да ведь это Сатир Аркадский!

Рассмеялась бесстрашная Чудодева. Решила позабавиться Страшилищем: пусть погонится за ней смешной Сатир.

А Сатир уже сбежал с горы. Совсем близко он от титаниды. До чего же скор зверь! До чего же страшна обрзина!

Увидели звери, птицы и травы, что гонится за Чудодевой Страшный Сатир, и дают бегунам дорогу: что ж! Два титана играют друг с другом — пусть их позабавятся. Но когда стал Страшный Сатир догонять Чудодеву, догадались звери, птицы и травы, что не игра перед ними, а погоня; что в беду попала титанида. Нет на свете зверя страшнее Страшного Сатира. Встали они все на защиту Чудодевы — стеной выросли между титанидой и Сатиром.

Не отступает Сатир.

Тогда кинулись на него звери с клыками, копытами, рогами... Травы хватают его петлями за ноги, когтят и клюют его птицы.

Нипочем это чудищу: топчет, рвет, бьет, жалит все живое на свете. Нагнало бы оно Чудодеву, но чуть заметила Чудодева, что Сатир топчет и бьет все живое, обернулась она к нему лицом. Остановилась.

Грозная могучая титанида. Не всякий бог станет ей поперек пути.

Подумала: не связать ли ей Сатира чарами красоты?

Посмотрела на него чаровница. Ни к чему ее красота Сатиру. Налетел на нее с разбега.

Приняла бой титанида. Ухватила она Сатира рукой за рог, пригнула к земле его человеческую голову. Смотрит, новая голова перед нею, но уже не человеческая, а пасть на змеиной шее, и держит она в зубах чудную раковину. Сжала титанида другой рукой змеиную шею, пригнула и вторую голову к земле. Но уже взвился изогнутый драконий хвост, охватывает туловище Чудодевы, и две львиные лапы с козьей мордой грозят ей, и дышат на нее ядом мохры рыжей шкуры. И вот вылезла из пасти змеиная голова, обернулась к Чудодеве, и уже у нее та раковина во рту.

Держит титанида Сатира, хочет сломить его силу, но бессмертен Сатир, молочный брат Зевса. Выгибается, извищается, колесом вертится. Не вечно же ей держать его головы!

Что это?

Не яд брызнул из змеиного рта, где раковина, а странный звук. Все растет, все крепнет тот звук, все пронзительнее, все нестерпимее... Уже не слышит его титанида, уже врезается в нее этот звук, как нож, вырывает у нее дыхание изо рта, разъедает ей глаза, кожу сдирает с нее, убивает.

Не стерпела могучая титанида: выпустила из рук головы Страшного Сатира, оторвала от себя его драконий хвост и бросилась бежать, закрыв уши ладонями.

Никогда еще не бежали так ни от кого ни титаны, ни боги. А Сатир, перебросив раковину из змеиного рта в свой рот человеческий, еще сильнее задул-затрубил. Стоит трубит и гогочет,— да как!

Бежит опрометью титанида.

Не Сатир-страшилище гонит титаниду, а Звук-страшилище.

И тут все живое, звериное, обезумев от ужаса, понеслось ураганом от Сатира. И безумнее всех бегут бычьи стада.

Была там котловина с высокими отвесными стенами, где теперь огненное озеро. Говорят, будто загнал некогда в эту котловину звуком раковины Страшный Сатир горных титанов. Метнул в них Кронид из перуна молнию. Как мех кузни, раздул Страшный Звук молнию на лету в великое пламя, и стали гореть в этом пламени бессмертные титаны. Разлилось над ними пламя огненным озером, покрыло их, и горят в этом озере титаны и не сгорают. Верно, они из солнечного рода Гелиадов.

Немало обезумевших стад свергалось в это озеро, гонимых жестоким трубачом. А вслед за ними падали в него вольные звери и птицы. В пустыню обратилась там сожженная земля. И говорили, что это спуск в преисподнюю.

Видел Кронид борьбу Чудодевы со Страшным Сатиром и ее сверхмогучую силу. Видел и ее бегство от Звука.

Как слепая, неслась титанида к роковому озеру и сорвалась бы в него, если бы не принял Кронид образ огромного змея и не встал на ее дороге. Обвилась кольца Змея вокруг тела и ног титаниды, задержали гибельный бег.

Умолк Звук.

Тогда заглянула Владычица Змей в глаза спасителю Змею. Узнала в нем сразу бога. И под взглядом Чудодевы разомкнул Змей свои кольца. Даже мощь Кронида уступила силе ее взора.

Стоит снова титанида вольной, и перед нею на могучем хвосте взвился Змей-оборотень.

Сказал Змей Чудодеве:

— Роди мне полубога-героя, который был бы могучее любого титана.

Ответила Чудодева Змею:

— Отними раковину у Страшного Сатира и отдай ее мне. Гибнет от ее страшного звука все живое. Отдай ее мне, и поверит тогда титанида Крониду.

Но не мог Зевс-Кронид отдать страшную раковину титаниде и сделать ее сильнее всего живого мира на земле.

И отвергла титанида владыку неба.

Испепелить мог он Чудодеву, но не мог осилить ее титаново сердце...

Вот что вспомнила Змеедева на вершине скалы. Но не знала она о том, что случилось после.

А случилось неслыханное дело.

Ненавидела Гера Страшного Сатира, погубившего горных титанов. И когда поднялся Кронид на небо, сказала ему Гера:

— Слишком силен Айгипан со своей раковиной. Когда-нибудь он заставит бежать и богов. Отбери у него эту игрушку.

Знал Кронид, что никому не отдаст Айгипан той раковины, победившей титанов. Но ответил лукаво Гере:

— Пошли Аргуса. Пусть возьмет он у Сатира раковину.

И предстал перед Герой звездный Аргус.

— Отними у Страшного Сатира его раковину,— повелела Гера,— и отдай мне. Пусть умолкнет ее трубный звук. И без того силен Зевс. Что трубить во славу лютой злобы, ужасая стада и титанов! Но найдешь ли ты его, Панопт?

Ответил многоглазый Аргус:

— Я увижу его.

И нашли Сатира глаза Аргуса.

Сидел он на краю утеса над морем, свесив к морю козлиные ноги, и блуждал человечье-козлино-змеинными глазами по земле, морю и небу, выискивая, кого бы ему ужаснуть.

Посмотрел звездный Аргус своими неисчислимыми глазами на Страшного Сатира Айгипана и увидел его всего и все в нем: каждый его волосок увидел, и его лютость, и жадность, и злобу, коварство и насмешку.словно сорвал он с него мохнатую шкуру и оголил нутро: увидел Аргус и тройную душу, и тройные мысли, и всю тройную лживость Айгипана.

Хотел было Сатир спрятаться в свою шкуру, но сверху, снизу, с боков, спереди и сзади — отовсюду смотрели на него глаза Аргуса, и некуда было Страшилищу деться — весь открыт он для этих звездных глаз.

Обомлел, смутившись, лютой Дракон-Сатир. Выронил из рук раковину, издающую ужасающий Звук, и упала раковина в море.

Но опасно даже звездным глазам слишком пристально высматривать чужую злобу. Вытащишь ее на свет, а она уже не отстает: вцепится, вьестся в тебя, вползет тебе под кожу.

Прилипчиво зло.

И вошел в Аргуса ответ темной злой силы Сатира, стал сам Аргус с той ночи иным. По-прежнему звездно сверкали его глаза, но уже не сияли они, мерцая, а кровавым блеском тревожили с высоты неба землю.

Выполнял он прежде грозные веления Геры, не зная, зло ли он творит или добро и кому он служит: богам или титанам. Живой жизни сиял он и охранял богиню неба. Но после встречи со Страшным Сатиром полюбил он грозные дела богов и увидел в них красоту и силу. Показалось всевидящему Аргусу Панопту, что красота и сила зла и есть высшее добро и благо.

Уже стоны прикованных богами титанов не трогали его сердца. Позабыл Аргус, что и он титан, только титан, вознесенный на небо. Стал он исполнителем жестоких велений богов. Стал он презирать с высоты небес обычное добро и зло, живущее на земле, как нечто низшее. Презирал он и слезы земных печалей, и теплую жалость, и нежность, и детскую радость, смотря на них, как звезды смотрят на смутное мерцанье светляков и гнилушек.

Вернулся Аргус на небо Кронидов, а упавшую раковину проглотила в море большая рыба. И побрел Страшный Сатир Айгипан на край света искать ту рыбу и свою чудную раковину. Не нашел он нигде раковины, зато нашел на краю земли Эмеедеву Ехидну.

Не знала Ехидна, что потерял Сатир свою раковину. Думала: будет со мной Сатир — будет у меня и Страшный Звук. Дуну на небо, и сбегут тогда Кронида с неба и Олимпа на землю: титаны взойдут на небо. Дуну на свой змеиный хвост, и сбежит с него змеиная кожа: снова превратится хвост в вольные ноги титаниды.

Обманулась Змеедева.

СКАЗАНИЕ ОБ УБИЙСТВЕ МНОГОГЛАЗЫМ АРГУСОМ ПАНОПТОМ СТРАШНОГО САТИРА АРКАДСКОГО И ТИТАНИДЫ ЗМЕЕДЕВЫ ЕХИДНЫ

Во мгле пещер над тартаром жили вместе Змеедева и Страшный Сатир. И от тоски одиночества показался Змеедеве даже Сатир красивым. Полузмеями были они оба. Лютой злобой и коварством дышал Сатир, и перетекала его лютость в сердце Ехидны. Но в нем не оставалась. Стала она порождать детей в подземной пещере от Страшного Сатира. Им передавала она его лютость. Чудовищами были дети Ехидны. Породила она в наследие от львиной части Сатира Льва-дракона, людоеда, прозванного Немейским львом. Породила она в наследие от змеиной части Сатира многоголовую Гидру, прозванную Лернейской змеей. Но первенцем ее была Химера.

Крохотным созданием родилась крылатая Химера. Сверкала она красотой звездного Аргуса и ужасала уродством Страшного Сатира: чудом была она и чудовищем.

И любила ее Ехидна, как раковина любит скрытую в ней жемчужину, и любовалась, как порхает вокруг пещеры невиданное создание, сверкая переливами перламутровых чешуек.

Таила своих детей Ехидна от глаз богов. Ждала великой битвы богов с гигантами, подземными порождениями титанов. Но проведала обо всем богиня Гера.

Говорила Гера Кронида:

— Разве не титановой крови дети Ехидны и Сатира? Разве не опасны они для богов своей мощью и ненавистью? Отними их у Ехидны.

Сказал ей Зевс:

— Отними и забавляйся ими сама.

И решила Гера похитить у Ехидны ее любимую дочь, Химеру. Только в кого эта дочь, сверкающая и во мгле ночной и при свете дня?

Знала богиня: не похитить Химеры, пока жив бессмертный Айгипан. Охраняет Сатир своих чудовищ. Убить надо Страшного Сатира, да Зевс не позволит. И спросила Гера совета у Мома.

Сказал ей Мом-насмешник:

— Подари Сатиру раковину, видом сходную с той, что он утратил. Не будет он трубить близ пещеры. Захочет, по слову Ехидны, освободить древних подземных титанов и спуститься к ним в тартар, чтобы поднять их Страшным Звуком. Тогда в ярость придет Кронид и отдаст тебе Айгипана. Только раковину сделай беззвучной.

И усмехнулся Мом, сын Ночи, правдивый ложью.

Нашел Айгипан на вершине скалы над тартаром раковину. Признал ее за свою утраченную. Но не затрубил, чтобы не устроить Ехидны.

И все свершилось по слову Мома.

Спустился Айгипан в тартар. Подул в раковину перед медными воротами, где сидели Сторукие, стражи титанов. Но не раздался Страшный Звук. Не рухнули медные стены. Не поднялись древние титаны.

Вернулся Страшный Сатир в пещеру. А Гера понеслась к Крониду. Сказала:

— Нашел Айгипан свою раковину. Захотел поднять Страшным Звуком титанов в таргаре и вернуть им власть над миром.

Разъярился Зевс. Позабыл, что молочный брат ему Айгипан, что даровал Сатир ему победу над горными титанами. Взгремел:

— Быть без шкуры и головы Айгипану!

Ведь содрал же Зевс в юности со своей живой кормилицы Айги, матери Айгипана, козью шкуру-эгиду с головою-страшилищем.

И дал Зевс согласие Гере на умерщвление Страшного Сатира.

Призвала снова Гера звездного Аргуса. Сказала:

— Ненавидит Ехидна все небесное. Отвергла тебя Ехидна. Порождает чудовищ-титанов от Страшного Сатира Айгипана для грядущих битв с богами. Похить у Змеедсвы Химеру. С тобою сходно сверкающее чудо. Твое дитя. Я сама ее воспитаю. Но прежде убей Страшного Сатира.

Сверкнули люто глаза Аргуса и померкли.

— Как только похитишь Химеру, явись, Аргус, к лунной Селене и скажи ей, чтобы увела она из пещеры Ехидны Льва-дракона. Пусть укроет его в Немее. Будут говорить потом, что упал он с луны на землю. Сослужит он нам еще службу. А многоголовая Гидра сама уплывет от Ехидны. Разорим все змеинное гнездо... Любишь ты сверкать на закате, так иди же на закат, к Змеедеве.

И дала Гера Аргусу волшебный серп матери-Геи со словами:

— Убьешь и похитишь.

Безмолвно выслушал многоглазый Аргус богиню. Холоден и кровав был блеск его глаз и обманчиво их мерцание от мигания золотых ресниц. Иным стал звездный Аргус, страж Геры, после встречи со Страшным Сатиром.

Все исполнил, что она повелела. Надвое рассек серпом Геи Айгипана, отдыхавшего на вершине скалы, и забросил обе половины его тела в тартар. А затем похитил Химеру.

Все еще грудью кормила тогда Змеедева Химеру. По-прежнему порчала Химера диковинным крохотным созданием вокруг пещеры во мгле на прозрачных крыльях. И стал отманивать диковинную бабочку Аргус от пещеры, мигая золотыми ресницами своих неисчислимых глаз. Поймал ее в золотую сетку лучей и передал Гере. В тайном убежище укрыла Химеру богиня.

Исчез из пещеры и Лев-дракон. Увлекла его за собой лунной улыбкой Селена в горы Немеи. Весь желтый, никогда не видел он существ цвета львиного золота. И вдруг увидел: катит титанида Луна-Селена по краю небес золотой диск и манит к себе юного льва лунной улыбкой. Не отличить цвета диска от его львиных лап. Поскакал за катящимся лунным диском Лев — не вернулся в пещеру.

Не вернулась в пещеру и Гидра.

Снова осталась одна в мглистой пещере Ехидна. Снова выползла она полудевой-полузмеей на вершину скалы. Ядом стало в ее груди молоко, и черными каплями падало оно на камень. Только ядовитые змеи, заползая к ней из пустыни, припадали порой к ее материнской груди и сосали лютую пищу, недопитую крошкой Химерой.

Вот когда поползли из страны в страну по земле полу-богов-героев страшные рассказы о пещерной людоедке, о красавице-чудовище Змеедеве, живущей за дальним морем. Будто поджидала она отважных мореходов-героев, потерпевших крушение у морских берегов, зазывала их к себе в пещеру, приманивая своей красотой, и когда усталые герои засыпали, баюкала она их, напевая чародейные песни, а затем пожирала. Говорили, будто кормит она в подземной пещере детей черным ядом и растит из них мстителей смертным.

Проклинали ее матери и жены.

И никто на земле не знал о материнской скорби Ехидны по похищенной у нее маленькой дочери, по сверкающей, как Аргус, прекрасной Химере.

Только Аргус-похититель знал.

Заглянул он как-то в пещеру Змееды, осветил пещеру сиянием звездных лучей и увидел ее спящей. И в такой материнской скорбной красоте предстала спящая пленница Ехидна, что померкли на миг его звездные глаза — и во мраке исчез лютый Аргус, небесный красавец.

Не укрылось от глаз Геры, что тусклее стали глаза ее верного хранителя, что таит что-то про себя Панопт и все чаще спешит уйти на закат. Там ложился он на горной гряде и смотрел, мерцая, куда-то вдаль, в сторону океана. Догадалась богиня, куда он смотрит. Звездной тоской томится холодный Аргус по Владычице Змей.

И решила Гера вырвать из его души титана чары красоты Змееды-титаниды. Да неужели красота титаниды-изгнанницы сильнее величавой красоты богини неба? Неужели верность ее друга-хранителя уступит его звездной тоске?

Не она ли, Гера, властительница Олимпа? А что в мире сильнее власти? Красота?.. Погибнуть должна Змееда. Вернет себе Гера своего верного стража.

И предстала Гера перед Зевсом. Сказала:

— Племя гигантов шевелится во чреве матери Геи-Земли. Породила их темная, мятежная злоба свергнутых в тартар титанов. Но и на земле не иссякла у мятежных, непокорных титанов сила рождения. Во мгле пещер, на краю земли, порождают они змеиное потомство на помощь гигантам: драконов-чудовищ с бессмертными членами тела. Из них всех плодоноснее титанида Змееда Ехидна. Чаровница она, сильнее любого титана. И бог ее не оборет. Из подземных глубин под ступнями гор к ней приходит Сторукий Огнедышащий сын недр Тифоей. И растит она свирепое змеиное племя Эхионов. Не кровь в их жилах, а жгучая лава. Несравненно мощнее они богов. Берегись,

Кронид! Лучше вырви самый корень рождений. Бессмертна их мать, Змеедева. Но и для бессмертных есть смерть.

Кивнул Зевс головой.

И предстала Гера перед Аргусом. Не позвала его, как бывало,— сама явилась к его ложу на закате. И поведала ему владычица неба о черных вестях земли: как пожирает уснувших героев Ехидна, обольстив их отвагу красотой.

Но безмолвен был Аргус. И еще холоднее, чем прежде, был блеск его глаз. Сказала Гера:

— Зло земли и богов Змеедева. Звездный Аргус, отвергла тебя дочь земли. Опасны ее змеиные чары.

И вновь повелела Аргусу Гера:

— Обмани и убей!

Вновь дала ему волшебный серп матери-Геи, который был сильнее бессмертия титанов, чтоб отсечь им тело девы от ее змеиного тела.

Равнодушно принял Аргус серп, лишь на мгновение люто загорелся один его глаз посреди высокого, как свод неба, лба. И, опустив звездные ресницы, унесся он к океану.

Ночь. Скала. И пещера близ океана.

Что за свет у ее порога?

— Кто ты, гость? — И хвост дракона преградил дорогу пришельцу.

Ослепил на мгновение Аргус Ехидну. Отвыкли ее глаза от сияния. И слышит пленница голос:

— Я титан, как и ты, титанида. Я пришел вернуть тебя на землю, к живой жизни титанов и героев. Птицы зовут тебя. Звери и травы зовут. За порогом пещеры — крылатые ветры. Над порогом — горячие звезды. Ждут в ключах и ручьях тебя наяды и в полях и лугах — веселые нимфы. Встань. Доверься титану. Понесут тебя ветры в сад Гесперид. Там ты вкусишь золотое яблоко Геи, и спадет твой змеиный хвост. Вновь отрастут у тебя вольные ноги, и омоешь ты их в ключе Бессмертия амброзийной влагой. У ключа ждет тебя брат наш, дракон Ладон. Титанида, встань навстречу посланцу титанов. Я несу тебе свободу, Змеедева.

И запел Аргус.

Но не звездную песню, а песню земли пел гость, и жадно впивала ту песню тоска пленницы-титаниды по свободе.

У порога пещеры мерцали звезды. Выгнувшись дугой, грозно шевелился огромный драконий хвост, преграждая пришельцу дорогу, и смотрели на гостя из мглы глаза Змеевы. Обольстителен был голос певца.

И вот стал тихо отодвигаться в сторону хвост дракона, открывая дорогу. Нежный, полный чар шепот прошел по пещере:

— Я узнала твои золотые ресницы, Аргус.

Изменила ли змеиная мудрость Змееве и вторично поверила она обольстителю? Или отвечала коварством на коварство? Кто знает.

И кто знает: обмануть ли хотел ее Аргус, или его звездная тоска ответила на земную тоску титаниды?

Ступил Аргус, и к его звездным ресницам протянулись руки Змеевы, самой могучей из рода титанов.

Еще шаг сделал Аргус к титаниде. И вдруг взметнулся кверху драконий хвост и обвился вокруг звездного тела стража Геры. Сдавило его — так сдавило, как предгрозье давит духотой и муклой день.

Что это сверкнуло алмазным блеском в полумгле? Что за стон расколол камни пещеры? К ногам Аргуса сполз безголовый огромный червь, драконий хвост, и замер, содрогаясь, на камне. И вот люто вспыхнули тысячи глаз, и кровавым было их мерцанье над недвижимым туловищем Чудодевы, отсеченным от его змеиной половины.

Исчез Аргус.

Заглянула Луна-Селена в пещеру, побледнела и упала, оцепенев, в ночной океан.

СКАЗКА О ЛУННОМ СЕРПЕ И О КАЗНИ МНОГОГЛАЗОГО АРГУСА ГЕРМИЕМ ПО ПОВЕЛЕНИЮ ЗЕВСА

Поставила Гера многоглазого Аргуса стражем речной нимфы Ио, обратив Ио в полудеву-полутёлку, чтобы не могла она родить Зевсу полубога-героя. И повелел тогда Зевс богу Гермию отсечь голову многоглазому Аргусу. Бессмертен был Аргус, и бессилен был волшебный земной серп Геи-Земли перед звездным титаном. Нужен Гермию небесный серп. Полетел Гермий на край земли, к океану, у которого днем титанида Луна-Селена укрывается с лунными конями.

Говорит хитрец Гермий Селене-Луне:

— Убил многоглазый Аргус твоего любимца, Страшного Сатира, омрачил смертью Сатира сердце богов. Дай мне на одну ночь и один день твой сияющий лунный серп. Красива ты, Селена. Краше всех дневных богинь. Да только бледна. И хотя ты и чудно бледна, на зависть ночным теням, но все же бледна. Тянутся тени к тебе, но никак дотянуться не могут — сами бледнеют. А какой была бы ты с румянцем! Дай мне твой сияющий серп, и я сделаю тебя, как Эос-Заря, румяной.

Знает Селена, что Гермий лжив и лукав, что слова он из горшка с медом вынимает, а дела от тех слов в горшок с черной желчью погружает.

И все же ласкают Селену слова льстеца.

Да и как ей, титаниде-богине, не дать серп посланцу Кронида, олимпийцу!

Отдала Селена Гермию свой лунный сияющий серп, а сама осталась в венце с донышком. Запустила его, словно диск, на небесную ночную дорогу и, прыгнув из вод океана верхом на лунном коне, на всем скаку догнала венец и показала его донышком миру: круглое, ласковое, плоское, совсем не то, что сияющий лунный серп, — насмешлив тот и остер.

Только выйди на его зов, так он сердце разом и вырежет, обманщик!

Взял Гермий лунный серп, закутал его в колпачок фригийский и понесся к многоглазому Аргусу.

Хитер Гермий, лукав. Но и Аргус жестокий обманщик.

Просмотрел он Гермия насквозь глазами: нет ли при нем серпа Геи? Настороже был страж тёлки-девы. Не увидел у Гермия серпа Геи, но заметил: сияет у него что-то под фригийским колпачком.

Спросил Аргус Гермия:

— Что сияет у тебя под колпачком?

Отвечает Гермий:

— То сияют мои пастушьи песни. Дала их мне Сселена-Луна. Их поет она лунным коровам. Хороши лунные стада Селены. Похожи ее коровы на твою белую телку. Ты теперь пастух. Хочешь, научу я тебя пастушьим песням Селены?

Вынул Гермий лунный серп, поднес его ко рту, словно серп — не серп, а сюринга-свирель, ослепил сиянием серпа Аргуса Панопта со всеми его звездными глазами, и запел хитрый Гермий песню обманчивых Снов. Только он один среди небожителей знал песни обманчивых Снов, так как мог спускаться в царство Ночи, где жили Сны.

Пел Гермий, и стал засыпать многоглазый Аргус под песни Снов.

Глаз за глазом закрывался на его теле. Чуть подрагивали, мигая, их золотые ресницы, и только один глаз еще слабо мерцал, то вспыхивая, то угасая. Наконец и он потускнел и закрылся. Засиял тогда серп Селены в руке бога Гермия высоко над головой спящего, разом снизился и отсек голову уснувшему Аргусу. Отлетела голова, и открылись на мгновение на всем теле звездного титана глаза, чудно вспыхнули и стали, тускнея, гаснуть, уступая сиянию лунного серпа. Но не дала им совсем угаснуть Гера. Вдруг явилась со стаей белых павлинов. Сорвала богиня глаза Аргуса с обезглавленного тела, подозвала любимого белого павлина с длинным хвостом-шлейфом и рассыпала

по его хвосту эти глаза. И вот заиграли глаза Аргуса на птичьих перьях павлиньего хвоста синими и зелеными радугами.

Когда в эту ночь смотрели титаны и полубоги-герои на небо — не было на небе звезд. Только огромный белый павлин, весь в радужных глазах на оперении пышного хвоста, медленно пролетал, сверкая, неведомой кометой по небу, и мерцал позади него путь его полета.

К К А З А Н И Е

О Б Р А Т Ь Я Х
А Ф А Р И Д А Х
И Д И О С К У Р А Х

СКАЗАНИЕ О НЕИСТОВОМ ИДАСЕ И О РЕЧНОЙ НИМФЕ МАРПЕССЕ

Не спрашивай, гость, в горной Мессэнии, не спрашивай и в горной Этóлии, кто такой Идас. Отвернутся от тебя жители гор и тесных долин, как от темного пришельца. И никто тебя ни в пещеру не впустит, не переправит через свирепый Эвэн. Не человеческому голосу выговорить, кто такой Идас.

И если ты пришел из далекой Скифии, страны неведомой, и впрямь не слышал об Идасе, то наклонись над пропастью Тайгета или припади ухом к груди горы у Эпопы и спроси у них, кто такой Идас. Дохнет пропасть, загудит в груди горы, и услышишь ты, далекий гость, то, что выговорить могут только камни да руда в недрах:

— У Эвена — дочь Эвенида, нимфа Марпесса. У Афарея — сыновья Афарида: Линкей — зоркоокий проницатель и Идас — огромно-неистовый.

Все огромно в Идасе — и тело, и желанья, и отвага, и дума. Но всего огромнее в Идасе его любовь к нимфе Марпессе. Так огромна была эта любовь и так неистова, как огромен и неистов вулкан, извергающий разом и пламя, и лаву, и камни, и пепел. Так огромна была эта любовь, что если бы выпала она из сердца Идаса на землю, даже сам Идас не смог бы поднять ее с земли и вложить обратно себе в сердце. Скорее всю громаду хребтов Олимпа и Тайгета поднимешь, чем такую любовь.

О, и плясала же речная нимфа Марпесса в хороводе нимф-подруг! Водопад пляшет — не напляшется. Гроза в горах пляшет — и не напляшется, а уж как начнет плясать Марпесса, то и водопад, и гроза, и даже водовороты порогов остановят свой пляс, замрут и только смотрят, не дыша, на чудо-плясунью: вот бы им так плясать!

И увидел Идас ее пляску, и увидел ее, всю речную, — такую, как если бы мрамор стал огнем, а огонь сиянием, а сияние ручьем, а ручей... Да где тут слово найти, чтобы сказать, чем стал бы ручей! Открой глаза, и закрой, и снова открой: и пред тобою и мрамор, и огонь, и сияние — и все это вместе ручей, и все это вместе нимфа-титанида, плясунья.

Вот какой увидел Идас Марпессу, увидел и полюбил ее огромно-неистово.

Рассказывают волны, что как-то увидели ее пляшущей две скалы у моря. Не выдержали скалы, сорвались, безумные, с места, чтобы сковать ее всей своей гранитной любовью. Уплыла от них речная нимфа. И с тех пор стали они бродячими скалами: бродят и всё ищут Марпессу.

Но увидел Марпессу и юный бог-стреловержец Аполлон и тоже воссиял к ней любовью. Еще управлял тогда солнечным возком древний титан Гелий, а юный Солнцебог забавлялся метанием золотых стрел в зеленые волосы дриад и наяд, чтобы вспыхивали в них золотые искры.

Узнал Идас о своем сопернике, боге из рода Кронидов, и решил поскорее похитить Марпессу из хоровода нимф во

время пляски. Но как выхватить из хоровода речную нимфу? Как унести пылающий огонь, чтобы он пылал не угасая? Или текучую струю, чтобы она текла не иссякая?

И задумался Идас.

Проносились в нем бурями дума за думой, одна другой неистовее. Думает Идас. Далеко под ним бьют с грохотом волны моря о крутой берег. Ударят волны, охнут и отхлынут с ревом в пучину. А Идасу кажется, что тихо море, что только мурлычет и трется оно бархатной спиной о побережье, так бурно и огромногласно в сердце-уме Идаса.

Хорошо богам Олимпа: у них страсти — лишь пища для мысли-желания, сама же мысль — как холодная молния трезубца Посейдона. Двинут боги мыслью — и дрогнут суша и море, а сам бог, весь в улыбке небес, величаво спокоен.

Но не таков Идас, что сильнее всякого бога. Сама мысль в нем горит, и жжет, и грохочет раскаленными камнями-молниями, и сам Идас горит в том неистовом огне. Тяжко Идасу от бури-думы. Хочется ему на весь мир вопль поднять, чтобы земля разверзлась и пришла к нему на помощь всей своей мудростью, чтобы горы ступили и легли под ноги Марпессы: вот бы вознесли ее высоко над рекой и кинули в объятия Идаса. Но нельзя Идасу выкрикнуть сердце миру. Услышит его крик Эвен, отец нимфы, станет на страже — не отдаст он Идасу Марпессы. Только скажет ему, смеясь:

«Видел ты моих речных коней в моей речной колеснице, Идас? Отдам я тебе в жены Марпессу, если выйдешь со мной, ристателем, на состязание. Не догонят мои речные кони твоих коней — бери Марпессу: она твоя. А догонят — отдашь мне свою голову, Идас, по титановой правде нерушимой. Что ж, побьемся об заклад с тобою: ты кладешь мне в заклад свою голову, я тебе — Марпессу. Что ж, выводил своих коней мессенских, запрягай в колесницу, и поскачем». И опять засмеется Эвен.

Да и как Эвену не смеяться!

Немало голов, отсеченных от плеч женихов-соискателей, красуется на кольях частокола вокруг жилища Эвена. Отдали герои-полубоги свою голову за красавицу нимфу. Самому черному богу Аиду обещал свирепый Эвен чертог воздвигнуть из отрубленных голов героев.

Ну и кони у Эвена!

Сам Эвен Идасу не страшен. Сожмет его Идас ладонями — и нет речного Эвена, только малая топь останется на месте. Но нерушима и грозна титанова правда. Побьется с ним Идас об заклад, и должен он отдать свою голову Эвену, если догонят его Эвеновы кони.

Ох, и будут же тогда смеяться боги Кронида над глупым огромно-могучим Идасом, титаном Мессении!

Да и нет в Мессении коней, равных резвостью коням этолийским Эвена. Тут не кони, тут морские вихри нужны — Посейдоновы кони.

И задумался в третий раз Идас: не поймать ли ему морского коня-Вихря Посейдона? Не похитить ли на нем Марпессу? Пусть погонятся тогда за ним речные кони!

И пошел Идас к берегу моря.

Стоит молча у моря, а дума о коне-Вихре так и носится по волнам мыслей Идаса. Но не может он ее высказать морю. И все-таки выловил властитель морей думу Идаса своей удочкой хитрости. Захотелось Посейдону позабавиться зрелищем погони, захотелось подзадорить юного Аполлона. У Посейдона всюду мятеж да мятеж, ураганы о тысячу таранов, клокоты пучинные, а у Аполлона все друг с другом в ладу, как струна со струной, как звезд хороводы, как звон прозрачных ключей. Чуть кто собьется с ладу или возмутится, тотчас летит в него золотая стрела Аполлона и смиряет буйство возмутителя. Не по нраву Посейдону такой лад. И задумал Посейдон вызвать буйную ярость в самом юном боге: столкнуть Аполлона с Идасом. И еще задумал он испытать силу Идаса.

То-то говорили великаны, будто Идас — сын власти-

теля вод. И по воле властителя вод взволновалось, зашумело море. Ветры с волнами заиграли.

Смотрит на море Идас и видит: поднялась среди волн одна высокая волна. Стала выгибаться — и уже не волна она, а шея коня-исполина, и на шее пенится белая конская грива. Под нею грудь вздымается. И вот словно что-то сверкнуло, покосилось на Идаса зеленым конским глазом — и разом нырнуло под другую волну, как ныряет дельфин, играя.

Смотрит Идас. Вот снова вздыбилась конь-волна, еще выше прежней. И уже не то что шея, но и ноги конские взвились, взбили воду пеной и в глубину опрокинулись. Только конский хвост, змеясь, разбегается широко жемчужным снопом по зыби вод.

Эх, не подстерег Идас коня! Погоди же, выловит он морскую волну из моря!

Вперед подался Идас, напружинился... А тут, откуда ни возьмись, как полыхнет Вихрь крылом по морю! Выше Идаса взыграла волна, и вот снова вздыбилась она гривастым конем из пучины.

Кинулся Идас к коню-волне в море, обнял его руками — в обхват — за шею и вскочил ему на хребет. Тут как фыркнет конь! Брызги кругом. Алые ноздри зазияли. А морской Вихрь только этого и ждал. Разом влетел коню в раздутые ноздри, еще шире раздул их — и взмыл из вод Вихрь-конь морской. Так и прынул с Идасом на береговую кручь.

Да, и конь же под Идасом! Несет его Вихрь-конь к хороводу нимф — так несет, словно гонится он за сердцем Идаса, еще быстрее скачущим, чем сам Вихрь-конь.

Подскакал Идас к хороводу нимф. Кружится хоровод. Пляшет в его широком кругу нимфа Марпесса. И видит Марпесса: рядом с ней страшный всадник. Встал перед нимфой, словно в землю врос, и обдал ее таким жаром любви, что мгновенно выпрыснули из-под стоп Марпессы, из земли, огненные цветы и воздух над тем берегом реки,

где дремал речной бог Эвен, взвился кверху розовым паром и занавесил от него и хоровод, и всадника на Вихре-коне.

Едва увидела неистового Идаса Марпесса, едва ощутила жар его любви, как вспыхнуло в ней все, что только может запылать в сердце речной нимфы. И уже сами по себе и ноги, и руки, и все тело плясуньи заплясали пляску любви.

Кружится всадник на Вихре-коне вокруг пляшущей Марпессы. Все быстрее кружится, все бешенее. Будто в воронку вихревую затягивает Марпессу. И схватили вдруг чудо-плясунью чьи-то руки — и уже несется, летит она в объятиях Идаса по земле, или над землей, или кто его знает где...

Ужаснулись нимфы-подруги, подняли крик. Пробудился от крика речной бог Эвен. Только метнул взор в облачную даль, как все понял. И коней еще не кликнул, как уже выбежали из реки речные кони в беговой колеснице. Прыгнул в нее Эвен, натянул струистые вожжи и понесся в погоню за беглецами.

Страшен обманутый речной бог! Местью дышит-течет. Кто нарушил его речную волю? Кто похитил у Эвена Марпессу? Будь он смертным, будь он бессмертным — не ускользнуть ему от Эвеновых речных коней.

Ну и бег! Зарницы и те замигали от удивления глазами.

Ну и кони!

Быстр и стремителен горный поток. Быстры и стремительны его бурные волны. И все же короток их речной скок по сравнению с махом морским.

Домчатся речные волны до моря. Вбегут в море, погонятся всей резвостью за морскими бегунами. А те как пойдут океанским махом от них, так одно и останется речным волнам — нырнуть в морскую глубь и кануть в ней навек.

Но у Эвена не волны, а речные кони. Те в глубь моря не

нырнут: солеными станут, а морским бегунам не уступят.

В родную Мессению несет Идаса с Марпессой Вихрь-конь морской. Что ему волны моря! Скатерть. Перенесет через море — догоняй тогда Идаса.

Знает Эвен: преграждает беглецам путь к морскому заливу горный поток — свирепый Ликормас. Рогаты у Ликормаса волны. Да полно, волны ли это? И кто мог сказать: волны? Не волны они, а волки. И не волки, а быки — крутоплясы трирогие. Выставил Ликормас во все стороны, от берега до берега, рога, будто острия подводных камней. А вокруг тех рогов-каменей хлещут по плечам, по ногам, по глазам бычьи хвосты, крутятся водоворотами, тащат в какие-то клокочущие пасти. А тут спереди, сзади, с боков бодают тебя каменные рога: саданут, швырнут — и в клочья...

Дикий зверь не переплывет через этот поток. Рыба и та разобьется в его водоворотах или выбросится, вся ошалелая и истерзанная, на берег и даже охнет от ужаса, хотя она и рыба.

Мчится Вихрь-конь по ущельям Этолии — со стремнины на стремнину, с хребта на хребет: прыгнет в пропасть, скакнет на вершину, но нет ему для полного бега раздолья.

Мчатся вслед за ним резво-звонко речные кони; звенят струистые вожжи на их боках, и слышен беглецам зычный голос Эвена:

— О, и высока же ты будешь, сосна частокола! Ох, и заострю же я тебя остро! Будет на ней торчать голова Идаса. Вырву я, Идас, твои глаза; залью, Идас, твои глазницы смолой; зажгу я эту смолу, и будут твои глазницы дымно гореть перед жилищем Эвена двумя маяками. Зарекутся искатели нимф похищать у Эвена Марпессу. Эй, надайте, Эвеновы кони!

И кричат вслед Эвену речные боги, выдывая из горных потоков:

— Нагоняй, Эвен, нагоняй! Не уйти в горах морскому бегуну Вихрю от речных скакунов.

И несется вслед за ними, как бешеная, нимфа Эхо, и кажется, во все стороны разбегаются от нее по горам и теснинам сотни тысячеголосых подруг.

Ну и бег! Ну и кони! Ну и погоня!

Не знал Идас страха, принял бы он бой с Эвсом, но в руках у него Марпесса. И не оторвать ему от Марпессы рук. Ведь каждый палец руки любит Марпессу. И изгиб локтя ее любит, и плечо любит. Разве выпустят они ее из рук? А без рук — чем же биться тогда могучему Идасу?

Слышат беглецы позади злорадный смех Эвена. Неужели догонит? И тут преградил им дорогу свирепый поток Ликормас.

Не раздумывал Вихрь-конь, перемахнул через поток — только брызги повисли на копытах. А там впереди море-поле...

Подскакал к берегу Ликормаса и Эвен. Кинулись было Эвеновы кони в поток. В рога приняли их рогатые волны Ликормаса, вступили в схватку с конями Эвена. Навалились на них всем бычьим стадом, забодали рогами. Ни перебежать речным коням по спинам волн, ни переплыть им, ни нырнуть. Не пускают их рогачи Ликормаса. Выбили их обратно на берег, в щелы разнесли колесницу Эвена. Как тут не задохнуться Эвену от ярости! На конях пена мхом повисла; дрожат, словно пух на ветру. Изменили ему речные кони.

Не стерпел такой измсны Эвен. Выхватил меч, зарубил им своих коней на берегу, а сам прыгнул по колено в поток и стал рубить мечом рогатые волны.

Но разбился меч об их каменные рога. Тогда кинулись быки-кони на Эвена. Вмиг скрутили его бычьими хвостами и утянули за собой в пучину.

Ускакали Идас и Марпесса.

Но с той поры стал прозываться поток Ликормас Эвеном.

И вот что рассказывала старая черепаха черепахе: не было прежде водяного хозяина у потока. И вдруг узнала

вся Эллада полубогов-героев: объявился на берегу потока нелюдимый кентавр Несс. Будто вышел он из вод потока и стал перевозчиком. Переправлял он на своей конской спине с берега на берег путников. Но не всех переправлял, а только беглецов, гонимых, из рода полубогов. И плату за перевоз брал веселым смехом.

И еще рассказывала старая черепаха черепахе, будто Несс и есть тот Эвен, не догнавший похищенную Марпессу. На дне горного потока, среди рогатых волн, обратился Эвен в кентавра, спасителя беглецов.

Ох, уж эти старые черепахи! Чего только не наскажут...

Свиреп и силен был речной бог Эвен. Но что сила речного бога перед силой юного небожителя-олимпийца! Нелегко уберечь речную красавицу нимфу от сияющих рук такого бога.

Береги теперь, Идас, Марпессу.

Любила Артемида-Утренница, сестра Аполлона, тешить глаза утренней пляской нимф, перед тем как отдаться охоте. И увидела богиня, как похитил Идас из хоровода нимф Марпессу и умчался с добычей через море, в родную Мессению. Тотчас пустила Артемида стрелу-вестницу в Дельфы, в земное жилище Аполлона, и сама туда понеслась вслед за стрелой. Летит стрела, и не отстает богиня-охотница от оперенья стрелы. Вместе долетели до юного бога. Только успели выговорить: «Идас Марпессу...», как не стало в Дельфах Аполлона. Устремился он лебедем в Мессению на поиски похищенной нимфы: не Идасу владеть добычей, облюбванной сыном Кронида. Еще ничья сила любви на земле не пересилила мощь олимпийца-небожителя. Нет ему в любви соперника среди племени титанов и полубогов. Не бывать Марпессе за Идасом!

Меж тем домчался морской Вихрь-конь с беглецами по морю до мессенских берегов и близ самого крутого места взвился вдруг над волной и кинулся в морскую глубь с

седоками. Засмеялась в воде речная нимфа Марпесса, скользит в жарких руках Идаса, но не выскальзывает — только влечет его ласково к берегу, и кипят вокруг них воды от ударов могучих рук и от жара любви в сердце Идаса. Вышли Идас и Марпесса на берег. Видят — сидит на берегу перелетная стая лебедей.

Говорит Идас Марпессе:

— Побудь, нимфа, среди лебедей. Поищу я для тебя тайное убежище. Завистливы боги Кронида. Озлобит их сердце счастье Идаса. Будут тебя лебеди стеречь. Как почувешь опасную близость бога, нырни в глубину морскую. Только одно не забудь: берегись плясать на берегу моря. Не укроется твоя пляска от глаз богов.

И исчез Идас в горном проходе.

Дремлет море. Дремлют лебеди. Выплыли тритоны из подводных пещер на поверхность и, выпучив губы, задули в морские раковины: подруг вызывают утренней песней из морских глубин поиграть с ними в дельфиньи пляски. Нереиды плещутся в дали морской. И доносится из-за гор тоскующий призыв пастушьей флейты.

Где тут сердцу наяды устоять!

Вскочила Марпесса. Сами собой стали переступать ноги на кончиках пальцев. Узором прошли меж лебедей по берегу, прошли — и закружили Марпессу в танце. А как начала плясать, так уж нет пляске конца. Все забыла, что сказал ей Идас. Не видит, не слышит, как встрепенулась лебяжья стая и вытянула длинные шеи с бусинками глаз к небу. Серебряная птица показалась над морем. Все растет и растет ее сияющее оперенье. Огромным лебедем все ниже и ниже парит над плясуньей.

Закричали при виде его дикие лебеди вокруг Марпессы, крыльями забили в тревоге. Не встречался им еще на их долгом лебедином веку такой лебедь. И раковины тритонов завывали, и nereиды рассеялись, расплылись в вол-

нах, и пошло море, бушуя, валами к небу. Знать, недобрый гость эта птица-лебедь небесная для титанова племени.

Пал дивный лебедь на плясунью Марпессу. Обнял ее крылом и хотел было уже взять ее на плечи и подняться с ней в небо, как спрыгнул с утеса на звенящий крик нимфы Идас. Разметал он белыми хлопьями взлетающую лебединую стаю и ухватил рукою огромного лебеда за золотую перевязь на лебедином крыле.

Тут обернулся мгновенно лебедь Аполлоном: принял свой образ бога. И вступили в борьбу за Марпессу неистовый Идас и юный бог Олимпа. А над ними кружится с криком лебединая стая.

Сжал Аполлон пальцами кисть руки Идаса — так сжал, что, будь она из железа, стало бы железо воском и раздавил бы тот воск Аполлон. Но Идас выдержал пожатие десницы бога. И уже сам так рванул к себе его золотую перевязь, что прибрежные скалы дрогнули и море, отхлынув от берега, стало прозрачно-зеленой стеной поодаль. И на ту водяную стену взошел сам владыка вод Посейдон любоваться борьбой Аполлона и Идаса за нимфу Марпессу.

С такой мощью рванул Идас к себе перевязь, что сорвал вместе с перевязью золотой лук с плеча Аполлона. Мощно тянет Идас лук к себе.

Не отдает его юный бог: ухватился за конец лука и влечет его обратно в свою сторону, словно солнечные кони — колесницу Солнца. Хочет сбить наземь Идаса. Но не сдвинется Идас: будто в землю врос исполин. Как в огне оба борца, такой жар от них. И все кругом залито сиянием — от лучей глаз Аполлона и от пламени любви Идаса к Марпессе.

Стоит Марпесса, не шелохнется. Только руки ее будто текут по воздуху и нежной влагой утоляют дыхание и жажду распаленных бойцов, и невиданными алмазными дождями мечутся над берегом и морем под ветром распущенные косы Марпессы, то всю ее окутывая, то открывая. Смотрит на нее море во все глаза и не насмотрится. Только

вдохнет тяжело тысячелетней синеокой тоской морского старца.

Вот какова Марпесса!

Не может одолеть юный небожитель земного Идаса, титана. Не в силах он всей своей солнечностью осилить жар любви в сердце Идаса. Будто Земля-Гея дает Идасу свой глубокий огонь из недр — так могуч Идас, противник бога.

Вдруг выхватил Аполлон золотую стрелу из колчана, наложил ее мгновенно на тетиву и, выпустив конец лука из руки, напряг тетиву.

Верна стрела солнца и быть бы Идасу пронзенным стрелой, но обвилась тут волосы Марпессы вокруг лука, опутали разом тетиву, не дали ей распрявиться. Выскользнула тетива из рук юного бога, и остался лук в руке Идаса. А дождь волос Марпессы снова стелется под ветром.

Жжет золотой лук Солнцебога пальцы Идаса. Припал он на колено и со стоном нацелился той же стрелой золотой в юного бога. Да и как не застонать от жгучести такого золота с неба!

Увидел Посейдон с водяной стены моря, как целится Идас. Наслал было на берег морской вал выше исполина высотой, чтобы утопить в нем Идаса, дерзнувшего одолеть бога. Но и Зевс-Кронид видел схватку соперников. Не мог он дать в обиду сына, не мог он опозорить небожителя-олимпийца из рода Кронидов. Метнул из огнемета-перуна молнию на берег, ударила молния меж бойцами, пронзила землю у их ног, и выронил Идас лук Аполлона, даже опрокинулся на спину от удара молнии.

Но пред грозным знамением Зевса отступил от Идаса на шаг и его соперник Аполлон.

Потемнело море. Исчез Посейдон. И уже летит к бойцам с Олимпа вестницей Ирида-Радуга.

Говорит Ирида Марпессе:

— Сестра речная, выбери из двух полюбивших тебя того, кто тебе милее. Кого выберешь, с тем и уйдешь. Такова мудрость Зевса. А ослушается кто из соперников,

не примет твой выбор,— примет он участь древних титанов: быть ему от нового удара молнии в тартаре.

Смотрят Аполлон и Идас на Марпессу. Смотрит и Марпесса на титана и бога. У обоих сила сверхсильная. Сияют-смеются глаза Аполлона: в них любовь и солнце. Горят неистовым огнем глаза Идаса: в них только любовь. Переводит Марпесса в раздумье глаза с одного на другого: оба по сердцу Марпессе.

Выберет она Аполлона — станет тогда нимфа богиней и родит ему бога.

Выберет она Идаса — останется она тогда титанидой и родит ему титана.

Стоит Марпесса в раздумье. Впрямь, властителен бог. Но все же одолел его титан.

Любовью и солнцем сияют глаза Солнцебога: но не ей одной — всем нимфам и богиням сияют. Отсияют они когда-нибудь, глядя на Марпессу, и отвернутся. Для другой будут они тогда сиять.

А Идас? Одной неистовой любовью горят глаза Идаса. Нет в них сияния солнца, но горят они только для Марпессы.

И отошла Марпесса под руку Идаса.

Тогда метнул в потемневшее море Аполлон золотую стрелу и сам утонул где-то за морем, в ее золотом огне. Унеслась в небо и Ирида. Только сбросила в небо с плеч речной нимфе Марпессе в дар свою радужную хламиду

**СКАЗАНИЕ О БОРЬБЕ
БРАТЬЕВ АФАРИДОВ, ИДАСА И ЛИНКЕЯ,
С БРАТЬЯМИ ДИОСКУРАМИ,
КАСТРОМ И ПОЛИДЕВКОМ**

**СКАЗАНИЕ О СЕРЕБРЯНОМ ЯЙЦЕ ЛЕДЫ
И О ПОХИЩЕНИИ ЛЕБЕДИНЫХ ДЕВ
ЛЕВКИППИД ДИОСКУРАМИ¹**

Вот о чем рассказывал старый лебедь юной лебеди на урочище Кихреи, близ Спарты.

Жила у речного берега в Кихрее лебединая дева, по имени Леда, и была она и девой и лебедью: голова, руки и грудь девичьи, а вдоль рук, от плеч, перистыми рукавами спадали лебединые крылья, и такие широкие, пушистые,

¹ Мифы, связанные с Ледой, Левкиппидами и Диоскурами, принадлежали первоначально к сказаниям Аполлонова круга и не имели отношения к Зевсу. Лебедь — птица Аполлона. Белые кони — те же лебеди. Левкиппидами именовали и самих Диоскуров, и дочерей Аполлона Фойбу и Гилаейру, и запряжку Аполлона, и коней Диоскуров. У древних поэтов сохранился также эпитет, прилагаемый к Диоскурам: «белокон-

богатые, все в кудрях, словно на Леде сорочка лебяжья... Ляжет, бывало, Леда грудью на воду, поставит два крыла парусами, и кажется — впрямь лебедь плывет. А как вый-дет на берег, встряхнется, спустит небрежно крылья с плеч пуховой шалью, закутается в нее — и вот уже не лебедь пред тобой, а дева.

И откуда только вышла она такой? Из жемчужины, что ли?

Ляжет под платаном — новое диво: справа подой-дешь — лебедь дремлет, слева подойдешь — девушка на коврике из лебяжьего пуха нежится; и все тело ее словно в золоте текучем выкупано.

А не то стоит Леда над рекой и поет. Кругом рыбы за-стыли стаями: слушают песню. Кончит она петь, и унесут рыбы ее песню в речную глубину, и будет эта песня Леды еще долго переливаться на их чешуе, играя невиданными на земле красками.

Долго летал над землей серебряным лебедем Аполлон, отвергнутый нимфой Марпессой, и увидел он с неба дремав-шую под деревом лебединую деву. Слетел к ней юный бог. И с той поры часто посещал Аполлон Леду в образе чуд-ного лебеда.

Жил тогда близ Кихреи титан-великан Левкипп, слав-ный белыми конями, и нашел он как-то спозаранку на берегу большое серебряное яйцо, такое яйцо, что и жеребе-нок мог бы из него вылупиться, а не только лебедь. Дога-дался Левкипп, что не простая птица снесла это яйцо, что оно от титанова племени, и положил его в каменном гроте, у конской ограды. Вернулся к вечеру в грот и видит: лежит в гроте двумя серебряными пустыми половинками надвое расколотое яйцо, и сидят близ тех половинок две девушки:

ные». Только после того как Зевс стал главой Олимпийского пантеона, к нему перешли многие сказания, связанные с другими богами, в том числе и с Аполлоном. Таким образом, Аполлон-лебедь, сочетавшийся с Ледой, был замещен Зевсом-лебедем, спартанские же Диоскуры стали сыновьями Зевса и Леды.

одна — вся как улыбка раннего утра, другая — как сияние лунного вечера, и кормит их белая кобылица из его стада молоком.

Присмотрелся к ним Левкипп и назвал одну из них Фойбой, а другую Гилаейрой. Нимфы же прозвали их Белыми Кобылицами — Левкиппидами.

Оборотнями были сестры Левкиппиды: могли они превращаться и в лебедей, и в белых кобылиц. И так похожи были издалика те лебеди на кобылиц, что нельзя было никак различить, лебеди ли плывут по небу, или то крылатые кони: и шеи у коней лебединые, и крылья у них лебединые, и ноги они поджимают по-птичьи.

Смотрит на Левкиппид Левкипп и радуется: что за веселые девушки! Что за красавицы!

Выйдут они, бывало, из грота двумя девами, взмахнут трижды руками, словно крыльями, и взмоют к небу двумя белыми лебедями. А чуть ударятся грудью с лёта об землю — и вот уже не лебеди они, а белые кобылицы. Тут и чуда нет. Не одним же богам быть оборотнями.

Родились Левкиппиды, и не стало в Кихрее Леды. Рассказывали серые гусыни, будто сам Зевс-Кронид унес ее на гору Тайгет и спрятал у озера, в густом можжевельнике.

Но иное рассказывали сизые утки. От уток услышал и старей лебедь.

Был брат у Левкиппа — титан Тиндарей-Потрясатель, ловец птиц и зверей. Ясной, как день, была его жизнь. Но чуть только придет в ярость, все крушил он и потрясал, как гром. Потому и прозвали его Потрясатель. Приглянулась ему Леда, лебединая дева. Стал охотиться на нее. Но никак не удавалось ему ее поймать, ускользала от него Леда. Как услышал Тиндарей о том, что исчезла Леда из Кихреи, отправился он за ней на поиски в горы и лесные дебри. Не нашел он Леды в горах и лесах. Зато нашел он в чаще Тайгета, близ озера, серебряное яйцо, еще большее, чем то, что нашел Левкипп. И вышли из того яйца на Тай-

гете двое юношей небывалых: красотой сияющей и мощью они были как боги, и такой свет исходил от них, словно каждый из них нес в себе солнце. Считали они себя детьми Зевса. Но сами не знали, смертны они или бессмертны.

Дали одному из них имя Кастор, а другому имя Полидевк.

Но молва нарекла их именем Диоскуры: сыны Зевса.

И любили друг друга братья, Кастор и Полидевк, как правая рука любит левую, как одна капля воды любит другую каплю воды. Шип не смел оцарапать одного, чтобы тотчас не был поранен другой. Волна не смела омыть одного, чтобы тотчас не омыть и другого.

Тиндарей увел за собой юношей в Лаконию, и считался он там их отцом. Да и чем титан-великан им не отец? Только был Тиндарей из рода долголетних, но уже смертных титанов.

Умел Кастор, как никто, укрощать диких коней. Умел Полидевк, как никто, с одного удара валить наземь любого полубога.

Бывало, взглянут близнецы друг на друга, и скажет Полидевк Кастору:

— Ты, Кастор,— утро, я — ночь. Под тобою конь заревой, подо мною — черный. Не догнать твоему Заревому моего Черного. Не догнать моему Черному твоего Заревого. Таких надо бы нам добыть коней, чтобы один конь мог догнать другого коня, как бы далеко ни были они друг от друга.

— Знаю я таких коней,— сказал Кастор.— Есть такие две белые кобылицы у Левкиппа — Левкиппиды. Верно, крылья у них на ребрах: чуть приблизишься к ним, они взлетают, словно лебеди к небу.

— Что ж, добудем их,— сказал Полидевк.— Быть Левкиппидам за Диоскурами.

Раз паслись сестры Левкиппиды белыми кобылицами на лугу. Как вдруг выскочили из засады братья Диоскуры.

Не успели сестры ударить копытом, не успели сделать три заветных скачка, как настигли их ловцы коней, вскочили на них, сдавили им петлей шею — и стали Диоскуры белокоными.

Не могли Левкиппиды-кобылицы обратиться в лебедей, не могли вернуть себе и свой девичий образ под руками чудесных братьев. Только спросили ловцов:

— Кто вы, юноши?

И ответили юноши:

— Мы Диоскуры.

Тогда взмолились к ним сестры Левкиппиды:

— Мы не кобылицы крылатые, мы — девы. Отпустите нас, братья Диоскуры, и добудем мы для вас конский табун. Есть в том табуне два чудо-коня, как мы, серебряно-белые. Не простые то кони, а кони-лебеди. Когда рысью бегут — они кони о четырех ногах, а как вскачь пойдут, так уж так пойдут, что крылья у них на ходу вырастают, и уже не кони они, а лебеди, и уже не по четыре у них ноги, а по две. Только неукротимы те кони. Ни титаны, ни полубоги не могли их объездить. И неуловимы они: шеи у них из серебра: не захлестнуть их петлей. Но, увидя нас, кобылиц, кинутся они к нам с диким ржаньем и с криком лебединым. Если вправду вы Диоскуры, то поймайте тех коней и укротите. А нас отпустите к Левкиппу.

Ответили Белым Кобылицам Диоскуры:

— Слышали мы о сестрах Левкиппидах, но видать их не видали. Поймаем неукротимых чудо-коней — отпустим вас: улетайте. Но коль догоним вас — не взыщите. Только поклянитесь нам титановой клятвой, что прежде чем ускакать от нас, примете свой девичий облик — не ускачете от нас кобылицами.

Ударили Белые Кобылицы опаловым копытом трижды об землю — так ударили, что с неба два облака сорвались в ущелье; поклялись Диоскурам Уранидами, пребывающими в глубине тартара, и понесли седоков в Мессению, к табунам и стадам Афарея-великана, брата Левкиппа.

Вольными были тогда в Мессении конские табуны и бычьи стада. Паслись они по ничьим лугам и горным склонам, а главные стойбища их — у Афарейя.

От ловцов-полубогов укрывались они у братьев-великанов, от зверья сами отбивались. Почует стадо желтого хищника, станет бык против льва, и не знаешь, где бык, где лев: оба — силища! Пойдет медведь на корову: медведь корову за рога и на плечо, а корова медведя на рога — и под небо, — силища! Это что! А вот как появится лев-дракон бескрылый, тут уж дело другое. Что перед таким львом-ящером бык, будь он даже тур или зубр? Ягненок — не больше. А появится какое-нибудь медноногое, меднорогое, огнедышащее бычье чудище, — что перед таким быком даже из львов лев? Котенок, не больше: всех пожрет бычье чудище. Тут помощь титана-великана нужна. К нему хлынут стада морями: за его спину, к его стойбищам.

Свистнет, бывало, Афарей посвистом пастушьим, великанским, гукнет целым бором сосновым — и понесутся к нему табуны и стада мириадоголовые, только земля гудит под копытами.

Ночь. Стелются два белокопных всадника по равнинам, скользят по склонам гор, не касаясь земли, словно туман молочный пред рассветом. И не слышно ни удара копыт, ни сопенья конского. Только воздух как надвое разрезан.

Едва подскакали всадники к заповедным местам Афарейя, где кони сгрудились к ночи, как возникло за табуном переливчатое певучее ржанье, словно две двойные флейты-свирели заиграли, и вслед за ржаньем — крик лебединый. Раздался табун, дал дорогу, и выскочили на поляну два коня в белом сиянии: да кони ли это? Птица-зверь красоты земной, а не кони! По земле ли скачут, по воздуху ли?.. Так и кинулись они к белым кобылицам, к Левкиппидам. А те в сторону от них, и пошли отманивать белых чудо-коней от табунов Афарейя.

Застыла в небе Луна-Селена: смотрит не налюбуется на

эту скачку-пляску лебединую. Бледны ее лунные кони перед конями Афарей.

Подпустил Кастор к себе близко одного из чудо-коней, перескочил на скаку-лёте с белой кобылицы на него, и уже и Полидевк спрыгнул на летучем бегу наземь и другого коня чуть прижал к земле ладонью у холки: замерли оба коня на месте и только дрожат всем телом — так, словно паутина под лучами.

Смотрят братья Диоскуры на пойманных коней. Что за кони! Разве конские это ноги? Не ноги, а струны. Разве конская это шея? Не шея — а лебедь. Разве конская это кожа? Не кожа — а белолунье утреннее. Залюбовались и не заметили, как исчезли белые кобылицы, Левкипиды. Оглянулись: нет кобылиц; только стоят поодаль от них две девушки — Фойба и Гилаейра. Как увидели девушки, что Диоскуры на них смотрят, взмахнули трижды руками по воздуху, отделились от земли и уже улетают двумя белыми лебедями от Диоскуров — прямо в облака. Да какими лебедями!

Но уже и братья на конях-лебедях. Покорны им кони. Скачут кони вслед за двумя лебедями, и вырастают у коней на скаку с боков крылья. И вот уже и впрямь не простые это кони, а кони-лебеди: тоже под самые облака летят — лебедей нагоняют.

Долго ли, коротко ли длилась погоня, но не ушли девы-лебеди от коней-лебедей. Держат братья Диоскуры по белой лебеди у своей груди, и несется им Заря-Эос навстречу.

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ БРАТЬЯХ ТИТАНАХ-
ВЕЛИКАНАХ АФАРЕЕ, ЛЕВКИППЕ
И ТИНДАРЕЕ И О ЗОРКООКОМ ЛИНКЕЕ

Не раз сходились старшие великаны, братья Левкипп и Афарей, и говорили меж собой о младших.

Скажет Левкипп Афарею:

— У тебя, Афарей, сыновья Афариды, у меня — дочери Левкиппиды. Вот бы быть Левкиппидам за Афаридами. Вот бы быть лебединым девам за титанами.

И ответит Афарей Левкиппу:

— Быть так. Все глаза просмотрел Линкей: смотрит не посмотрится на сестер Левкиппид, хотя всё насквозь видит. Пора.

Не молчали и сами Афариды, Линкей и Идас.

Говорит поутру Линкей Идасу:

— Видел я душу и тело Гиалаейры. Душа у нее — как тело, и тело у нее — как душа. Вся насквозь светится Гиалаейра. Нет на свете девы светлее ее. Вот бы мне добыть Гиалаейру в жены!

Говорит он ввечеру Идасу:

— Видел я тело и душу Фойбы. Тело у нее — как душа, и душа у нее — как тело. Вся насквозь из знойного золота Фойба. Нет на свете девы солнечнее ее. Вот бы мне добыть в жены Фойбу! Не отделить их друг от друга, как не отделить свет солнца от его золота. Вот бы взять нам их обеих в жены!

Молчит Идас. И снова говорит Линкей:

— Одна из них — как желток золотой, другая — как белок опаловый. А яйцо-то одно. Не отделить в нем желтка от белка, если не разбить яйцо. То-то обе они родились разом из одного серебряного яйца. Не могу я взять Гиалаейру, не взяв Фойбу. Не могу взять Фойбу, не взяв Гиалаейру. Вот бы взять нам их обеих в жены!

Молчит Идас. Только смотрит в сторону далекого ущелья, куда вход прикрыт водопадом, и каким водопадом!

Весь он в радугах, словно не водопад свергается, а хламида титаниды Ириды.

И скажет наконец Идас:

— Возьми любую из Левкиппид. Где будет одна, там будет и другая.

— Кого же из двух? — спросит Линкей.

— Возьми Гилаейру.

— А как же Фойба?

— Возьми Фойбу.

— А как же Гилаейра?

И тогда засмеется огромно-неистовый Идас — так засмеется, что все нимфы и сатиры в горах услышат тот смех и тоже начнут смеяться. И долго будет звучать их несмолкаемый смех по стране титанов и полубогов, пока не донесется тот смех до самих богов Олимпа. Тогда начнут смеяться и боги.

И под смех богов крикнет Идас:

— Не печалься, Линкей, я добуду тебе их обеих! Будут твоими Левкиппиды.

И взбежит зоркоокий пронизатель Линкей на вершину горы и начнет смотреть вдаль, в сторону жилища Левкиппа: где теперь они, сестры Левкиппиды? Мир насквозь просмотрит, а найдут глаза Линкея Левкиппид.

Нет, не напрасно сказал Левкипп Афарею: «Быть так». Раз титан сказал: быть так — значит, и быть так. У титана если слово сказано, то сказано навек. Не вывернуть его наизнанку, не выкрутить так и этак, не пустить его под парусами по всякому ветру. И не такое оно, как у лесного Пана, что, знай, горло дерет и путников с верной дороги сбивает. И не шепотное у титана слово, и не подзудное, и ядом в ухо не каплет — твердо слово титана, крепко правдой, как адамант!

И вдруг... похитили Диоскуры Левкиппид!

Как это так?

Только узнал отец Левкипп о похищении Левкиппид, как устремился он к брату Афарею, в Мессению. А Афарею

рей уже сам идет к нему навстречу рассказать о похищении у него белых коней-лебедей. Поделались братья друг с другом бедой и пошли к третьему брату, к Тиндарею-Потрясателю.

Говорит Левкипп Тиндарею:

— У меня дочери — Левкиппиды.

Говорит Афарей Тиндарею:

— У меня сыновья — Афариды.

Говорит Тиндарей братьям:

— А у меня сыновья — Тиндариды, по прозванию Диоскуры.

Стоят три брата, не знающие обмана, все трое титанова племени, и хотят дознаться:

Как это так?

Говорит Левкипп Тиндарею:

— Похитили Диоскуры моих Левкиппид, предназначенных братьям Афаридам.

Говорит Афарей Тиндарею:

— Похитили Диоскуры моих белых коней-лебедей, предназначенных Левкиппу за Левкиппид. Погнались за Диоскурами Линкей и Идас, чтобы отнять у них коней-лебедей и лебединых дев. Быть великой беде. Не уступят Афариды Диоскурам дев и коней.

То-то обрадуются боги Крониды: распря пошла меж титанов.

Говорит Тиндарей братьям:

— Не отдадут Диоскуры Афаридам дев и коней. Быть великой беде. Быть бою неслыханному. Пролетал тут сегодня Аполлон на своей запряжке лебединой, и кричали мне лебеди, с полета пророча: «Пойдут лебеди к лебедям. Вернется лебединое к лебединому». Вот и сбылось их предвещание. Попали лебединые девы к Диоскурам. Попали к ним и кони-лебеди. Ведь и сами-то Диоскуры от лебеди.

Изумились словам Тиндарея братья Левкипп и Афарей. Изумился своим словам и сам Тиндарей-Потрясатель:

— Как это так?

Говорит Левкипп Тиндарею:

— То-то родились сестры Левкиппиды из серебряного яйца лебединого.

Говорит Тиндарей Левкиппу:

— То-то родились и Диоскуры из серебряного яйца лебединого.

Говорит братьям Афарей:

— То-то и мои кони-лебеди крылатые того же стада, что и лебеди Аполлоновой запряжки.

Задумались три брата, три титана: были у них сыновья, были у них дочери, были у них кони — и вот и сыновья им не сыновья, и дочери им не дочери, и кони их — не их кони.

Как это так?

Пришел тут в гнев Тиндарей от такой неправды и потряс в гневе руками — так потряс, что горы пошатнулись. И посыпались с гор мелкие камешки. А вслед за мелкими камешками посыпались и камни покрупнее. А затем покатились и совсем большие камни: катятся, а Тиндарей все руками трясет.

Увидел Зевс-Кронид с далекого Олимпа гор колебание. Взглянул на трех братьев-великанов, и среди них на Тиндарея-Потрясателя как-то особенно, и тоже потряс, но только головой,— так потряс, что горы в море черепахами горбатыми поползли: пусть-ка узнает титаново племя, кто в мире потрясатель сильнейший.

Задрожала земля до самых недр.

И сказали три титана, три брата:

— Вот она, радость Кронидов беде титанов.

Взялись все трое за руки, стали в круг и слушают, как смеется небо над землей.

Не чужаки в Мессении Диоскуры, не чужаки в Лаконии Афариды, как не чужаки и их отцы, старшие великаны. Не раз шли Афариды с Диоскурами по полю плечом к плечу или по горной тропе затылок в затылок. Встретятся,

бывало, Диоскуры с Афаридами на играх великанских, станет Идас против Полидевка, а Кастор против Линкея: все четверо исполины. Да только кто равен по силе и росту Идасу? По росту никто не равен, а по силе, пожалуй, Полидевк и равен. Но всерьез не мерились они никогда силой в борьбе, а только шутя, забавы ради.

Один метнет такой камень, что из него одного можно бы дом построить. И другой метнет не меньший. Ударит Идас ладонью по вершине утеса и весь утес с одного удара в землю вобьет. А Полидевк ухватит ребрами ладоней торчащую из земли верхушку и вытащит весь утес из земли. И вот снова утес на месте. Навалится Полидевк плечом на скалу у реки, свалит ее в реку и разом запрудит течение. А Идас нырнет в воду, подставит под упавшую скалу спину, вынесет ее из реки на берег, да еще на гору вознесет, чтобы свалить ее на самой вершине горы. И дивятся на другой день полубоги-герои: смотри, как будто гора выросла вдвое.

Вот какова у них игра в камешки. Вот каковы Полидевк и Идас.

Изумлялись Диоскуры силе Идаса. Изумлялись Афариды силе Полидевка. Напали Диоскуры шутя вдвоем на Идаса. Не могли его одолеть и вдвоем. Неодолим был Идас для Диоскуров.

Но и Линкей и Кастор сильны: только главная их сила в другом — в зрячести: Линкей любую вещь насквозь видел, а Кастор опасность предвидел. Тоже зорок был, но иначе.

Выйдут, бывало, они все четверо за добычей в несчастливую теперь Аркадию, чтобы вывести оттуда на богатые луга рогатое стадо, и говорит Линкей Кастору:

— Вот взойду я на гору Вепрей и сквозь любую чашу увижу, где какое стадо пасется. Подаст голос Идас — и пойдут за нами стада.

И ответит Линкею Кастор:

— Все насквозь видишь ты, Линкей. Одного только не

видишь: опасности. Видишь вчерашнее, а не видишь завтрашнего. А я вижу.

И усмехнется Кастор. Знал он, что похитят Диоскуры белых кобылиц у Левкиппа. Только дай срок.

И впрямь, что за блеск в глазах у Линкея? Не звезды ли в них? Что за взгляд! Проникал этот взгляд в любое живое тело, все насквозь пронизывал, как луч пронизывает цветок: и его лепестки, и листики, и стебель до самого корня. Сядет, бывало, Линкей ранним утром на вершине утеса, и смотрит в мир — и в землю, и в воды, и в небо, — и видит, как сделан мир. Смотрит он, как трава из земли растет, как пробиваются подземные ключи сквозь почву к ногам найд, как бескрылые драконы шевелятся под ступенями гор и черной яростью наливаются, как слепнет море в глубине без лучей и лежит, безглазое, на своем дне, а кругом возносятся малахитовые чертоги Нереея и nereид. Видит, как сбегаются капли и стелются сизой муравой по небу, а посреди муравы пасутся облачные коровы. Всё насквозь видит Линкей: и сквозь кору видит, и сквозь кость, и сквозь каменные стены. Хмурятся боги Кронида: зачем он всё насквозь видит. Ведь он не бог.

Дивились дару глаз Линкея и полубоги, но смущал их этот пронизывающий взгляд, высматривающий самое затаенное в самом темном углу живого тела земли и ее созданий.

А когда Линкей смотрит вдаль, что́ перед его зоркостью зоркость орла? Слепота, и только. Так далеко видит Линкей, что если бы стоял он на одном конце мира, а Идас на другом, то увидел бы он и другой конец мира. Только самого себя Линкей не видел.

Посмотрит на себя в зеркало вод, и видно ему всё, что на дне озера, реки или моря, а себя Линкей не видит. И не знал Линкей, каков он. Только в одном зеркале мог бы он увидеть себя — в зеркале глаз Гиласейры и Фойбы. И вот похитили это зеркало глаз вместе с Левкиппидами Диоскуры. Не увидит теперь себя Линкей вовек, если не отни-

мут Афарида у Диоскуров сестер Левкиппид. Каждый видит себя, а Линкей зоркоокый себя, Линкея, не видит.

Сжалось сердце Линкея от тоски.

И бросились братья Афарида в погоню за Диоскурами-похитителями.

**СКАЗАНИЕ О БОРЬБЕ АФАРИДОВ
С ДИОСКУРАМИ, ПОХИТИТЕЛЯМИ
ЛЕВКИППИД, КОНЕЙ-ЛЕБЕДЕЙ,
И КОРОВЬЕГО СТАДА**

Кто это пробежал, проскакал, пролетел?.. Будто лебеди, будто кони, будто девушки, такие белые-белые, словно горных коз руно-серебро?

— Ветер, Ветер, Борей! Оглянись! Расскажи, кто там мимо пронесся по воздуху, не касаясь земли: будто двое, белые-белые?

— Мои дочери, белые льдины, не бегут, не скачут, не летают,— бросил с неба нимфам сердитый Борей и острым крылом рассек воздух.— Что мне кони, и девы, и лебеди! Диоскурам я не соперник. Разбегайтесь, зябкие, прячьтесь! Я, Борей, сегодня гуляю. А мои фракийские повадки знают нимфы земли Пелопа.

Разбежались лаконские нимфы и, смеясь, кричат ему издалека:

— Левкиппиды, Левкиппиды пронеслись! Не догнать их тебе, Борей!

.....

...Несутся по небу на конях-лебедях Диоскуры. На руках у них лебединые девы. Говорит на лету Кастор Полидевку:

— Некуда улететь нам в небо, бесприютно оно для нас. Не боги мы — только дети богов. Не летать же нам без отдыха и срока! Увидит нас в небе Линкей — скажет Идасу, и метнет в нас Идас камень. До самого солнца добрасывает он камни. Надо нам покинуть небо. На земле укрыться от погони. Не биться же нам с Афаридами: на руках у нас лебединые девы. Собьют нас Афариды с неба на землю, а не то в Левкиппид попадут.

Говорит на лету Полидевк Кастору:

— Не укрыться нам в пещере, в глубине земли: сквозь землю видит Линкей. Не укрыться нам и в воде: до самого дна проникнет его взор. Нет такой высокой горы, куда бы не залетал его взор. Нет такой густой чащи лесной, сквозь которую не пробежит его взор. Где найти нам на земле приют? Ни лес, ни гора, ни пещера, ни река не скроют нас от Линкея.

Умолк Полидевк.

А кони-лебеди все мчатся-летят. А лебединые девы Левкиппиды у Диоскуров под левой рукой, у самой груди.

Говорит на лету Кастор Полидевку:

— Брат, есть для нас одно укрытие на земле: укроемся позади лучей венца Аполлона. Вот положил он с той венец на голую вершину горы, именуемой гора Лучей, близ ущелья Тенара, а сам у конского ключа ведет хороводы нимф. Будут бить лучи в глаза Линкею. Не могут земные глаза Линкея проникнуть сквозь лучи Солнцебога: ослепляет их солнце неба.

Обрадовался сперва Полидевк, а потом опять встревожился. Говорит Кастору:

— Как же быть нам ночью, Кастор, когда нет лучей венца Солнцебога?

Говорит Кастор Полидевку:

— Ночью будут спать глаза Линкея — ночью бодр-

ствует Идас. Вот под нами ущелье Тенара в черном тумане. Близ него и спустимся на вершину горы Лучей.

И направили Диоскуры коней-лебедей к земле.

Не подходи, путник, к Тенарскому ущелью, где вход в преисподнюю! Бог ли ты, титан или герой-полубог — не для радостных это место. Обойди его стороной.

Но если черные Керы-Беды загонят тебя сюда, к ущелью из светлых долин и лимонных рощ и садов, где айва и гранаты, не наклоняйся над его бездонной глубиной, не слушай голоса Эринний, исчадий мести. Черным холодом дохнет на тебя ущелье. И пусть всем великолепием сверкает над тобой древний Гелий, титан Солнца, и пошлет тебе свои самые золотые лучи — будут они для тебя прощальными лучами. И полдень назовешь ты закатом. Страшно это место и для бесстрашных. Тот полубог, что спустится туда живым и вернется после на землю, будет жить на земле только по виду живой: мертв он. Потому что не забыть ему схождения в тот черный туман. И если он скажет: «Я спускался в элизий», ты спроси у него: «Отчего у тебя глаза пустые? И зачем так испуганно озираешься ты, будто бродят вокруг тебя незримые тени айда?» Ничего не ответит он. Только взглянет на тебя пустыми глазами и отойдет.

К ущелью Тенара подошли братья Афарида, Идас и Линкей. Говорит Линкей Идасу:

— Не укрываются ли здесь поблизости Диоскуры с добычей? Решат братья Диоскуры, что не подойдем мы к этому мрачному месту живыми. Заляжем здесь, подстережем их. Отсюда все небо, и море, и горы видны.

Залегли Афарида двумя огромными телами близ ущелья, и две черные тени спустились от них на море. Смотрят братья: что за блеск на голой вершине скалы над морем? Вглядывается Линкей, но бьют ему в глаза лучи Аполлонова венца, как занавесой прикрыли от них вершину.

Говорит Линкей Идасу:

— Не там ли, за стеной лучей, Диоскуры с Левкиппи-

дами? Аполлон им помощник. Прикрыл их лучами. Они — его племени дети.

Говорит Идас Линкею:

— И у тебя глаза солнечныс. Близок ты роду титанов солнца — Гелиадам. Я-то весь земной, а в тебе, лучистом, кусок неба. Почему же ты не видишь сквозь лучи?

Отвечает Линкей брату:

— Не осилить моим глазам-лучам Аполлоновых стрел-лучей. Не могут мои глаза оторваться от земли. И я весь — земля.

Говорит Идас Линкею:

— Покарауль тут, Линкей, а я пригоню сюда рогатое стадо Афарея, что пасется вместе с конями. Как увидят его кони-лебеди, кинутся они к родному стаду. Останутся Диоскуры бесконными.

Сказал и исчез за тремя безднами.

Забрела в те места старая вечерняя Туча. Ковыляет, старая, по небу: то вперед шагнет и оступится, то назад попятится и оступится. Всё она дорогу теряет. Опустилась, старая, отдохнуть на скалу, где укрылись Диоскуры с добычей. И мохнатым подолом зацепила венец Аполлона. Померк на мгновение блеск его лучей. И увидел Линкей Левкиппид, а затем и Диоскуров и похищенных коней-лебедей.

Застонало сердце Линкея. Лежит между ними и Линкеем черной пропастью ущелье Тенара. А за пропастью держит Кастор у самой груди белую лебедь Гилаейру.

Крикнул ему Линкей через пропасть:

— Не укрылись вы от глаз Линкея, похитители! Отдай мне Гилаейру, Кастор. Отпусти ее. Пусть летит она ко мне через черный туман.

Засмеялся Кастор, отпустил белую лебедь. Но не летит к Линкею Гилаейра, лебединая дева. Только чуть встрепенулась, глаза от черного тумана прикрыла. И снова лежит она белой лебедью у груди Кастора.

Застонало сердце Линкея. Крикнул Линкей через пропасть Полидевку:

— Отдай мне Фойбу, Полидевк! Отпусти ее. Пусть летит она ко мне через черный туман.

Но не полетела к нему и Фойба.

Стоит Линкей за ущельем Тенара, протянул руки к Левкиппидам и не знает, почему не летят к нему Левкиппиды через черный туман.

Тут как раз пригнал Идас к Линкею многоголовое стадо коров. Еще шло оно поодаль позади, как увидел он Диоскуров, и грозно сошлись брови неистового Идаса. Стал он темнее черной тучи.

— Верни нам коней-лебедей Афаридовых! — крикнул Идас грозно Полидевку.— Отпусти Левкиппид к Левкиппу. А за каждую из Левкиппид возьми от нас по рога-тому стаду.

Отвечает Полидевк Идасу через пропасть:

— Не твои это кони-лебеди — они Аполлонова стада! А коль твои, так приди и возьми их. И давно ли стада Афаридов не Тиндареевы? Титановы это стада, вольные. Где захотят, там стойбище себе выберут. Я и сам их от тебя добуду.

Рассмеялся Идас огромно-неистовый и крикнул:

— Что же не отдали вы мое стадо Левкиппу за Левкиппид? Обманули похитители титана.

И ответил Полидевк:

— Отдадим.

Так выросла распря между титанами.

Высятся две скалы над морем, близ ущелья смерти — Тенара: одна в клубах черного тумана, другая в блеске венца Солнцебога. На одной вершине стоят Афариды, на другой вершине стоят Диоскуры.

А по небу летят черный ворон и белый кречет, и говорит ворон кречету:

— Так оно всегда и бывает: где чернее всего, там рядом светлее всего. На светлом месте — Диоскуры с добычей.

На темном месте — Афариды ограбленные. Пусть-ка поищут титаны правду.

И улетели черный ворон и белый кречет.

Уползла и старая Туча со скалы. Нет уже на скале и венца Аполлона. Унес его юный Солнцебог-небожитель на небо.

Вечер спустился. Замычали стада Идаса. Услышали мычанье кони-лебеди. Взвились на дыбы, узнали родное стадо и засияли чудно на вершине скалы. Рвутся к стаду — так рвутся, что вырастают у них крылья с боков, как при беге. Тогда положил Кастор им на спину ладони, и смирились крылатые кони. Снова ушли в их бока крылья, и стоят перед Диоскурами кони как кони.

Ускакали Диоскуры с Левкиппидами. Ушли со стадами и Афариды. Не нагнать им коней-лебедей. Не вернуть им неверных лебединых дев Левкиппид.

Улыбается утро. Шутит день. Усмехается грустно вечер. Одна ночь не шутит. Сурова мать-ночь, и жесток и таинствен ее язык.

Говорит брату Идас:

— Закрой глаза, Линкей. Слишком долго ты сегодня смотрел. И слишком много ты сегодня видел. Устали твои глаза. Эту ночь я посторожу стадо. Спи.

Закрыл глаза Линкей. Уснул.

Пасется стадо братьев Афаридов. На камне сидит Идас-караульщик. Положил мощные руки на колени, подбородком уперся в грудь, и ночные думы-слова повели с Идасом беседу, убаюкивают караульщика:

— Могуч ты, Идас. Кто поборет тебя? Кто удержит твою руку, Идас? Подберется ли к стаду вор, когда ты сторожишь? Кто дерзнет!.. Спи, Идас. Грозно твое имя в Мессении. Бог и тот не осилил тебя. А кто равен по силе Аполлону? Ох, и могуч же ты, Идас! Ох, и грозен же ты, Идас!

Ночь. Ведут думы-слова беседу с Идасом, убаюкивают караульщика.

А во мгле за кустами уже отманивает стадо от камня Кастор. Уже оглушает Полидевк кулаком вожака-быка. Свалил его наземь и тащит за хвост покорного зверя. А вслед за быком идут, жуя, коровы.

Дошли братья Диоскуры до своих белых коней, вскочили на них — стали белоконными. Прочь из Мессенской земли погнали стадо Афаридов.

А ночные думы-слова всё ведут беседу с Идасом:

— Ох, и могуч же ты, Идас! Ох, и грозен же ты, Идас! Кто дерзнет!..

Спит Идас-караульщик.

Идут Диоскуры впереди похищенного стада. Отпустили к Тиндарею белых коней-лебедей вместе с Левкиппидами. Не покинут теперь братьев лебединые девы.

Говорит Кастор Полидевку:

— Левкиппиды теперь наши жены. Не видать больше Линкею лебединых дев. Угнали мы стадо у Идаса. Не смеяться больше над нами Идасу, будто не дали мы Левкиппу дара за его Левкиппид. Но ни к чему нам это стадо. Не нужно оно и Левкиппу. Богата стадами земля Пелопа. Пусть бежит оно куда хочет. Захочет — пусть вернется оно к Афарею. Смыли мы обиду. Радуются, глядя на нас, боги. Веселятся они, глядя на Афаридов. Но не нам, Диоскурам, потешать богов, хотя мы и дети Зевса. Титановой правдой вскормлены мы. Полубоги-герои зывают к нам в битвах и в бурю. Что бежим мы от братьев Афаридов? Ведь вернулось лебединое к лебединому. Такова дума Земли-Геи. Не родился Линкей из серебряного яйца, как мы. Ну что ж! Немало золотится на земле кудрей девичьих, найдем мы для него солнечную титаниду. И в кругу полубогов таких немало. А у Идаса Марпесса серебрится — нимфа речная. Только гордость у Идаса неистова.

Отвечает Полидевк Кастору:

— Не вырвать Линкею у себя из глаз Левкиппид — стоит в его глазах их лебединая краса. Не простит нам Линкей их похищения. Не простит нам и гордый Идас обиды за брата, лютует он и за поношение. Увели мы у него, неодолимого, коней-лебедей и стадо. Гонятся за нами Афариды. Реют дети Ночи вокруг них, шепчут им в уши: «Отомстите!» Разве мы не мстили им?.. Не титаново это слово: «мечь», а ночное. Ночь родила его, а боги Кронида подарили его белому дню. Взгляни: вот выкупала Заря-Эос коней в морском пурпуре и смеется нам, как подруга, а черная Немезида-Мстительница стоит на горе, не уходит в подземную мглу к Ночи. Укажет она Афаридам к нам дорогу. Надо бы нам, Кастор, биться с Афаридами, да не одолеть нам Идаса. Взгляни, вот дупло в древнем дубе, прапращуре. Велико дупло, скроет оно нас со всем стадом. Некогда в нем сам Зевс укрывался от титанов. Подстережем здесь Афаридов. Может, глаз Линкея не заглянет в дупло.

Сказал Кастор:

— Диоскурам нападать из засады? Ты ли это говоришь, Полидевк! Брат, ведь мы Диоскуры. К нам взывают герои в битвах. Лучше бы нам не прятаться в это дупло.

Сказал Полидевк:

— Нет у меня всевидящих глаз Линкея. Увидят его глаза нас, Диоскуров, — мы же Афаридов не увидим. Неравны наши силы перед боем.

И укрылись Диоскуры в дупле.

Ни слова не сказал Идасу Линкей, когда проснулся и увидел брата спящим: только вдаль поглядел. И пустились братья Афариды снова в погоню за братьями Диоскурами — похитителями стада.

Что им стадо! Только свистнут — и новые стада к ним сбегутся. Язва обиды жжет их. Осрамили Диоскуры Афаридов, оскорбили их титанову гордость, нарушили правду титанову обманом. Смеются теперь над огромным Идасом и

зоркооком Линкеем боги Кронида: и Левкиппид потеряли, и коней-лебедей, и еще стада отманили от них Диоскуры. Как им, Афаридам, теперь по лесу пройти? Ухают им вслед рогатые сатиры, позванивают им с деревьев насмешливо дриады листвою. Нагнется Идас к ключу испить воды, а струи от него во все стороны разбегаются под переливчатый хохоток наяд:

— Ох, и могуч же ты, Идас! Ох, и грозен же ты, Идас!

Да и как вернется он теперь к речной нимфе Марпессе? Страшен стал Идас от жгучей обиды. Не становись, лесной зверь, ему на пути! Ухватит он тебя рукой за хобот или хвост драконий, махнет и разобьет тебя об скалу — только птицы на лету поймают клочья звериного мяса.

Не попадайтесь ему на дороге, вы, дубы и ясени! Вырвет он тебя, векового, с корнем и закинет за облака или за море.

Прочь сворачивайте с пути Идаса, горные ручьи! Или свернет сам Идас ваше русло в сторону и выльет вас разом в море: только брызги останутся от вас на голых камнях.

Горят диким огнем глаза Линкея. Не блеск в них, а пламя черное, и выбегают из того пламени лучи багровыми копьями. Не попадайся этим лучам на глаза, живое создание. Птицы падают от тех лучей обгорелыми с неба. Стволы сосен стоят от них обугленными. Хвоя под ногами дымится и тлеет. И вода в ключах исходит паром.

Страшен путь братьев Афаридов.

Вот она, титанова гордость, терзаемая язвой обиды! Расплавилась ее алмазная крепость и течет раскаленной лавой по миру полубогов.

И зачем копьё в руке Идаса? Разве мало ему его тяжелой руки? И где взял он такое копьё? Где нашел такой ясень-исполин? Метнет — и скалу расколется надвое, не то что теплое живое тело.

Утро. Рань. На Тайгете братья Афарида.

Вот взбежал Линкей на самую вершину хребта: озирает весь остров Пелопа. И не слышит, как шепчет ему роса с цветов:

— Не смотри, Линкей!

Не видит, как сидят нимфы-росяницы, окутав лицо и глаза волосами, и блестят на их волосах слезы каплями.

Шепчут ему:

— Не смотри, Линкей! Умой глаза чистой росой, охлади их огонь.

Слеп и глух ко всему Линкей. Только одно хочет он увидеть: Диоскуров. Только одно хочет услышать: их предсмертный хрип.

Вот стоит вдали тысячелетний страж острова Пелопа — прапращур, дуб-великан. Вместе с древними отцами-титанами рожден он матерью Землей-Геей. Давно, века, не живет в нем уже зеленая дриада. Верно, живет в нем само Время-Хронос. Высох дуб, стал каменным. И из всех крылатых созданий только одно сверкающее всеми красками драконово чудище, Химера, садится на его каменные сучья.

Что за создание! Дивно сияет на середине ее спины лик чаровницы Сирены, и поет диковинно Химера, и рычит львиной пастью, и блеет жалобно, и шипит-свистит позмеиному. Верно, такое же и само Время-Хронос: тоже разом смотрит оно на тебя и львом, и змеей, и козой, и Сиреной, тоже разом и рычит, и шипит-свистит, и блеет, и поет так обольстительно, словно и у него голос Сирены.

Стоит дуб-прапращур — не шелохнется, хотя бы все ветры обломили об него крылья. Смотрит на дуб Линкей: что за шевеленье неприметное внутри дуба? Зорче вглядывается Линкей в дуб. Рядом с ним стоит Идас с копьем. Как заря в тучах Линкей, как ночь пред бурей Идас.

Жжет сердце Линкея язва обиды! Впиваются лучи глаз Линкея в кору дуба, пронизывают ее: вот и дупло — не дупло, а целая берлога. Тут не то что совы, тут конский табун спрячется, тут...

И вздрогнул Линкей от гневливой радости. Крикнул:

— Там, в дупле, они — братья Диоскуры! В самой сердцевине дуба, Идас.

И так велик был гнев его радости, что готов был Линкей

глаз у себя вырвать и метнуть его из глазницы, как из пращи, в это дупло, в самую сердцевину дуба — в сердце Кастора. Ведь у Кастора была вчера под рукой, у самой груди, Гилаейра.

Но уже летит, уже вонзается в дуб, уже насквозь пронизывает тысячелетний ствол копьё Идаса, и далекий крик предсмертной муки донесся из дуба до слуха братьев Афаридов.

Лучше бы не слышать им этот крик! Лучше бы мимо дуба пронеслось копьё Идаса!

Раскололся надвое дуб. И вывалилось направо горой ног и сцепившихся рогов в ужасе ревущее стадо с прободенными животами и боками. А налево рухнуло тело Кастора. Стоит над ним с поднятой к небу рукой, словно обезумев, Полидевк, и льется из груди Кастора кровавый ручей на камни скалы.

Исчезла с горы Немезида.

Только Заря, вся бледная, остановила на небосклоне розового коня и смотрит на жестокий румянец, окрасивший камень на том месте, где прежде стоял дуб-прапращур.

Не ее это румянец, не Зари!

Бурно возликовал Линкей.

Когда же грозно потемнело небо в стороне Олимпа и косматая туча в синих молниях спустилась к дубу, схватил Линкей Идаса за руку и сказал:

— Уйдем, Идас!

Но не сдвинулся с места огромно-неистовый Идас. Стоял, опустив голову, и огромная дума тяжело и медленно подступала к его глазам.

— Уйдем, Идас! — еще раз сказал Линкей. — Я узнал, что смертен Кастор. Быть может, смертен и я. Нехорошо знать живому, что он смертен. Бежим, Идас!

Тогда понял наконец Идас смерть Кастора и угрюмо ответил брату:

— Идем. Копьё мое в руках у Полидевка. Я бы скалу на него обрушил. Но Кастор умер.

И так поспешно ушли сумрачные Афариды от места боя, что заяц сказал белке:

— Бежали с битвы братья Афариды.

А белка повторила это орехам. И долго щелкали в лесу орехи о том, что Афариды бежали от Полидевка.

СКАЗАНИЕ О БОЕ АФАРИДОВ С ПОЛИДЕВКОМ У МОГИЛЬНОГО КАМНЯ

Есть в Мессении камень — не камень, а каменная седловина у ключа Киэния. Под тем камнем лежит древний титан, сверженный в глубину земли богами Кронидами в дни великих битв богов и титанов. Никому этот камень не поднять, разве что Атланту! Приковали его к почве громовые молоты Кронида. От того титана, что под камнем, ведут свой род Афариды. И сюда, к могильному камню, подошли с Тайгета Идас и Линкей.

— Подождем здесь,— сказал Линкей и, оглядев огромный камень, спросил Идаса: — Брат, мог бы ты поднять этот камень и поставить его на ребро щитом между Афаридами и Полидевком, чтобы не было между нами битвы? Не ты ли говорил: «Я все могу».

И ответил огромно-неистовый Идас:

— Могу. Но Кастор?..— И так сумрачно посмотрел в сторону ущелья Тенара.

— Полидевк придет,— сказал Идас.

И, как эхо, повторил за ним Линкей:

— Полидевк придет.

Молча сидели братья Афариды на могильном камне и ждали. Тяжек был сегодня им, могучим, купол неба.

— Он был нам друг и брат,— сказал Линкей.

И, как эхо, повторил за ним Идас:

— Был друг и брат.

Ждали братья Афариды, и казалось им, отважным великанам, что не они сидят на могильном камне, а что камень всей своей громадой лежит на них.

Сказал Линкей:

— Брат, ты боролся с Аполлоном за речную нимфу Марпессу. И Зевс, страшась, что одолеешь бога, сына Зевса, разъединил вас молнией. Огонь трезубцем упал с неба между вами. Брат, и Полидевк — сын Зевса.

Но грозен был голос Идаса:

— Не Зевс дал силу мне. Я сын Земли. Иной огонь был силой. Пусть снова разъединит нас молния с сыном Зевса, но с Полидевком все же я в бой вступлю. У Идаса дерзнул похитить!.. Линкей, я положу его плащмя на землю, сяду ему на грудь и призову титанов и героев: пусть видят, как карает Идас. Сатиров, нимф — всех созову: пусть смотрят — и смолкнет смех.

Во весь рост стал Идас-великан, и его рука, сжатая в кулак, с угрозой поднялась к небу.

— Идас, а если огненный трезубец Зевса тебя пронзит?

— Зевс не посмеет.

— Зевс? — И рассмеялся зоркоокий Линкей, брат Идаса.— Он в тартар низверг больших титанов. Он Прометей пригвоздил к утесу. Атланта сковал с небом. Зевс не посмеет? — И соскочил с камня Линкей.— Идас, он бог богов!

Но гордо звучал ответ:

— Он чтит меня как Силу.

Смолкли братья. Снова сели оба на могильный камень. И темнело над ними грозное небо. Долго смотрел Линкей в это темное небо и, переведя глаза на брата, сказал:

— Зевс никого не чтит, подобно небу. Он — Зевс.

Но голосом титана ответил Идас:

— Я нужен Зевсу: он — небо, я — земля.

Так говорили братья Афариды друг с другом, словно могучая сила мысли вошла в них, в Идаса и Линкея, в убийц Кастора, здесь, на могильном камне.

Сказал Линкей:

— Сегодня нужен — завтра ты не нужен. Ненужный становится обузой. Ты пеплом станешь, Идас. У Кронидов безжалостность — закон. Я знаю слово Прометея: «На молнию ответить надо молнией». Но ты что можешь, Идас? Твой яшень-кол — соломинка для Зевса. Метни в Кронида гору — он, как орех, ее расколет.

Не вынес Идас эту горечь слов и, прямо смотря в лучевые глаза брата, весь выпрямившись, вздув горами мышцы, всем телом крикнул иступленно:

— Где ты, Линкей, брат Идаса? Ты робок? Ты, надвое дракона разорвавший? Титан ли ты? Или только полубог?

И с грустью ответил Линкей:

— Не знаю, Идас. Мне кажется, я смертен.

— Так ты бессмертным себя сознай — и ты не будешь смертным.

Сказал и сам удивился своим словам Идас. Будто кто-то их подсказывал ему, могучему Идасу. Не титан ли, погребенный под могильным камнем?

Но с той же грустью продолжал Линкей:

— Я вижу мир. В тебе — всё сверх и сверх. Но мера дана всему. Есть и для силы Зевса мера. Но неравна ей мера твоей силы. Ты, Идас, мал.

— Я мал? — И крикнул великан, огромный Идас: — Я, как быка, взвалю себе на спину Тайгет и понесу! Мне Зевс не страшен.

— Страшен. Сильнее он, чем ты и я, мы оба.

И удивился Идас словам брата:

— Кто страшен? Я видел Страх: он — Фобос, спутник

бога войны. Стоял он за плечом Арея, пред самой битвой полубогов. И я похлопал Страх по плечу. Скривился Фобос и мне сказал: «Идас, со мной не шутят. Ты, видно, очень юн». Тогда еще раз я хлопнул Страх по плечу и отошел, смеясь. Он позвал на помощь брата — Ужас. И Ужас мне, Идасу, смотрел в глаза, а я смеялся. Я видел Страх. Но как это «страшиться»?

Смолк Идас. И вот раздался из-за тучи голос:

— Идас, Идас!

Но никого на небе и на земле — только туча. Стал Линкей вглядываться в эту тучу. Но ослеплял его какой-то блеск. И снова тот же голос из-за тучи сказал:

— Ты слеп, Линкей!

И туча обратилась в дым. По-прежнему небо было пусто.

Тогда в тревоге сказал Линкей:

— Идас, нас слышал Аполлон! Он ослепил сиянием мои глаза. На небе я видел воздушный след его стопы. Он передаст Крониду твои слова. Он не простил тебе Марпессы.

И снова долго всматривался Линкей в даль неба, поверх гор, и сквозь горы, туда, где зыблется незримый для Идаса Олимп.

— Я вижу, Идас: Кронид с вершины преднебесного оплота смотрит на нас. В его руке перун. Брат, не борись с бессмертным Полидевком! Он — сын Зевса.

— И Аполлон — сын Зевса.

— Брат, ты отважен, ты могуч, ты — Идас, но молнии не вынес и Атлант.

— И молнии гаснут.

Не шагают, не бегут, не скачут Бури, а разом, будто со всех сторон, налетят — и завертят, закружат, увлекут всё в свой водоворот. И не опомнишься, как уже сам ты стал одним из тысяч крыльев этих Бурь. Такой бурей налетел и

Полидевк на братьев Афаридов. Закружились они все трое в вихревой схватке-пляске у могильного камня.

Бьются ли, борются ли — не понять: только ухватился Идас за конец своего копья, что пронзило грудь Кастору, хочет вырвать его из рук Полидевка, и кружатся оба, держась с двух сторон за его концы. Хочет Линкей помочь Идасу, но не знает, как ему подступить к Полидевку: кинется к нему, а борцы уже поменялись местами. Ухватился он наконец за середину копья, повис на нем: согнулось копье в дугу и переломилось пополам.

Отлетели в разные стороны Идас и Полидевк, каждый с обломком копья в руках. Упал от толчка и Линкей и ударился затылком о край могильного камня. Брызнули из его глаз во все стороны лучи, и померкли глаза Линкея.

Что же недоглядел ты, Идас?

Уже подскочил к упавшему Линкею Полидевк, обхватил его туловище поперек, взвалил его себе на плечо и бросился с ним бежать по могильному камню, к его краю, нависшему высоко над морем. Клокочет внизу морская пучина — то поднимется, как грудь при дыхании, то отхлынет и откроет свои каменные зубы чудовища.

Среди тех зубов один зуб выдавался особенно далеко над водой. Обточили его волны водоворота. Словно шпиль подводной башни, злобно торчал он из пены.

На этот зуб упало с высоты тело Линкея. Вонзилось острие зуба в его спину, вышло сквозь грудь наружу, и остался Линкей навек пригвожденным к каменному зубу пучины. Девять валов поднял владыка вод Посейдон, один выше другого, и покрыл ими тело Линкея. Девять валов должны отхлынуть в море, чтобы вновь открылось тело Линкея и торчащий из него каменный зуб.

Отплатил Полидевк Идасу за копье, пущенное в сердцевину дуба-прапращура.

Так ни зверь, ни Смерч-Вихрь не взвоят, как взвыл Идас при гибели брата Линкея. Так взвыл Идас, что

сорвался со скалы водопад в дальнем ущелье и затопил убежище речной нимфы Марпессы.

Поздно подбежал ты, Идас, к краю могильного камня.

И тут схватились друг с другом два борца — Идас и Полидевк, чтобы биться насмерть.

Но не знали ни Идас, ни Полидевк, смертны они или бессмертны. Не открыли им этого ни титаны, ни боги.

Разъярен был Полидевк за смерть Кастора. Разъярен был Идас за гибель Линкея. Гнут они свирепо друг друга к земле — и не могут пригнуть. Неодолим Идас для Полидевка. Неодолим Полидевк для Идаса. Ударит кулачный боец Полидевк Идаса в грудь кулаком-молотом, так что мамонт свалился бы замертво, а Идас и не заметит. Нипочем и Полидевку удар Идаса.

Уже дважды отходили борцы от могильного камня и дважды возвращались к нему. И заметил Полидевк, что чем ближе они к тому камню, тем сильнее напирает на него Идас, а чем дальше они от камня, тем натиск Идаса слабее. Стал тогда Полидевк отводить Идаса подальше от могильного камня.

Видит Идас, что одолевает его в борьбе противник. Вырвался он тогда из рук Полидевка и пустился бежать назад, к камню, вскочил на него. И уже на самом могильном камне в третий раз вступили бойцы в смертный бой друг с другом.

Что так много облаков собралось над ними в небе, словно потерял Олимп разом свои облачные кудри? Что за зрители небесные восседают на тех облаках? Радостны у богов Кронидов лица. Давно не тешились они таким зрелищем. Для услады богов, верно, создала этих борцов мать Земля-Гея. И из пропасти выник по пояс сам подземный Аид, властитель мертвой жизни, и стоит вдали сверкающим мраком, любуясь борьбой.

Ну и титаны!

Обхватили руки телá, и хочет каждая рука сломать тело. Давит глыба на глыбу. Страшным дыхом вырывается воздух из груди. И бьет молот в кузне сёрдца двойным ударом. Нет, не уступят друг другу ни сёрдцá, ни телá, ни рúки.

Века был недвижим могильный камень. И вдруг покачулся он под тяжестью тел могучих борцов и чуть сдвинулся с места. Не титан ли, под ним погребенный, шевелится во сне?

Пошатнулся Полидевк. Еще больше сдвинулся камень, приподнялся один его край. И услышали борцы словно подземное дыхание.

Вдвое могучее стал вдруг Идас. Теснит, гнет Полидевка. Собрал тогда Полидевк всю свою силу, оторвался от Идаса, ступил с камня на землю, хочет прочь бежать от могильного камня. Тут и свершилось неслыханное. Спрыгнул на землю вслед за ним и Идас и, двойной налившись силой, приподнял тот могильный камень над землею: устоял и бросил им, тяжким, в Полидевка. Не успел увернуться Полидевк. Хотел было отбить громаду руками, но грохнулся под ноги могильный камень, зацепил краем бойца. И упал Полидевк, сын Зевса, на колени.

Тогда загремело глухо в облаках:

— Не прыгай, Идас!

Но не слышит громового голоса Идас. Прыгнул он, огромно-неистовый, на Полидевка, опрокинул его и прижал плечами к земле.

Еще грознее загрохотало в небе.

Но не слышит и не видит Идас. Перед глазами у него Линкей, пронзенный каменным зубом. Сжал Идас тело Полидевка рúками-удавами, навалил его на себя и хотел было бросить его близ камня в расщелину, где земля вдруг открыла свои недра.

Бледный конь крылатый пронесся по небу к облакам. Что за конь! Кони-лебеди не такие. Не сверкают из-под их

копыт молнии. Верно, снова конь-молниевик Пегас летит с молниями к Крониду.

Поднял Идас голову к небу. В руках у него тело исполина. Видит: нависают над ним черные космы козьей шкуры, эгиды Зевса, со страшным ликом чудища посередине. А над ликом грозовые глаза в ослепительном сиянии гнева. И огненные ресницы вокруг глаз.

Только раз увидишь ты такие глаза.

И в глаза самому владыке мира, Зевсу, крикнул неистовый Идас:

— Не страшусь я тебя, Небодержец! Я поднял прикованный тобою камень. И я, Идас, бессмертен, как ты. Выйду я и с тобою на битву. Не страшусь я твоих огненных ос. Где Линкей, брат мой солнечноокий?

Стих мир. И ударило с неба огнем в землю.

Страшен был удар перуна Зевса. Раскололся пополам Могильный камень. Выскользнуло тело Полидевка из могучих титановых рук, и упал на обломки камня Идас.

Тогда спросил громовый голос в небе:

— Что же ты корчишься, Неистовый Идас? Где твое бессмертие титана?

Вновь сверкнул огненный трезубец, и вновь спросил голос в небе:

— Слышишь меня, Идас? Ты — как мед для моих огненных ос. Атлант был горше.

В третий раз ударил Зевс с неба, и свергли копья молний тело Идаса в раскрытые недра земли.

Не спрашивай, путник, в Мессении об Идасе. Не спрашивай, где лежит Могильный камень. Позабыто давно это место у моря.

Но, бывало, отхлынут в море волны пучины, где томилось пригвожденное к каменному зубу тело титана Линкея, откроется оно взору, и вот откроет тогда Линкей глаза и

посмотрит в небо на нового Солнцебога. Метнет от яростно из земных глаз в Аполлона лучи, проникающие сквозь камень и кость. Улыбнется Аполлон, и в ответ пошлет Солнцебог в глаза Линкея свои золотые небесные стрелы. Ослепнет зоркоокий Линкей. И лежит он, ослепленный, устремив слепые глаза на небесную дорогу, пока не вернутся обратно с моря один за другим девять волн-валов и не покроют его свинцовой влагой, погуляв по морскому простору.

Κ Κ Α } Α Η Η Σ

Ο ΤΙΤΑΝΗΣ
ΚΣΗΤΑΒΡΣ ΧΙΡΟΗΣ

ЧАСТЬ I

**СКАЗАНИЕ О ТИТАНЕ КЕНТАВРЕ
ХИРОНЕ-ВРАЧЕВАТЕЛЕ
И ОБ АСКЛЕПИИ, МАЛЬЧИКЕ-БОГЕ**

**СКАЗАНИЕ О НИМФЕ ХАРИКЛО
И ОБ ОСЛЕПЛЕНИИ ЕЕ СЫНА, ТИРЕСИЯ**

У пещеры кентавра Хирона, на горе Пелион, умирала старая Харикло.

Некогда была нимфой Харикло, дочь древнего титана Перса. И, как все титаны, была титанида Харикло бессмертной и вечно юной. Но когда боги Кронида низвергли древних титанов Уранидов в тартар, а других, непокорных титанов изгнали на край земли, к Мировой реке-океану, приманила к себе дочь Зевса Афина юную титаниду Харикло, и стала нимфа Харикло подругой небесной богини.

Был у Харикло сын — юноша Тиресий. И таким обладал он пронзительным взглядом, что любую добычу мог увидеть сквозь гущу листвы, в глубине речных вод и на самой далекой горной тропе. Но случилось неожиданное.

Как-то бродил Тиресий по заповедным местам Пелиона, и слышался ему плеск и радостный смех, каким смеются счастливые боги.

«Верно, нимфы резвятся», — подумал Тиресий и метнулся из лесной мглы через заросли тамарисков и терний прямо к светлому озеру, на золотой песок. Это озеро было насквозь зеркальным, и кто к нему подходил, у того на мгновение слетала с глаз пелена смертности и он мог видеть мир, каким его видят бессмертные.

И увидел Тиресий: плещется перед ним в озере, по пояс в воде, богиня Афина и рядом с нею мать Тиресия, нимфа Харикло. Такой увидел богиню смертный юноша Тиресий, какой видеть ее могли только боги.

Вскрикнула в гневе богиня. Согнуло от ее крика деревья над озером, и дриады опрокинулись от испуга головой к воде. Над озером повисли их волосы. Вышла богиня из воды. И вздохнуть не дала Тиресию, как уже стоит перед ним во всей красоте своей, вся как есть, и грозно смотрит в глаза юноше.

Замер восхищенный Тиресий. Не встречал он еще на земле такой красоты и мощи: не речная нимфа перед ним, не наяда гротов Пелиона — верно, перед ним небожительница. И готов он все отдать за мгновение, только бы видеть богиню. Не упал он ниц перед нею, не закрыл своих смертных глаз, не взмолился к Чудодеве Олимпа: «Пощади! Я не знал... Я случайно...» Стоит Тиресий перед Афиной и смотрит глазами смертного юноши прямо в ее бессмертные глаза.

О! и грозен был голос богини:

— Видишь ты меня и свет солнца, но в последний раз видишь, смертный!

Не успела Харикло крикнуть сыну, не успела прикрыть

его своим телом, не успела умолить богиню-подругу, как уже издала Дева-Воительница боевой клич Кронидов: рванулись ее руки к смелым глазам юноши-героя и вырвали эти глаза из глазниц. В ярости бросила их Афина на песок и ногой отметнула в озеро:

— Лови яблоки света, Харикло!

Застонало материнское сердце. Кинулась Харикло из воды на берег к сыну, обняла его окровавленное лицо, прижала к груди, и живая кровь смертного потекла по бессмертному телу нимфы:

— Боги, боги! Какие же вы боги, Крониды! Это сын мой, Тиресий. Он услышал голос матери, выбежал к ней навстречу, на радость. Что же топчете вы титанову правду!

Пошатнулся Тиресий, упал на песок, и, обнимая, прикрыла его своим телом нимфа Харикло и плакала такими слезами, какими плачет только мать.

А богиня Афина уже в боевом доспехе. Еще грознее стал ее лик и взор, и в них неумолимость Кронидов:

— Не знала я, что есть у тебя смертный сын, что ты, мать, посмела быть подругой Девы-Афины. Разорван наш союз, Харикло. Не резвиться нам отныне вдвоем, не купаться в озере Радости. Но была ты все же подругой Афины, богини Олимпа. Проси у меня чего хочешь, но в последний раз ты у меня просишь.

Оторвалась тогда Харикло от тела сына, протянула к богине руки:

— Исполни материнскую просьбу: верни Тиресию глаза! Дай ему опять увидеть мир Кронидов! Проникал он среди смертных любую тьму, мог высмотреть добычу сквозь любую листву, сквозь любую глубину речных вод, на любой далекой горной тропе.

И услышала Харикло ответ богини:

— Не могу я вернуть ему глаза. И никто их не может ему вернуть — ни бог, ни титан, ни сам Кронид. Кого мы, боги, ослепили, тот навеки слеп. Кого люди ослепили, тот может прозреть. Но в милость тебе, бывшей подруге, дам я

ему иное зрение: будет Тиресий прозорителем. Будет он читать тайные знаки живой жизни, понимать голоса птиц и зверей, шепот трав и журчанье вод, будет видеть грядущее в дне текущем, будет помнить все бывшее, забытое. Сможет он познавать даже мысли богов. И срок его жизни будет ему удлинён против других смертных втрое. И когда сойдет он в аид, будет он помнить и там, среди бесплотных теней, все бывшее, забытое и, как прежде, видеть грядущее. Но одного да не дерзнет он: открывать людям мысли богов Кронидов без воли Кронидов, — или утратит он тотчас свой дар прозрения: исчезнет его зрячесть слепоты. Останется он просто слепцом, не видящим даже своей дороги, и, преследуемый демонами — адской Манией и безумящей Лиссой, будет он слепо блуждать по земле, гонимый и людьми, и зверями, и водами, и даже камнями. Будут его птицы клевать и звери терзать, будут его хлестать деревья ветвями, будут травы опутывать его голени, и колючки вцепятся в него, и камни будут падать ему под ноги, и воды будут затягивать его в тину. И никто не будет ему сострадать. Неумолима казнь богов.

И вонзила богиня копье в землю.

— Но ты за тот дар прозрения сына отдашь мне половину своего бессмертия титаниды. Знай, не дается даром смертным прозрение. Ты молила меня голосом матери, упрекнула нас, богов Олимпа. Уранида ты — а я от Кронидов. Говори: отдаешь ли ты, мать, половину своего бессмертия за прозрение слепого сына?

И ответила сквозь слезы Харикло:

— Отдаю.

Засмеялась Дева-Воительница, издала победный клик Кронидов, трижды ударила копьем оземь, сказала:

— Встань, Харикло. Посмотри на себя в озеро Радости. Станет оно теперь озером Печали.

И исчезла Афина в небе.

Подошла Харикло к озеру. Видит — опрокинулась в озеро вверх ногами не нимфа, а опрокинулись четыре

копыта. У копыт высокие конские ноги. На ногах — конское туловище.

Нагнулась Харикло к воде и тотчас увидела вновь себя, да только до пояса: приросла она к конской груди белой кобылицы, там, где обычно у лошади поднимается шея.

В кентавра обратила Афина нимфу.

И осталось ее человеческое тело бессмертным, но ее конское тело было смертным.

О, как обняла тогда мать Харикло обеспамятевшего сына Тиресия! Как приподняла его с земли и унесла в пещеру на гору Хирона — на Пелион!

...Вспоминала старая Харикло.

Вспоминала, как нашел ее потом кентавр Хирон, как ушла она к нему, к сыну Крона, в пещеру. И тогда казалась она себе вечно юной, как прежде.

Но ушли года и пришли годы. Стало смертное тело кобылицы бороться за жизнь с бессмертным телом нимфы.

Вдох за вдохом, частицу за частицей отдавало тело титаниды свою силу жизни конскому телу. И вот уравнились их силы живой жизни, и начала сила бессмертия иссякать.

Долго боролся чудный врачеватель Хирон со смертью в Харикло — за живую жизнь в ее теле с жизнью мертвой. И все же стала нимфа, красавица-титанида, и стареть, и хиреть.

Пришел час.

У порога пещеры Хирона умирала старая Харикло. А Гелий-Солнце, древний друг, все тот же.

Много лекарственных трав и кореньев приносил ей Хирон из лесов, и не раз чудесный врачеватель возвращал умирающую к жизни. Готовила Харикло целебные зелья и вливала в зелье ту каплю амброзии, которую, что ни утро, доставляла в зобе бессмертному кентавру голубка из сада Гесперид. Нарушая запреты богов Кронидов, смертной Харикло отдавал ту каплю Хирон, а сам питался нектаром

цветов, даром нимф луговых Пелиона. Амброзийное благоуханье наполняло пещеру. Но не помогли ни травы, ни амброзийные зелья.

Еще долго бродила Харикло по заповедным местам в горах, ковыляя на распухших конских ногах, в поисках чудодейного Прометеева корня с алым цветком. Говорили, будто вырастал тот цветок из капель крови титана Прометей, что сочилась из его растерзанной раны и падала с высоты к подножию скалы Кавказа. Копала Харикло расщепленным копытом землю, нюхала ее, долго втягивая воздух, но не нашла Харикло чудодейного корня. Тогда вернулась старая к пещере на Пелионе, опустила конским телом на кучу сухих листьев и мха у ее входа, прислонилась человеческим телом к гранитному косяку и ушла глазами в далекие леса и горы.

Там вдали гора Осса, у моря. А за нею не то облака грядями, не то снеговые холмы Олимпа.

Зуд и дрожь в ее старом конском теле. Медленно подняла было Харикло заднюю ногу, чтобы почесать копытом зудевшее место на распухшем брюхе, но передумала и, с трудом изогнувшись в пояснице, почесала человеческой рукой.

СКАЗАНИЕ О ЮНЫХ ВЕЛИКАНАХ АЛОАДАХ

Смотрит Харикло на Оссу и Олимп. Встает перед нею далекое былое.

Помнит, помнит она, как некогда юные братья, вели-

каны Алоады, От и Эфиальт, захотели взойти на небо и сбросить с неба на землю Кронилов.

Как два солнца, были красивы Алоады. То-то приходился им отцом солнечный титан Алоэй и матерью прекрасная Афимедейя. Титанами были Алоады, да еще какими титанами!

Когда, бывало, ввечеру станут братья плечом к плечу на вершине Пелиона, казалось, две огромные звезды скатились с неба на землю, чтобы удивить ее красотой.

Так стояли однажды красавцы Алоады на вершине Пелиона. И вдруг пронеслась мимо них вслед за ланью Артемида-Охотница. Увидели ее братья-великаны и уже забыть не могли. Стали они за нею гоняться. Не поймать им ее, быструю, на земле. А богиня все пронесется мимо, словно дразнит, и манит, и играет с мальчиками-великанами. И не знали сперва солнечные мальчики Алоады, что, скрываясь за исполином-кедром, смотрит сверху на эту игру юный Солнцебог Аполлон с золотым луком в руке. Неспроста дразнит солнечных братьев сестра Солнцебога Артемида, неспроста охотится за ланью близ титанов.

Не терпит Аполлон, Солнцебог, соперников — Гелладов. Говорил он на Олимпе богам:

— О, высокомерны от мощи Алоады! Слишком дерзко сияет их красота. Затмить хотят своей красотой красоту Кронилов. Богоборцы они. И забавы их великанские — не просто забавы. Отомстить хотят нам за гибель их отца, Алоэя. Скоро, скоро зазвенит моя тетива! Скоро, скоро запоет моя золотая стрела!

Говорил От Эфиальту:

— Небесный лазутчик затаился за деревом. Стрел у него полный колчан. Что-то он задумал недоброе.

Отвечал Эфиальт Оту:

— Что ж! Разве наши стрелы — не стрелы? Разве наши руки — не руки? Не в обычае титанов таиться за стволами и облаками. Взойдем открыто на небо. Пусть попомнят Кронида братьев Алоадов! Пусть уступят нам Артемиду.

Высоко над Олимпом небо. Навалим гору на гору. Взгромоздим Оссу на Олимп. А на Оссу поставим Пелион. И шагнем по ним на небо Кронидов. Или будем мы, титаны, богами, или сбросим богов с неба на землю. Свергли же молнии Зевса солнечного Алоэя в тартар! Будет рад нам титан Гелий на высоком небе. Одна у нас с ним титанова правда.

И сказал Эфиальту От:

— Что ж, возьмемся, Эфиальт, за Оссу. Позабавимся сегодня горами.

А богиня Артемида-Охотница все мелькает перед братьями, все дразнит мальчиков-великанов, уводит у них изпод носа золоторогую лань. «Погоди же,— подумали Алоады,— похитим мы тебя с неба вместе с твоим лунным гребешком!»

Стали братья Алоады по обе стороны Оссы, обхватили ее руками великанов, уперлись пятами в подошву соседних гор, напрягли всю свою титанову силу и оторвали Оссу от почвы.

Застонала Гея-Земля.

Услышали тот стон и звери, и птицы, и травы, и малые твари. Не слышали его только мальчишки-великаны: приподняли гору и держат. И казалось издалека, будто две малые горы с двух сторон подпирают одну большую гору. Еще выше приподняли Алоады Оссу и стали ее валить на Олимп, чтобы потом взгромоздить еще Пелион на Оссу и взобраться по ним на небо.

Загрохотало на вершине Олимпа. Не слышат грозного грохота мальчишки-великаны.

Качается Осса в их руках. Выбегают опаленные звери из лесов — львы, медведи, вепри, рыси, олени. Пронесются дикие табуны кентавров, мечутся с ревом и воплем по полянам и луговинам. Шарахаются от них зеленые Магnezийские кобылицы. Взмыла тьма птиц над горой. Реки и ручьи ринулись водопадами в пропасти, и падают, с грохотом срываясь, камни-утесы.

Стонет Гея-Земля от ран. И вот заговорили дубы и буки-исполины, у которых уже века как ушел голос в вековые думы. И дриады, полумертвые от страха, вышли из сердцевины стволов вместе со слепыми совами и, ухватившись за ветви, тоже застонали, как земля.

Все грознее и страшнее грохочет Олимп.

Смотрит Харикло: там, в стороне заката, над Олимпом стоит черная, невиданной громады туча в багровом пламени по краям, вся изрезана трезубцами синих молний. И при сверкании молний стали видимы посреди черной тучи грозные лики огромных богов: как взирают они на неслыханную дерзость двух мальчиков-великанов.

Смотрит Харикло, а над нею, на утесе, упираясь копытами в самый край, стоит, весь подавшись вперед, сын Крона, Хирон, и могучие руки кентавра протянуты не к богам, а к детям-великанам.

И вдруг крикнул зычно Хирон:

— Титаны вы мои, титаны! Слышишь ли, отец Крон? Видишь ли ты из тьмы тартара: титаны поднимают горы!

Все страшнее в стороне заката черная туча. Все грознее вспышки синих молний: летят от Олимпа зубчатые копья.

Но под прикрытием поднятой Оссы неуязвимы для огненных копий Олимпа мальчики Алоады.

Обернулась Харикло в сторону восхода. Как чудно там озарено небо! Что за ясность! Словно на ладони вся небесная дорога, и на ней в сверкании копыт возносятся солнечные кони на высоко поднятых вожжах. Как сияли тогда глаза Гелия-титана, каким полуденным торжеством! Он все видел, все слышал, все знал — и смотрел на Хирона.

Было конское тело Хирона львиного цвета, и блистало оно, переливаясь золотом, и сливалось со смуглозолотистой кожей человеческого торса и золотой бородой кентавра. И когда стоял в тот час Хирон с его бирюзовыми глазами под лучами глаз Гелия, весь он сиял, как сияют боги.

Что присели вдруг разом на задние ноги кони Солнца и

взвились на дыбы? Что замерли в воздухе их распростертые крылья и копыта? Что недвижимы вытянутые руки титана Гелия и напряженные вожжи?

Аполлон, юный сын Зевса, стоял перед конями Солнца, преграждая им путь, и золотой лук в его руке. Вот уперся юный бог спиной в золотое дышло возка, и уже тстива, словно одежды Радуги-Ириды, натянута поперек небесной дороги, и на тетиве золотая стрела.

Зазвенело тонко в воздухе, запело. И видела Харикло, как что-то пронзило воздух, словно оторвался от сиянья Солнцебога одинокий луч. Ударился этот луч об Оссу, отскочил от нее и золотой стрелой вонзился в Эфиальта.

И вот уже летит вторая стрела во второго великана — в Ота.

Зашаталась поднятая Осса
В руках мальчиков-великанов,
Накренилась, вся набок осела
И в обратную сторону качнулась.
А затем опустила подножием
На глубокую рану в почве
И покрыла собой два тела
Великанов-братьев Алоадов.

Тихо стало в мире и на Пелионе.

За море ушла с Олимпа черная туча. Исчез с солнечной дороги юный Аполлон, и в тусклом сиянии, окутав облаком голову и опустив лучистые вожжи, стоял на солнечном возке титан Гелий, и катился возок по туманному небу к океану.

Удалился в пещеру и Хирон. Там подогнул он под себя конские ноги и с лирой в руках стал слагать песнь о юных отважных титанах — о мальчиках Алоадах.

И слушала тогда его песню Харикло.

Но иное рассказывали друг другу охотники на вольных пастбищах Пелиона, где пасутся дикие козы. Будто бы приняла Артемида образ золоторогой лани, и когда на вер-

шине Пелиона стояли красавцы-охотники Алоады, каждый с луком в руке, и говорили, смеясь, друг другу: «Нет такой быстрой лани на Пелионе, которую не догнали бы наши стрелы, будь та лань сама Артемида»,— вдруг, откуда ни возьмись, пронеслась между братьями золоторогая лань. Пустил в нее каждый из братьев по стреле, но с такой быстротой пронеслась между ними лань, что попала стрела великана Ота в сердце Эфяльту, а стрела Эфяльта — в сердце Оту. Пали братья-великаны на землю. Только одно слово успели выкрикнуть разом:

— Артемида!

И, смеясь, говорили на Олимпе боги Кронида:

— Истребили друг друга великаны Алоады. Где им тягаться с нами, Кронидами!

И об этом знала старая Харикло.

**СКАЗАНИЕ О СМЕРТИ ХАРИКЛО,
ЖЕНЫ ХИРОНА, И О ЕГО ЮНЫХ ПИТОМЦАХ,
АКТЕОНЕ И ЯЗОНЕ**

В тот час, когда богиня Пандейя вылиwała в небе из голубых ведер на поля такую пышность полуденного золота, что в его отсвете пропадала даже хмурость Пелиона, Хирон стоял перед входом в пещеру и, склонив голову, смотрел на Харикло. Он видел не раз, как умирают на земле, и понимал, что значит умирать. И хотя он мог слышать шаги Смерти и воочию видеть бессмертными глазами Смерть, но говорить с нею — не говорил. Бессмертные не беседуют со Смертью.

Умирала старая Харикло.

О, как весело звучали под горой голоса!

И впрямь, веселые, звонкоголосые, возвращались с охоты Актеон и Язон — юноши, питомцы Хирона. Они с хохотом поднимались к поляне по крутой тропе, гуськом. На плечах у них стволы ясеней — не стволы, а исполины Пелиона для костров полубогам-героям. И увешаны стволы от вершины до комля добычей. Легко нести юношам добычу. На стволах качались звериные туши — медведи, вепри, связки козуль, и рядом с ними пучки съедобных и целебных корней и клубней. Вот день так день!

Еще издалека они радостно кричали:

— Учитель Хирон, смотри: сегодня мы без оружия добыли дичь — руками и умом, как ты нас учил! Дичь добрая, на славу. Так, значит, мы и делали добро. Смотри, отец!

И юноши смеялись.

Но, выйдя, бурно дыша, с горячими глазами, на поляну, они взглянули на Хирона и умолкли. Он не сказал им, как бывало:

«Младенцы, о-го-го! Теперь мясного молока в ковшах немало. Пригубите. А соблюден лесной закон?»

И юноши, бывало, отвечали:

«Он соблюден. Нет лишнего. По мере нужды — не больше».

«А соблюден закон звериной правды?»

«Он соблюден: «без лютости отвага».

«Ну, расскажите коротко и прямо».

И начнут, бывало, юноши говорить и скажут друг о друге:

«Отец, Язон медведицу под себя подмял и отпустил, увидев двух малолеток-медвежат. Он мать почтил».

«А Актеон у барса вырвал из когтей козленка и погрозил когтистому зверюге: «Смотри в другой раз!..» Барс был сыт и рвал козленка без нужды — от ярости и злобы».

...Но сегодня наставник не спросил их, как бывало. Он даже не оглянулся на охотников.

Осторожно свалили юноши на траву стволы с добычей и стали рядом. Смотрят во все глаза на Хирона. Сегодня он иной. Таким герои-полубоги еще не видели мудрого кентавра.

Неподвижно, долго-долго стояли удивленные юноши, наблюдая учителя. И вот Актеон осторожно, чуть подтолкнув Язона, шепнул ему:

— Ты видишь?

— Вижу.

— Это что?

В буром золоте бороды Хирона что-то серебрилось и белело. Казалось, будто Время, которое еще никогда не подступало к бессмертному кентавру, вдруг протянулось к нему паутинными пальцами и, перебирая в его играющей золотом бороде волос за волосом, тончайшей, тоньше воздуха, кистью неслышно серебрило то один волосок, то другой.

И вдруг, не выдержав, шагнул Актеон к Хирону и спросил:

— Отец, кто проводит по золоту твоих волос серебром, как у стариков? Ведь ты не подвластен Хроносу-Времени.

— Я познал утрату,— ответил Хирон.

— И что ж! Утраты не омрачают радость богов. Они были у тебя и прежде. Осенью много листьев опадает с деревьев. Разве кто жалеет листья? Это ж осень. Не так ли ты нас учил?

И ответил Хирон:

— Ты, мальчик, прав. Так говорил я вам и себе. Я видел утраты — и свои и чужие, но тогда я еще не познал их. Утрату познают, когда любят. Тогда впервые слышишь голос Ананки-Неотвратимости. Я услышал сейчас ее голос. И учусь сейчас новому мужеству, более твердому, чем былое.

Переглянулись ясными глазами Актеон и Язон, полу-

боги, и слегка пожали плечами. От таких плеч отползли бы и львы в кусты. Они были молоды и хотя были смертны, но еще не познали утрат. А любовь?.. И тут оба разом обернулись друг к другу, и встала перед их глазами Меланиппа, с конским телом, блестящим, как агат, и с девичьим торсом, золотисто-белым, словно цветы асфодели,— их подруга-красавица, внучка Хирона.

И вдохнули юноши в себя полмира:

— Меланиппа!

А у входа в пещеру тихо испустила свой последний вздох Харикло.

— Умерла...

— Актеон, мне будто послышался голос учителя. Кто-то сказал: «Умерла». Ты слышал? — В глазах Язона стоял вопрос.

— Слышал. Да, ведь старая Харикло была смертной.

Но и в глазах Актеона стоял тот же вопрос.

— Пойдем, окунемся в волны.

И пошли юноши, полубоги-герои, к потоку, где жила нимфа Окирроэ, дочь Хирона, мать девушки-кентавра красавицы Меланиппы.

СКАЗАНИЕ О МАЛЬЧИКЕ-БОГЕ АСКЛЕПИИ И ОБ ОКЕАНИДЕ ФИЛЮРЕ

Что за горный поток, то журча, то бурливо кипя, бежит за скалой на закат далеко, к подножию Пелиона? В том потоке живет речная нимфа Окирроэ.

Раз подошел к потоку, где жила Окирроэ, бог Аполлон, принес в гнезде птицы-феникса младенца. Положил

гнездо с младенцем на берегу и исчез бог Аполлон. Только Заря-Эос улыбнулась младенцу и сказала:

— Здравствуй, Асклепий!

Нашла на заре Окирроэ гнездо. Понесла гнездо с новорожденным к Хирону в пещеру. А Хирон уже все знал о младенце и сказал дочери Окирроэ:

— Пестуй.

И стала Окирроэ пестуньей Асклепия.

Спросили юноши-герои Хирона:

— Отец, кто этот малютка? Он титан? Или, как мы, герой?

И ответил им Хирон:

— Он бог.

Близ потока в гроте пестовала нимфа Окирроэ Асклепия. Говорил, бывало, малютка-бог нимфе:

— Окирроэ, расскажи мне какую-нибудь правду! Ты ведь знаешь столько настоящих правд.

И спросит Окирроэ Асклепия:

— А какую правду ты хочешь услышать?

— Расскажи мне настоящую правду, но и самую-самую лучшую.

— Хорошо,— отвечает Окирроэ,— расскажу я тебе правду чудес, настоящую правду. Живет эта правда чудес за океаном. И поют о ней океаниды и ветры. И поют о ней сестры Сирены. А мы, речные нимфы, слышим отсюда тот дальний-дальний голос Сирен из-за океана.

И начнет Окирроэ течь словами, такими словами, какие еще никогда не текли на горе Пелион.

Кругом сидят юноши — полубоги-герои и слушают ту правду чудес, настоящую правду. И слушает ее Меланиппа, внучка Хирона, а бывало, и сам мудрый кентавр Хирон.

— Стоит средь океана, на Мировой реке, голый каменный остров. На каменном острове — скала. А на скале сидят птицы — не птицы, девы — не девы, змеи — не змеи.

Будто срослись в них птица с девой и дева со змеей. Что за чудные девы! Что за птицы чудные! И в хвосте у них змейки. Да как вдруг запоют!.. Чуть услышишь их песни — так стал, и ни с места. Только и в тебе все поет. И дышать — не дышишь. Подумаешь: вот оно, пение муз на горе Геликон! Да ведь где Геликон! А стоит здесь каменный остров среди океана. На каменном острове — скала. А на скале сидят птицы — не птицы, девы — не девы, змеи — не змеи... и поют. Что за сладкий сон! Берегись, берегись этих снов, мореход! Берегись Сирен!..

Спи же, Асклепий, спи. Сирены — нам сестры...

И скажет Асклепий, малютка-бог:

— Я сплю. Расскажи мне еще одну правду чудес, Окирроэ.

И начнет течь Окирроэ словами:

— У праотца потоков и рек, у древнего титана Океана, было пятьдесят дочерей-океанид. И среди них — океанида Филюра, с волосами как лесная листва. Не захотела Филюра жить только в одном океане, между мирами живой жизни и мертвой. Захотела Филюра выплыть в море Крона, в живую жизнь. Захотела не то видеть, что за океаном, захотела видеть то, что впереди океана, где живут титаны и великаны. Выплыла она из черных вод в воды зеленые. А затем увидела воды синие. А за ними воды голубые. И только залюбовалась голубыми, как увидела и воды пурпурные.

Так плыла Филюра все дальше и дальше, то играя с сестрами-нереидами, то с дельфинами, то с морскими конями. Гнались за нею разные Дивы — и морские титаны и боги. Уходила от них океанида. Доплыла она до гор Магнезии, близ суровых берегов Пелиона, где вдали по склонам пасутся небывалые нимфы-кобылицы, все, как одна, густо-зеленые.

Спи же, Асклепий, спи...

Увидела их океанида Филюра. Захотелось ей поиграть с кобылицами. Вышла Филюра на высокий берег, вся оде-

тая морской пеной. Как увидели ее кобылицы, одетую в морскую пену, понеслись они к лесам Пелиона. А за ними океанида по травам. Колышутся высокие травы, словно моря зеленые волны, и плывет по ним Океанида. Обняли ее ласковые травы и несут к лесной листве Пелиона. Впереди же скачут кобылицы: все, как одна, густо-зеленые, и шумит уже листва вторым зеленым морем.

Окунулась в море листвы Филюра, плывет по листве, а ветви плещут. Все ближе подплывает к кобылицам. А они то скачут, то играют...

Спи же, Асклепий, спи...

Доплыла Филюра до одной кобылицы, прикоснулась к ней, и — так оно бывает — обернулась она сама в кобылицу, обернулась и поскакала. Смотрит: скачет рядом конь золотой.

«Что за чудо-конь, весь золотой? — подумала Филюра.— И откуда он? Не прямо ли с солнца, из упряжки Гелия-титана?» А конь уже не золотой, а весь серебряный. «Что за чудо-конь, весь серебряный? — подумала Филюра.— Не от месяца ли? Не конь ли Луны-Селены?» А уж чудо-конь не серебряный, а весь синесиний, словно в поле выкормлен васильками. Только глаз у него смарагдовый — смотрит неотрывно на океаниду. И Филюра на нем глаза покоит: не видела таких коней ни в океане, ни в море...

Спи же, Асклепий, спи...

Кругом шумят липы-исполины. И листва ходит волнами, да какими! Вдруг покрыло их зеленое море. Только сказал ей небывалый конь:

«Филюра! С тобою Крон — вождь титанов Уранидов».

Утонула Филюра с конем в море листвы. Но не вынырнула из него кобылицей: вынырнула нимфой — лесной Липой-Великаншей.

Родила нимфа Липа-Филюра от Крона на Пелионе кентавра Хирона. И затем, как рассказывали волны, уплыла Океанида обратно к отцу Океану.

Да мало ли что расскажут волны! А кентавр Хирон, сын Крона, остался на горе Пелион...

Спи же, Асклепий, спи...

И уснет малютка-бог Асклепий под самую лучшую, настоящую правду пестуны Окирроэ.

И слушали, бывало, эту настоящую правду сам мудрый Хирон и юноши герои-полубоги.

СКАЗАНИЕ ОБ ОХОТЕ НА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕПРЯ

И в этот день все было как всегда на Пелионе — для лапитов, кентавров и нимф. Но для Хирона выпал день иной.

В этот день раньше, чем обычно, вернулись с охоты юноши герои-полубоги Язон, Актеон и другие.

Они были угрюмы и пришли без добычи.

Спросил их Хирон:

— Что вы так? Где же медведи? Где вепри? Где львы? Даже кореньев не вижу у вас в руках! Все ли вы здоровы и целы?

Но в смущении, потупившись, стояли полубоги-охотники перед учителем и молчали.

И в тревоге спросил Хирон:

— Где же мальчик?

— Я здесь, отец, — ответил Асклепий. — Не ходил я с ними на охоту. Я играл с Гелием в метанье копья. Я метал его до самого солнца, и Гелий метал его вместе с лучом мне с неба обратно — в самый полдень, когда до солнца так близко. Но копье раскалилось, и я отдал его Окирроэ в волны, чтобы его остудить.

— Так,— сказал Хирон.— Гелий — добрый копейщик.

И спросил Актеона:

— А где твое копые, Актеон?

— Оно в вепре, отец. Ты не учил нас стыду, а нам стыдно. Мы не можем одолеть Железного Вепря — даже все вместе.

И так недоуменно посмотрел в глаза Хирону незнакомый с промахом Актеон.

И вслед за Актеоном сказал Язон:

— Отец, мы встретили вепря с железной щетиной. Верно, он не вепрь, а дракон. Только без крыл. Весь как в панцире. Гнутся о его железную кожу острия наших копий. Бессильно скользили по ней наши стрелы. Рогатины ломались о его щетину. И камни его не ранят: только звенели о панцирь боков и с гулом отскакивали, как от медной стены. У него копыта железные — не копыта, а две секиры. Он по лесу идет, головой мотает, и валется направо и налево деревья: и просека позади него. Не могли мы взять его руками.

Потупился Язон-полубог.

И тогда спросил Хирон:

— Ты боялся?

И все юноши подняли головы, ожидая ответа.

Ответил Язон:

— Я не знал, как его одолеть.

— Ухватил ты его за заднюю ногу? Поднял на воздух? Ударил головой о ствол дуба? Сбросил его со скалы?

Смотря в землю, ответил Язон:

— Он сам больше скалы и дуба.

Помолчал Хирон. Не дышали герои-полубоги. И вот раздался голос учителя:

— Что ж ты делал, Язон, вождь грядущий Аргонавтов?

— Отступил.

И тут застучали веселые копыта. На поляне стояла Меланиппа. И услышала она вопрос Хирона:

— Ты отступил, но с отвагой, как должно? Что ж молчишь ты, Язон?

— Учитель, от него бежали кентавры.

И сурово, уже в гневе, повторил Хирон вопрос:

— Отвечай по закону титановой правды: отступил ты с отвагой или с заботой?

И ответил Язон:

— С заботой.

— О, род людской!

Отвернулся Хирон от Язона и посмотрел Актеону в глаза:

— А ты, Актеон, что делал?

— Я хотел объездить вепря, но он весь в железных остриях.

— И ты?..

— Отступил и я, как Язон. Дважды кидался на меня Железный Вепрь, и я дважды перепрыгнул через гору щетины. Но копьем пронзить не мог: оно застревало в железе горба. Я не знал, что мне делать, отец. Отступил я, как должно,— не бежал. Но зверя не взял. И мне стыдно.

Улыбнулась Меланиппа Актеону и стала за плечами Хирона.

— И мне стыдно,— сказал Хирон.— Отвага без подвига — забава. Это дело богов. Трусость без подвига — забота. Это дело людское. Еще ты за дело героя не брался. Дело героя — подвиг. Я не знаю для героя другого дела.

И сказал Хирону Язон:

— Научи, отец, как нам взять Железного Вепря!

Ответил Хирон:

— Пойти и взять. Разве боги Олимпа спрашивают? Хотят одолеть — одолевают. Надо уметь хотеть, как боги хотят. Сегодня не забавный день¹ для Хирона. Сегодня он потерял героев. Или, быть может, мне вам помочь?

¹ С точки зрения эллинов, жизнь должна быть радостной: она полна игры. Подвиги героев — их дело, но вместе с тем они — зрелище, высокая забава. Театральным зрелищем являются они и для богов — обитателей Олимпа.

Отвернулся Хирон от юношей и ушел хмурый в пещеру. Только бросил ученикам на прощанье:

— Да, сегодня и Хирон познал стыд!

Переставила передние ноги Меланиппа, всплеснула по-девичьи руками, повернулась и ускакала.

В этот день никто из юных питомцев не поднял головы, не смотрел на другого. Каждый думал о Железном Вепре.

СКАЗАНИЕ ОБ ОХОТЕ НА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕПРЯ И О ПОДВИГЕ МАЛЬЧИКА-БОГА АСКЛЕПИЯ

Росла высоко на утесе, над самым морем, Липа-Великанша. На всем Пелионе не было такой другой могучей Липы. И против Липы, на краю утеса, свисая над пропастью, лежал огромный камень — не камень на утесе, а гора на горе.

Не в пять, не в десять обхватов был ствол Липы. Верно, для объятий великанов создала этот ствол Земля-Гея.

Ни звери, ни охотники не всходили на этот утес, и птицы на нем не гнездились: подобный шуму океана, их отпугивал шум листвы. Только ветер залетал в гости к Липе-Великанше и снизу поднимался к ней порой гремещий голос морского прибоя. Переговаривались море с Липой, но о чем, о том знала только листва.

На всем Пелионе один Хирон посещал иногда этот утес. Подойдет, бывало, к Липе-Великанше, обнимет ее человеческими руками и припадет к ней мудрой большой головой лесного титана. И, встречая его, обоймет, бывало, Липа кентавра косматыми руками-ветвями под шатром листвы, и стоят они так вдвоем, обнявшись, подолгу и о чем-то шепчутся — Липа-Великанша и Хирон-кентавр.

Когда Асклепий услышал о Железном Вепре, перед которым отступили полубоги-герои Язон и Актеон, решил отважный мальчик-бог выйти тайком против Железного Вепря и его одолеть: решил и пошел — в одиночку.

Бежал мальчик охотничьим скоком в один след в поисках Вепря, вооруженный только пелионским копьем.

Из пелионского ясеня выстругал то копьё Хирон для Асклепия. Сварил ясень в горячем кипящем ключе Фермопильском, но вместо кованого острия вложил в ясеновое древко золотую стрелу Аполлона, выпавшую из тела великана Ота. Поэтому и ночью и днем сверкал конец его копья, как золотой луч, и пронзало копьё не только дерево, но даже камень. Обладало то копьё одним свойством: в отважной руке оно било без промаха, а из руки труса летело мимо цели.

С тем копьем ходил мальчик-бог на охоту в леса Пелиона.

Много диких свиней и вепрей пронеслось в этот день мимо охотника. Попадались и барсы, и львы, но Железный Вепрь не встретился. Вдруг услышал Асклепий треск, и брызги искр метнулись в воздухе высоко над лесными деревьями. Закинул Асклепий назад голову и видит: стоит над лесом утес. На утесе Липа-Великанша. И треск, и искры с утеса.

Сжал крепче в руке мальчик копьё, побежал к тем брызгам искр. Бежит — ни дороги к утесу, ни тропы. Повсюду лес обрывается над пропастью. А за пропастью отвесные стены утеса. Но сердцем чувствует мальчик-бог, что Железный Вепрь непременно там, на утесе. Побрёл он по краю лесного обрыва и дошел до моря. Шумит море, бурлит, поднимает высокие волны, ударяет ими об утес, а одна волна всех выше, и качается на вершине волны зеленая дриада. Никогда не видел Асклепий, чтобы дриады качались, как nereиды, на волнах: лесного племени дриады, древесного. И видит Асклепий, что свисает с утеса к волне с дриадой от Липы-Великанши ветвь, и концы ее, словно

пальцы, то окунутся в воду, то вынырнут. Поиграла дриада на волне, ухватилась за пальцы-ветви и вот уже мелькнула высоко в воздухе. Подняла ее ветвь, донесла к стволу Липы-Великанши, и вновь опустилась ветвь к волне.

Засмеялся радостно Асклепий, кинулся к берегу моря, со скалы на скалу, с камня на камень, а там с волны на волну — и добрался до самой высокой волны, на которой прежде качалась дриада. И вот уже он на вершине волны, и над ним рука-ветка Липы-Великанши. Он к ветке — ветка к нему, и уже Асклепий в шатре-листве у Липы-Великанши гостем.

Выглянул мальчик-бог из шатра-листвы, видит: лежит против Липы огромный камень, и трется о камень железной спиной Железный Вепрь, и от трения сыплются из камня искры, словно из-под молота на наковальне. И клыки у Вепря железные, и копыта двойные железные, и хвост у него драконий, весь в зазубринах, словно две пилы по бокам хвоста, а в конце хвоста — голова змеи с жалом.

Смотрит Асклепий на чудовище-зверя, а в горах и лесах Пелиона, далеко и близко, слышен лай собак Актеона-охотника, слышны рёга призывные звуки, и гудят копыта Хирона: то не гон по зверю — верно, ищут его, беглеца, мальчика-бога.

Не отдаст он им такой добычи.

Соскочил Асклепий с дерева, выбежал из-под шатра листвы и стал против Вепря боком, как надо, как учил Хирон. А вслед ему шепчет Липа-Великанша:

— Чуть что, ты ко мне. Ухватись за любую ветку.

Засвистела змея в хвосте Вепря. Склонил голову зверь, уставил клыки и уперся передними ногами в землю, чтобы кинуться на охотника. Сияет в руке мальчика-бога золотое острие копья. Занес он его, ищет место, куда бы послать.

Весь в железе-бронне невиданный зверь: хвост — пила, резы — сабли, копыта — ножи: пырнет, и распилит, и срежет...

Даже бессмертное тело бога-ребенка уязвимо.

И кинулся Вепрь на Асклепия.

Не наметил охотник, куда бы метнуть копьё, а перед ним уж клыки, и зубья, и жала щетины, и туша горой. А кругом — камень, пропасть и море. Некуда отпрыгнуть мальчику-богу. Да вот лапа Липы-Великанши наклонилась веткой к нему. Подпрыгнул Асклепий, ухватился за нее и повис на одной руке.

Пронесся под ним Железный Вепрь. Застонала Липа-Великанша от удара кабаньего резца. За века своей жизни не знавала она еще такой раны.

И услышал Асклепий голос той зеленой дриады, что качалась на высокой волне:

— Что ты бьешь, меня, Древнюю, Вепрь! Пред тобою океанида Филюра.

Забилось гневом сердце Асклепия. Не даст он Древнюю в обиду. Прыгнул наземь и уметил золотым острием копья чудовищу в глаз. Замотал зверь страшной головой. Попало копьё ему в железное веко, и мгновенно раскалилось веко, стало красным и закрыло глаз. А копьё отскочило к Асклепию. Поднял его отважный мальчик-бог и уметил во второй глаз Вепрю. Раскалилось и второе веко. Слеп Железный Вепрь. А копьё уже снова в руках Асклепия.

Заметался Вепрь по утесу. Ударяется то о камень, то о ствол Липы-Великанши. В третий раз нацелился в зверя охотник — угодило копьё в щетину. Накалилась щетина, заалела, словно в горне панцирь с шипами. И, задыхаясь, весь сжигаемый собственной кожей, повалился Железный Вепрь на бок.

А лай собак и звук рога совсем близко. И вот выбежала стая псов на опушку леса, к обрыву над пропастью, а за ними охотники — и Хирон впереди. Видно им все, что на утесе: и Железный Вепрь, издыхающий на боку, и мальчик-бог — победитель.

Поднялся кентавр Хирон на дыбы и метнулся через

пропасть на утес. Только бросил взгляд на Вепря, как тотчас выкрикнул что-то голосом, незнакомым юношам-героям: кликнул Хирон древний клич титанов.

И Вепрь, приподняв голову, ответил сыну Крона — Хирону — тем же титановым кликом. И узнало сердце Асклепия, сына титаниды, клич титановой правды и тоже ответило кликом на клик.

Понял мальчик-бог Асклепий, что одолел он не зверя, а титана-оборотня в образе Железного Вепря, что он, титан, поразил титана.

Прохрипел Хирону Железный Вепрь:

— Хирон, я — потомок древних титанов, рожденный у океана в пещере, во мгле, от отверженной богами Змеедевы Ехидны. Я рожден уже в образе змея-зверя для битвы с богами Кронидами. Только тот, кто сильнее смерти, мог меня поразить. Видно, мальчик, сразивший меня, сильнее смерти. Слышу я голос его сердца: у него сердце титана. Кто ты, мальчик?

И сказал мальчик-бог:

— Я — Асклепий. — И хотел было вырвать копьё из тела Вепря.

Но Вепрь прохрипел:

— Жжет твоё копьё. Я сгораю. Но не спеши его вырвать из моего тела. Когда вырвешь, я тотчас умру. Теперь мы, потомки титанов, умираем, если не вкусим золотых яблок из сада Гесперид.

Печально стоял Хирон над потомком древних титанов. Дивились юноши-герои на той стороне пропасти отваге Асклепия.

Сказал Вепрь Асклепию:

— Чтобы впредь ты узнавал нас, змеев-титанов, вкуси моей крови, и постигнешь ты змеиный язык и образ и откроешь в змее-звере титана. Я сгораю. Вырви копьё.

И вкусил Асклепий титановой крови.

С той поры стал Асклепий владыкой змей.

Испустил дух Вепрь-дракон. И вдруг камень, века не срывававшийся с утеса, сорвался и увлек тело Железного Вепря в недра разверзшейся земли — матери Геи.

СКАЗАНИЕ О ВОЛШЕБНЫХ ПИСЬМЕНАХ ДОЖДЯ И О ВОЗВРАЩЕНИИ ГЛАЗ ХИРОНОМ ОСЛЕПЛЕННОМУ ГЕРОЮ-ПОЛУБОГУ ФЕНИКСУ

Еще багряный конь Утренник-Пёрфорос не отошел от ночных яслей, когда юноши-герои и Асклепий накиннули на плечи шкуры вепрей, надвинули их клыкастые головы на темя, взяли в руки пастушьи посохи и двинулись с Хироном в горы, на самую вершину Пелиона, чтобы прочесть при восходе Сириуса волшебные письмена дождя.

Никогда не спит соловей. И пока юные герои поднимались в полумгле лесами на вершину Пелиона, пел соловей — и один, и другой, и третий, — пел о волшебных письменах дождя, которыми записано, как у дезушки Филомелы отрезал свирепый насильник язык и как обратили ее боги в соловья, чтобы даром соловьиных песен вознаградить ее за исчезнувший человеческий язык. С той поры опьяняющим зельем звуков исцеляла соловьиная песня тех, кто болен утратой.

Сказал Хирон своим питомцам:

— Исцеляйте раны пением. О таком исцелении пением говорят нам письмена дождя.

Так взошли они на вершину Пелиона.

Говорили пастухи овец:

— Будто в эту пору, после восхода Сириуса, дождит Зевс-тучесобиратель. И в каплях волшебного дождя на

Пелионе скрыты мысли Зевса. Кто прочтет их, тот будет мудр и счастлив.

Но Хирон, сын Крона, говорил своим питомцам иное:

— Учитесь читать письма на дожде, как читают их птицы, звери и травы. На птичьем, зверином и травяном языке бегут с неба на землю дождевые письма. Кто прочтет их, тот узнает тайны исцеления. Будут ему ведомы волшебные заговоры. Откроет он тайну каждой былинки и каждого корня, и листа и ягоды, и всех соков и плодов на деревьях, и станет он врачом смертных племен. Только знаки лучей не таятся в дожде. Язык солнца и звезд — иной. Он — для бессмертных. Кто прочтет знаки лучей, тот откроет тайну вечной жизни.

И сказал мальчик-бог Хирону:

— Я хочу прочесть и знаки лучей.

Полубогу Фениксу выжгли глаза.

Тогда герой-полубог Пелей взял за руку друга и сказал:

— Мы пойдем на Пелион, к учителю Хирону.

Он — исцелитель.

И пошли.

Осторожно ступал Феникс, подобно зрячему, вдруг попавшему ночью в незнакомое ему жилище, в котором темно.

И пришли Пелей и Феникс к Хирону.

— Вот и я, отец, — сказал Пелей. — Я к тебе на Пелион из Калидона. Слышал я о вашем Железном Вепре, но и Калидонский Вепрь был не хуже.

— Рад тебе, что вернулся зрячим. Но с тобою, вижу, слепой Феникс. — И Хирон заглянул в выжженные глаза слепого. Спросил:

— Феникс, Феникс, где твои глаза?

И ответил Феникс:

— Я слеп.

И спросил Феникса Хирон:

— Раньше, Феникс, ты не был слепым?

— Я был зряч, Врачеватель.

Но Хирон покачал головою:

— Многим кажется, что они зрячи. А у них только слепота зрячести. При всей своей зрячести они слепцы. Не лучше ли тебе остаться слепым и познать, как слепой провидец Тиресий, зрячесть слепоты? Многие слепые более зрячи, чем неслепые.

Ответил Феникс:

— Я хочу иметь свои глаза, Хирон, а не глаза богов, подателей прозрения. По мне, лучше своя слепота зрячести, чем чужая зрячесть слепоты. На мой краткий срок жизни мне было довольно и моих человеческих глаз.

— Хорошо,— сказал Хирон и повернул его лицом к солнцу.— Стой и смотри, Феникс, в самое солнце. Смотри в самое солнце и люби солнце. Будешь любить солнце, и пошлет тебе Гелий свой солнечный глаз с неба. Но только умей любить солнце, крепко любить!

Стоит Феникс, смотрит Феникс в солнце, как велел ему Хирон. Щекочут лучи ему глазницы, и только.

Набежало облачко. Закрыло темно-сизое облачко солнечный блеск и свет. И ушло облачко.

А Феникс все смотрит в самое солнце да смотрит.

Долго смотрел Феникс.

— Что же,— спросил его Хирон,— ты все еще слеп, Феникс?

— Слеп, учитель.

— Значит, мало ты любишь солнце. Люби больше, и пошлет тебе Гелий с неба свой солнечный глаз.

Снова стоял Феникс. Снова смотрел выжженными глазницами в самое солнце и все же оставался слепым.

Тогда отвел его Хирон к краю поляны, где обрыв, и сказал:

— Не умеешь ты, Феникс, любить солнце жизни. Не получишь ты в дар, как счастливицы, от Гелия солнечных глаз с неба. Что ж, где дар с неба не падает, там надо счастья достигать трудом: не дар — так только труд. Подожди до утра.

Ранним утром, когда голубка, как всегда, принесла Хирону в пещеру в своем зобе каплю амброзии, бережно принял на лепесток этот дар Гесперид чудесный врачеватель и, как жемчужину, скатил ту каплю бессмертия с лепестка в чашечку цветка, полную ночного нектара, и смешал их. Затем из груды драгоценных камней (а таких груд было немало на мху в пещере) выбрал опалы, голубую бирюзу и синие сапфиры. Взвесил их в горсти, перетер в каменной ступке пестом в порошок, обрызнул порошок россыпью песку золотого и месить стал эту смесь в розовом масле, эфирном, густом и легком. Из утренних фиалок, из полуденных роз, из вечерних нарциссов и ночных маттиол добывали это масло нимфы лугов и лесов. Стянулась смесь тестом. Два глаза вылепил из теста Хирон, вложил в каждый глаз по осколку кристалла и в каждом сделал по ямке. Совсем глаз как глаз, но еще слепой.

И вот влил в те ямки Хирон из чашечки цветка смесь амброзии с цветочным нектаром и сверху прикрыл те ямки каплей вина от первых лоз Диониса.

Стояли поодаль полубоги — юные герои и красавица Меланиппа и смотрели.

Но рядом с врачевателем Хироном, распахнув так широко ресницы и не отрывая глаз от рук кентавра, стоял Асклепий — мальчик-бог. Голубая змейка обвивала кисть ребенка, и с нею играли его пальцы.

А над обрывом, у края поляны, сидел слепой и слушал жизнь. Как много в ней неведомых ему прежде голосов!

Сказал Хирон:

— Встань, слепой. Пойди навстречу своим глазам.

Встал Феникс и пошел на голос.

Он шел, а зелено-золотая муха кружилась, жужжа,

перед его лицом, вглядываясь так любопытно, назойливо и жадно всеми своими мушиными глазами в глазницы слепого, в их свежие язвы меж струпьев век. Сердилась, сустилась муха: так много хлопот в жизни у зелено-золотой мухи. И знать ей хотелось, и урвать ей хотелось: ведь мухе нужно!

Вложил Хирон в глазницы Феникса глаза и повернул его опять лицом к солнцу:

— Смотри, Феникс.

И когда веселый солнечный луч кинулся шаловливо к глазам слепого, откусил Хирон осколком кристалла кончик луча, расщепил тот кончик надвое и впустил в оба глаза слепцу по лучику-отщепку. Заиграли золотые песчинки-искорки в глазу. Заголубел эмалью опал с бирюзью, засиял сапфир, напились лучики-отщепки вина и амброзии, опьянели, ударились о кристаллики, что вложил в ямки Хирон, и кинулись опрометью из глаз обратно к солнцу, перепутав пути.

И тут вскрикнул Феникс:

— Ушла тьма от меня, Хирон! Я тебя вижу. Я прозрел.

Но Хирон-врачеватель снова покачал головой, как прежде, и, смахнув с крупа конским хвостом зелено-золотую муху, сказал:

— Еще рано. Это твой глаз видит солнце, а ты сам еще солнца не видишь. Не вошло оно в твое сердце, не осталось там горячим лучом. Только любящий солнце зряч. Но можно прожить и так, полузрячим. Чтобы стать зрячим, научись любить солнце, как любит солнце Асклепий.

Улыбнулся мальчик-бог, победитель Железного Вепря, в ответ на слова Хирона. Обнял конскую ногу бессмертного кентавра, прижался к ней и, запрокинув назад голову, сказал:

— Да, отец, я и змейка — мы любим солнце.

И огромный Хирон, сын Крона, поднял человеческой ладонью мальчика с земли и посадил его себе на конскую спину. А потом так весело заржал человеческим ртом ему в

утеху и пошел широкой иноходью с богом-ребенком на спине туда, вверх по тропе, в леса и луговины Пелиона.

Тут крикнул Меланиппе Актеон:

— Поскачем и мы, Меланиппа! — и положил ей на спину ладонь, на то место, где ямка у конского крупа.

Сверкнули друг на друга глазами искоса Меланиппа и Актеон и взяли броском с места вскачь. Славный бросок, Хиронов! А вслед за ними вдогонку сорвались две птицы с дерева, а за птицами — два Ветра. Да где им!

Разошлись герои и гости кто куда. Один Феникс остался на поляне. Опустился он одиноко на траву под платаном-исполином и задумался. Видят мир глаза, да не так видят его, как прежде, а еще и по-иному: невидимое видят; не одну простую правду видят, но и правду чудес. Верно, эти чудо-глаза — не просто глаза. Но зачем ему видеть невидимое? Не титан он, не бог.

Лучше видеть мир попросту, как все зрячие.

И снова задумался прозревший Феникс.

СКАЗАНИЕ О ДВУХ КОРНЯХ ПОЗНАНИЯ

Медленно ступал Хирон с мальчиком-богом на конской спине. Он пытливо вглядывался в травы и часто останавливался, ощупывая ногой почву.

— Что ты ищешь, отец? — спросил Асклепий.

— Я ищу целебные корни.

И вот, осторожно копнув копытом землю, вырвал он рукой из земли мохнатое растение.

— Один корень я нашел, — сказал Хирон, — найдем и второй.

Вскоре в тенистом, глухом месте вырвал он еще один корень. Стряхнув с корней землю и оmyв их в ключе, по-скакал Хирон к самой вершине Пелиона, держа оба корня в руке. Один корень был черен и короток, другой был белый и длинный.

На вершине Пелиона соскочил Асклепий со спины бессмертного кентавра, и оба присели на дерн — кентавр Хирон и мальчик-бог Асклепий.

Неведомая Асклепию притягательная сила исходила от корней в руках Хирона, и жадно-любопытно смотрел на них мальчик-бог.

— Вкуси от него, — сказал Хирон и протянул Асклепию белый корень.

Откусил мальчик-бог и сказал:

— Он сладок.

— Это корень познания. Он сладок, но плоды его горьки.

И Хирон протянул ему второй корень:

— Теперькуси и от этого.

Откусил Асклепий и от второго корня и, не выбрасывая куска изо рта, сказал:

— Он горек. Но я буду есть, раз ты мне его дал, отец. — И мальчик-бог съел кусок черного горького корня. И когда съел, сказал Хирону: — Мне кажется, что он стал слаще.

— И этот горький корень — тоже корень познания, — сказал Хирон. — Но его плоды сладки.

Держа оба корня в руках, внимательно всматривался в них Асклепий. Затем, указав на сладкий корень, спросил мальчик-бог Хирона:

— Что в нем?

И ответил Хирон:

— Радость мысли, побеждающей смерть.

— Что же в горьком корне, отец?

— Горечь мысли.

— Расскажи мне об этих корнях, — попросил Асклепий Хирона.

И Хирон рассказал Асклепию.

— Сладким породила мать-Земля Гея корень познания, и еще слаще были его плоды. Для радости своих детей создала она этот корень. Но боги постигли, что познание — сила, и сделали его плоды горькими для людей. И когда из горьких плодов упали на почву семена, выросли из этих семян горькие корни познания, и отдали боги эти горькие корни смертным. Но когда из этих горьких корней выросли плоды, плоды оказались сладкими, и забрали боги эти плоды себе, оставив смертным только самые корни.

Смокли и мудрый кентавр и мальчик-бог; оба озирали землю с высоты Пелиона. Там вддали, на глубине, в стороне заката, земля постелила равнины меж нагорий для лучей солнца, и в том котле солнечных лучей все цвело, золотилось, пестрело и играло. Не залетали туда сердитые фракийские Ветры. Обширными плодовыми садами-рощами была богата там почва. Называли ту сторону Пчелиный Элизий.

А в стороне восхода срывались в море отвесные стены скал. Там виднелись оскалы ущелий и темная чаша. Там кругом бездорожье и свирепая пляска Вихрей. Туда слетались они для борьбы. В вечной свалке клубились и вздымались там тучи и гремели волны и камни. Жесткие колючие плоды росли там среди пут из лиан, и называли ту сторону Входом в тартар.

Сказал мальчик-бог:

— Я понял: радость мысли дана бессмертным богам, но плоды ее горьки для смертных людей. Горечь мысли дана смертным, но плоды ее сладки для богов. Отец, и я для смертных сделаю сладкими плоды сладкого корня познания. Я исцелю их от смерти. Верну героев из аида. Отец, мне надо поскорее все познать, чтобы успеть это сделать вовремя.

Тогда поднял свое могучее тело Хирон от земли и весело крикнул:

— В дорогу! Прыгай на спину Хирону, сыну Крона!
В путь, к исцелению смертных от смерти! Ты — веселый
ребенок.

СКАЗАНИЕ О МЕЛАНИППЕ, ДЕВУШКЕ-КЕНТАВРЕ

Скачет Меланиппа. Ее рука на плече Актеона. Рука Актеона на крупе Меланиппы. Откинулась красавица девичьим торсом к конской спине, закинула другую руку за голову, смотрит в небо и взбивает копытами воздух. Не отстает юноша-герой. С нею он рядом несется прыжками, да какими! Скоком в конский скок. То взовьются оба до макушки дерева, то над речкой взлетят — с берега на берег. Только высунет из воды голову наяда и прокричит им вслед: «Добрый путь!», а они уже мелькнули над другой речкой.

Говорит лань лани: «Нам бы так!»

Говорит коршун коршуну: «Нам бы так!»

Только дуб вековой грозит им вдогонку, ворча:

«Ух, доскачетесь, скакуны! Не такие на моем веку скакали. А куда доскакали? Всё на ветер. А я вот стою. И кора у меня корою, и сукі у меня сукáми, и желуди у меня желудями, и растет у меня год от года под корою летопись кольцами».

А в лесу топ и гуд от скачки юноши-героя и Меланиппы.

Прежде не с Актеоном, а с мальчиком-богом Асклепием убегала Меланиппа в горы. И как сейчас Актеон, так, бывало, тогда Асклепий, положив ладонь на изгиб конской

спины Меланиппы, ускорял бег, чтобы не отстать от девушки-кентавра.

Но однажды посмотрела Меланиппа лукаво на мальчика-бегуна, скачущего с нею рядом, и рванулась вперед, высоко выбрасывая передние ноги в воздух и все усиливая резвость бега. Упираясь рукою о круп Меланиппы, неся рядом с ней мальчик-бог. И взяла Меланиппа Хионову скорость, незнакомую еще мальчику-богу. И уже отрывалась его рука от подруги, уже отделялась от него Меланиппа, и, не выдерживая резвости бега, не зная, что может он нестись по воздуху, как боги, вскочил мальчик-бог прыжком впервые на конскую спину Меланиппы и обхватил руками ее девичий стан.

Дико вскрикнула Меланиппа, взвилась на дыбы, метнулась через поваленные деревья и понеслась в безумящей душе скачке по лесным дебрям.

Словно незримый огонь исходил от Асклепия и проникал в Меланиппу — так вся горела она. Сжав бедрами конские бока и крепко обхватив подругу, мальчик-бог цепко сидел на ее конской спине, упиваясь бешенством бега. И с высокого, крутого берега кинулась Меланиппа в горную реку, окунулась и сбросила наездника в воду.

Как весело смеялся тогда Асклепий, выплыв на берег и дразня Меланиппу:

«Я объездил тебя, внушка Хирона! Бойся богов.— Но потом взгляделся в нее и серьезно добавил: — Но я так люблю тебя».

Тревожно-смущенным взглядом, без улыбки, строго смотрела на мальчика Меланиппа. Что-то поняла она в нем такое, чего не было у полубогов-героев и что было сильнее ее, вольной внучки титана Хирона. Удивилась, что он, ребенок, так могуч. Но понять до конца и высказать себе не могла. Не испытывала еще на себе юная титанида силу богов.

И хотя любила этого чудного мальчика-бога, но с тех пор не повторяла с ним скачки и в горы с ним не убегала.

Но и мальчик-бог что-то понял в ней и сам не звал ее на прогулку. Только как-то еще раз захотелось вскочить ему ей на спину, но Меланиппа сказала:

«Не надо меня покорять. Мы и так любим друг друга».

И Асклепий ей серьезно ответил:

«Любим. Поцелуй меня, Меланиппа».

И Меланиппа приподняла его девичьими руками к себе и поцеловала мальчика-бога.

И тогда он сказал ей:

«Ты другая, чем Оккиро́».

И сейчас, во время скачки с Актеоном, вспомнила Меланиппа о том бешеном беге с Асклепием и о его словах: «Бойся богов». Что-то тревожило ее. И на всем скаку, оторвавшись от Актеона, внезапно остановилась она и замерла.

Золоторогая лань, сверкнув золотой искрой, перебежала им путь.

— За ней, Меланиппа! — крикнул охотник Актеон.

Не внял он тревожному крику подруги: «Стой! Не преследуй лань Артемиды!» — устремился за ланью.

Все тело Меланиппы трепетало. Она врезалась передними копытами в землю и к чему-то прислушивалась.

Думала Меланиппа: не нимфа ли Эхо ей вторит? Но Эхо — веселая. А топот был невеселый — грозный. Прислушалась: смолк стук копыт.

Стала лакомиться Меланиппа молодыми орехами. Сорвала богатое лесное яблоко и легко побежала.

Снова тот же топот позади. И так близко. Но не приближается. Остановится Меланиппа — и смолкнет топот. Поскачет — и позади кто-то скачет незримый. И ни ближе, ни дальше. Так не скачет дикий кентавр. Тот ждать не будет: кинется к ней. Да уйдет она от кентавра.

Не возвращался Актеон. Увела его лань с Пелиона.

И почуяла Меланиппа близость кого-то из богов Кроноидов.

Любят боги забавы.

Владыка вод мировых скакал за Меланиппой.

Во мгновение мог настигнуть Меланиппу Посейдон. Повелел бы — и камень или старый пень свалился бы ей под ногу. Но хотел бог вод позабавиться скачкой. Как мрак, тяжелый и огромный, скакал Посейдон за девушкой-кентавром, не открываясь ей. Гудели его копыта. И шарахались в сторону от него деревья на Пелионе.

К пещере Хирона неслась Меланиппа. По тяжкому грохоту копыт и выкрикам речных нимф и ключей догадывалась она, кто ее преследует. И у самой поляны почувствовала, что уже догнал ее преследователь и дохнул ей огненным дыханием в спину. Но отважной была Меланиппа — внучка титана. Не оцепенела от робости. Выскочила на поляну прямо навстречу Хирону. Вышел он как раз из пещеры на гуденье копыт моредержца и увидел самого Посейдона. Не укрыть бессмертному своего образа от другого бессмертного. И открылся Посейдон.

Брат стоял против брата. Оба они сыновья Крона — и олимпиец Посейдон и титан кентавр Хирон. А поодаль, у входа в пещеру, вся дрожа от бега, стояла Меланиппа.

— Отступи перед богом, Хирон,— сказал владыка вод.— Отдай мне Меланиппу. Иль воздвигну я волну превыше Пелиона и затоплю его и твою пещеру. Будут волны гулять над нею. Будут nereиды качаться на волнах.

Ответил ему Хирон:

— Священной клятвой Стиксом поклялись Кронида не вступать со мною, сыном Крона, в бой и жить с Хироном в дружбе и мире. Вам, богам, дан Олимп, мне — Пелион. Что престапашь ты клятвы богов? Есть сила превыше твоей силы. Ты властвуешь над водами мира — я познаю мир и учу познанию других.

И гневно возразил мудрому кентавру владыка вод:

— Не учи смертных знанию богов. Горьким будет для них это знание.

И как раз тогда, когда это говорил олимпиец, выходил из лесу мальчик-бог Асклепий. Услышал он слова Посей-

дона и, став между могучим богом и Меланиппой, смотря бесстрашно в глаза свирепому Крониду, сказал:

— Говоришь, горьким будет для смертных познание? Я сделаю его для них сладким. Не простирай своей силы на Меланиппу. Асклепий охраняет ее. И я бог, как и ты.

И увидел владыка вод, как мгновенно озарился Олимп при словах мальчика-бога, и, исполненный ярости, отколол мощным ударом ноги край уступа, века нависавшего близ пещеры Хирона, и, ринув его в пропасть, исчез в грохоте обвала с Пелиона.

СКАЗАНИЕ О МЫСЛИ АСКЛЕПИЯ У ГРОТА РЕЧНОЙ НИМФЫ ОКИРРОЭ

У грота близ потока, где пестовала Окирроэ Асклепия, сказал ей мальчик-бог, победитель Железного Вепря:

— Окирроэ, я рожден в огне костра, в котором Аполлон сжигал мою мать, титаниду Корониду. Меня вырвал Аполлон из огня и принес к тебе, Окирроэ. Ты кормишь героев сырым сердцем вепрей и львов и мозгом медведей, чтобы отважными были их сердца и мысли. Но мне не нужны сердца львов. Мое сердце забилося в огне. Оно огненное. О, как часто я чувствую, будто я ношу солнце в груди! Не хочу я называться богом. Я хочу называться титаном.

Сказала Окирроэ:

— Ты растешь, как бог, перегоняя время. Вчера ты был намного ниже.

И ответил Окирроэ мальчик-бог:

— Мне надо спешить с ростом, Окирроэ. Некогда мне быть маленьким. Надо сразу вырасти в большого титана.

Моя мать титанида, и я чувствую, что я тоже титан и только так себе бог. Я — такой, как Хирон. Вчера я вкусил два корня познания на Пелионе. И сказал мне Хирон: «Один корень познания сладок, но плоды его горьки. Другой корень познания горек, но плоды его сладки. Выбери». И теперь я, Асклепий вчерашний, кажусь уже себе маленьким. Я, Асклепий сегодняшней, с о в ч е р а н а с е г о д н я вырос: вижу то, что вчера не видел, слышу то, что вчера не слышал. И себя сегодня я вижу другим... Окирроэ, знаешь ты язык птиц и зверей? Могла бы ты с ними говорить?

Сказала Окирроэ:

— Из моего потока пьют воду и звери и птицы. Мне внятны их желания и чувства. Но слов их не знаю. И без языка мы друг друга понимаем.

— Окирроэ, я сегодня узнал их язык! Видел, как в лесу, в одряхлевшем, высохшем дереве, умирала дриада. Дерево было без листьев, немое и голое, а кругом все звенело от зеленого смеха листвы. Я услышал, что сказал заяц зайчихе, когда умирала дриада. Не хотела она умирать. Из юной и прекрасной, как ты, у меня на глазах она стала старухой, вся сморщилась, ссохлась — и казалась не дриадой, а куском коры, отпавшим от трухлявого дерева... Сказал заяц зайчихе, что заяц живет вчетверо дольше вороны, а ворон живет втрое дольше зайца; птица-феникс живет девять сроков, отведенных черному ворону, а дриада — только в десять раз дольше феникса. Это очень мало, Окирроэ... Окирроэ! Когда я буду большим титаном, я решил сделать смертных героев бессмертными. Уйдут они в мир мертвой жизни — я верну их к жизни живой. Но богом я быть не хочу.

Закрыла Окирроэ благоухающей ладонью рот мальчика-бога и сказала:

— Опасно богу не хотеть быть богом. Опасно называться титаном. Крониды их ненавидят, и Зевс низверг их молниями. Молчи о титанах, Асклепий, как молчит сын

Крона Хирон. Боги все слышат. И не думай об этом. Боги мысли читают.

Ответил, смеясь, Асклепий:

— Они могут прочесть мысли смертного. Я не смертный. Не прочел Кронид мысль Прометея¹.

Но Кронид на Олимпе слышал слова мальчика-бога. Давно заметил с Олимпа Кронид, как любит Асклепия-ребенка Хирон, и решил испытать мысль и мощь мальчика-бога.

Большими открытыми глазами ребенка смотрел Асклепий пытливо в мир живой жизни. Казалось, что глаза его всегда удивляются чуду жизни. Но что-то грозное, как безмолвный гнев, как предвестие великой бури, стояло в этих широко открытых глазах ребенка.

Сам того не зная, он жалел. Но в глазах его была не жалость. Было в них нечто другое — то, что так любил в них Хирон: понимание и солнечный свет — благодатный, изливающийся в жизнь, полный огня и тепла. И казалось, будто всё уже понял Асклепий.

ПЕСНЯ ОКИРРОЭ ОБ ОЙГЛЕ-КОРОНИДЕ, ДОЧЕРИ ОГНЕННОГО ФЛЕГИЯ, И О БЕЛОМ ВОРОНЕ

Сказал Асклепий, победитель Железного Вепря:

— Расскажи мне, Окирроэ, кто я.

О, если бы Окирроэ не знала! Не стала бы она тогда

¹ Прометей знал, от какой богини должен родиться у Зевса сын, который будет сильнее его и его молний и свергнет Зевса: от Фетиды.

Гиппой. А ведь Гиппа — только кобылица. Но пока Окирроэ — речная нимфа.

И запела Окирроэ песню:

— Близ Бойбейского озера, или там, у ключей Амирбса, или там, где близ Трикке протекал Лефэй, где к морю гранитные ворота, где оливы, и яблоки, и груши, где лимонные и апельсиновые рощи, родила сверкающая Ойгла, по прозванию Коронида, Асклепия.

И узнал только белый ворон, от кого родила Коронида.

Если б не было голоса у ворона, если б не был ворон дозорщиком, остался бы ворон белым, не пылал бы костер Корониды, не рожала бы она в огне младенца.

Там, где горный вал отделяет от равнин Фессалии море, где за Оссой склон у Агии, у подножия хребта Пелиона,— там жила Ойгла-Коронида, дочь огненного Флегия-титана, из племени непримиримых...

Так пела Окирроэ, и слушал ее песню мальчик-бог. Сказал:

— Спой мне не такую песню, а другую. Расскажи мне: кто мой отец?

Тяжко вздохнула Окирроэ, задумалась — и вот потекла ее речь:

— Когда ворон был еще белым и был вещим спутником Аполлона, встретил юноша-бог Аполлон близ подножия Пелиона титаниду Ойглу-Корониду. И таким золотым и солнечным предстал он пред дочерью Огненного, что не убежала от него Коронида, и обласкал он ее солнечным сиянием. Говорили кругом — от Дельф, приюта Аполлона, до Оссы, Пелиона и Олимпа, что понесла она дитя от Аполлона.

Был у матери-Земли Геи и Урана сын титан, по имени Исхий-Силач. Укрывался он от глаз победителей Кронида в лесах Пелиона, и считали его древолюди-лапиты сыном их вождя, муже-ели Элатона. Был он другом Огненного Флегия и спутником лесным Корониды, когда в тень

листвы уходила она от зноя. И не знал Аполлон, что соперником был ему лесной титан Исхий.

Летал по лесам Пелиона посланцем Аполлона белый ворон. Переносил он с Пелиона вести в Дельфы. И однажды увидел ворон, как встретились Коронида с Исхием-титаном в темном бору. Разболтал об этой встрече белый ворон по лесу. Раззвонили рассказ вóрона листья листьям, прокатился звон рокотом-покотом по горным ручьям и пошел гулять от горы к горе, по прогалинам и щелям, пока снова не дошел до белого ворона. Как услышал белый ворон то, о чем сам же разболтал по лесу, не узнал он своего рассказа — такое услышал он с высокого вяза о встрече Корониды с Исхием. Полетел ворон в Дельфы к Аполлону — пересказать ему слыханно-неслыханное: Исхию-лапиту предпочла Коронида Аполлона, опасалась, что покинет ее дельфийский бог.

Так стал ворон вестником злосчастья.

Разъярился Дельфиец. Пронесся грозно по Пелиону в поисках Исхия-лапита и поразил его золотой стрелой на пороге обиталища Флегия-титана. Но боя с самим Флегием не принял. Устремился на поиски Ойглы-Корониды.

Нашел он ее у Бойбейского озера, не могла роженица-титанида укрыться от бога. Выбросил Аполлон из колчана свои золотые стрелы на землю, словно частоколом окружил ими Корониду, и от солнечных стрел поднялось вокруг нее пламя.

Запылали травы и вереск, запылали кусты и деревья, высоко взметнулись языки огня и опоясали стеной мать-рожицу. Горела Коронида в Аполлоновом огне, но не сгорела. Была она дочерью Флегия — из огненного рода титанов. И средь пламени родила она в огне младенца.

Сквозь завесу золототканую огня смотрел бог Аполлон на Корониду с новорожденным на коленях — как сидела она среди пламени костра, им самим казнямая, сыном Зевса. Рядом с богом на камне сидел белый ворон-передатчик и тоже смотрел на мать с младенцем.

Тут крикнул белому ворону бог:

«Перенес ты мне черное слово, ворон! Будь же ты и сам отныне черным».

И с той поры стал белый ворон черным.

Подползли языки огня к Корониде. Обняли ее руки и ноги. И уже руки у Корониды огненные, и уже ноги у Корониды огненные. Начал огонь добираться до младенца.

Боги Кронида не знают жалости. Но будто сжалился над младенцем Аполлон. Разделил он надвое пламя костра и вырвал из огня новорожденного.

А сама Коронида превратилась в огонь и с огнем слилась: напоила собою, своей солнечностью, золотые стрелы Аполлона...

Умолкла Окирроэ.

И сказал мальчик-бог речной нимфе:

— Не все боги безжалостны.

Улыбнулась ему нимфа Окирроэ, встала и хотела погрузиться в свой поток. Но удержал ее мальчик-бог, ей и себе на горе.

Сказал:

— Не все песни спела ты мне, Окирроэ. Спой мне еще песню о том, почему не отстоял титан Огненный Флегий мою мать, Ойглу-Корониду.

И снова запела Окирроэ песню:

— Был храбр Флегий-титан, вождь лапитов. А лапиты — лесные древолюди. Так отважен был Флегий, что Кронида называли его сыном Арея. Был он крепок титановой правдой, и мятежное жило в нем пламя, словно богом он был лесных пожаров. Потому и Огненным прозвали Флегия лапиты и дриопы — крепкодумов дремучее племя. Был он солнцем, был огнем лапитов, потому ненавистен Аполлону: не терпел Аполлон другие солнца.

И когда погибла Ойгла-Коронида, столкнулись Аполлон и титан Флегий. Флегий сжег его приют дельфийский, Аполлон метнул стрелы в бор лапитов. Запылали леса Пелиона, загорелись древолюди, муже-сосны, всё Питфеев

смоляное племя, а за ними муже-ели — Элатоны, и Дриасы — муже-дубы, и Мелѳии — ясени-копейщики горели.

Умоляла богиня облаков Нефела Зевса дождем милосердия пролиться над народами лесными Пелиона, угасить пожар, не жечь лапитов.

Но лапиты — титаново племя. Запретил Кронид угрюмым тучам двинуться на Пелион с громами, излить дыханье рек на пепел, чтоб озлилось пламя, закипело, чтоб на пар обменяло клубы дыма и задохлось под влажными парами.

Тогда дал совет Хирон Нефеле: собрать стадо облаков над Пелионом, чтобы в огненные ведра пожара облачных коров доила с неба. Приняла она совет кентавра и, смеясь над огнем, коров доила: закипало в вымени коровьем молоко от жара Пелиона. Стался пар молочный. Не дождало. Погибали лапиты и дриопы.

И пришла к ним на помощь Филюра. Одинокó стояла на утесе Великанша-Липа Филюра. Крикнула она ручьям и рекам, и ключам пещерным и подземным, вызвала их из глубин на почву. От подножия, вершин и дальних склонов потекли они по Пелиону. Забурлили по лесным трупобам, где в пламени сгорали лапиты; утопили в бурных водах пламя.

Еще хвоя под корою пепла тлела и еще дымилась жарко почва, когда с неба Аполлон стрелою пронзил грудь Флегю-титану. И титана солнечное тело приняло стрелу Солнца-бога, как лучи принимают луч разящий.

Тут воскликнул отважный Флегий:

«Тешься! Не страшат меня, дельфиец, твои стрелы. Не страшат меня и молнии Зевса. Потушили воды Пелиона пламя, поднятое вами, Кронидами. Не погибло мое племя лапитов».

И горящей палицей ударил в золотое тело Аполлона. Но растаял ее огонь в его блеске.

Так сражались долго без успеха боги солнца, огненные боги.

Но услышал Кронид-олимпиец слово гордое Флегия-титана. Тяжко грянули громовые молнии, огненное Огненного титана, и низвергли в тартар с Пелиона Флегия, отца Корониды...

Так закончила песню Окирроэ.

СКАЗАНИЕ О КАРЕ, ПОСТИГШЕЙ НИМФУ ОКИРРОЭ, И ОБ ОГНЕННОМ КЛУБНЕ ЖИЗНИ

Спела Окирроэ Асклепию песню о его матери — титаниде Ойгле-Корониде и об Исхий-титане.

Текли волны потока Окирроэ в сторону заката, к Анавру. Слышали они песню Окирроэ о Корониде, рассказали о ней волнам Анавра. Потекли волны Анавра, нырнули в недра горы, вынырнули к потоку Ворчуну, рассказали о песне Окирроэ. А Ворчуна ворчливые струи рассказали о ней Горючему ключу. И разнеслась по всей Фессалии многовольная песня о загадке-тайне рождения Асклепия, сына Корониды.

Спросил мальчик-бог у Окирроэ:

— Ты скажи мне, Окирроэ, не сын ли я Исхия-титана?

Ничего не ответила Окирроэ. Но услышала вопрос Асклепия горная нимфа Эхо. Услышала и повторила:

— Не сын ли я Исхия-титана?

Повторила и резво побежала через ущелья и перевалы, сама с собой перекликаясь:

— Не сын ли я Исхия-титана?

Знала Окирроэ, что карают боги тех, кто открывает смертным тайны богов. Открыла она тайну мальчику-богу, а узнали о ней племена людей.

Сидела она на берегу своего потока, и вот легла черная тень коня на берег и подошла вплотную к Окирроэ. И вдруг показалось Окирроэ, что от нее самой падает эта тень коня. Затрепетала речная нимфа. Взглянула в зеркало вод потока, как некогда взглянула Харйкло, и увидела не себя в воде, а кобылицу. Хотела Окирроэ сказать слово, а издала только жалобное ржанье.

И осталась речная нимфа навсегда кобылицей. Покарал ее Аполлон.

Одно только слово могла она выговорить:

— Гип-па.

Потому и прозвали с тех пор Окирроэ Гиппой-кобылицей.

Погрузилась Гиппа в горный поток, стала Гиппа речной кобылицей. Приходил, бывало, мальчик-бог к потоку, вызывал свою пестунью, Окирроэ. Высовывала Окирроэ конскую голову из воды и печально говорила:

— Гип-па.

И ей в горах отвечала нимфа Эхо:

— Гип-па.

Подходила к потоку красавица Меланиппа, вызывала из быстрины свою мать, Гиппу-Окирроэ, и рассказывала ей о делах богов, кентавров и героев на Пелионе. Слушала ее Гиппа и порою жалобно ржала.

В печали бродил мальчик-бог Асклепий по Пелиону в поисках корней познания, чтобы вернуть Окирроэ ее былой образ. Знал, что не может бог идти против других богов. Покарал Окирроэ сам Аполлон, извлекший его из огня, и не мог он враждовать с Аполлоном. Но ведь был еще Асклепий и титаном.

И явился ему окутанный полупрозрачным облаком Зевс в образе лапита, с золотым лукошком в руке.

Не мог Зевс явиться перед ребенком во всей своей мощи и славе, чтобы не сжечь его громово-огненным дыханием, если в мальчике есть смертное зерно.

Мгновенно узнают боги богов. Узнал Асклепий Кро-

нида, и то грозное, что стояло в глазах Асклепия, вдруг разом окрепло, и бог-ребенок стал мощен.

Спросил Асклепий Зевса:

— Это ты держишь молнии в руках, испепелитель титанов? Не таков твой образ, какой ты принял сейчас. Почему же не предстал ты предо мной в громах и молниях? Ты хитрый бог.

— Ты еще слаб и мал,— ответил Кронид,— не выдержишь ты моего образа.

И услышал ответ:

— Явись таким, каков ты есть.

И явился Зевс Асклепию таким, каким являлся титанам в битве: огромный, со страшилищем-эгидой на груди и перуном в руке, средь громов и молний. Притихло все живое в лесах и горах Пелиона, укрываясь от блеска и грохота громовых ударов. А мальчик-бог сказал:

— Мне не страшно. Не сжег ты меня блеском своей славы. Ты только бог и не больше. А мир огромно-большой, и мысль Хирона больше тебя, владыки Олимпа.

Удивился Молниeverжец, свергающий в тартар титанов, отваге мальчика-бога. Сказал:

— Вижу, не смертный ты. Но вполне ли ты бог? Мало родиться богом — надо еще научиться быть богом. Не титан ли ты, мальчик?

Так испытывал Зевс Асклепия. И, проникая в него своей мыслью-взором, хотел Зевс прочесть его мысль.

Спросил мальчик-бог:

— Зачем тебе молнии, Кронид?

И ответил Владыка богов:

— Чтобы силой выполнить веления Дики-Правды.

И, услыша ответ, исполнился теперь удивления Асклепий.

— Но ведь сила в знании,— сказал он.— Я вкусил уже от его корней.

Улыбнулся владыка Олимпа и, вынув из золотого лукошка багряный клубень, сказал:

— Если ты бог, то отведай.

Но чуть коснулся Асклепий этого багряного клубня губами, как словно огнем чудно ожгло ему язык, и небо, и рот, и вошла в него огненная сила от клубня.

Стал Асклепий мощью равен богам Олимпа.

Сказал Зевс:

— Это огненный корень жизни. Ты отведал от него и не сгорел. Теперь ты научился быть богом.

— Я дам его отведать Окирроэ,— радостно сказал мальчик-бог.

— Дай,— ответил Зевс и снова улыбнулся ребенку.

Но коварна улыбка богов Кронидов.

Так расстались два бога — Властитель молний и мальчик-бог Асклепий.

И сказал Зевс на Олимпе богам, испытав Асклепия:

— Он бог людей, а не бог богов. Пусть жилищем ему будет земля, а не небо.

Мгновенно достиг Асклепий потока, где жила Гиппа-Окирроэ. Вызвал ее из воды и, ликуя, воскликнул:

— Выйди на берег! Я принес тебе из мира правды чудес корень жизни. Отведай его — и вернется к тебе твой былой образ нимфы навеки.

Но забыл он сказать Окирроэ, от кого получил этот корень. Вышла она из воды, и вложил ей Асклепий огненный корень в ее конский рот Гиппы-кобылицы. Но чуть коснулся чудного корня ее язык, как она мгновенно сгорела. И осталась от Гиппы-Окирроэ на берегу потока только кучка серебряного пепла.

ЧАСТЬ II

ИЗГНАНИЕ ХИРОНА С ПЕЛИОНА

*Фессалийская кентавромахия*¹

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК ПОКИНУЛИ ХИРОНА ЕГО ПИТОМЦЫ, И О ГИБЕЛИ АКТЕОНА-ОХОТНИКА

Знал Хирон, что время бежит, но куда убежало время, об этом и бессмертный Хирон не знал. Спросил он у своих питомцев-героев:

¹ Во II и III частях сказания о Хироне мы попытались восстановить в форме героических сказаний обе не дошедшие до нас эпические поэмы об истреблении титанического племени кентавров, именуемые Кентавромахия: 1. «Фессалийская кентавромахия» — о борьбе лапитов и кентавров, 2. «Пелопоннесская кентавромахия» — об истреблении Гераклом кентавров на горе Фолое и горе Малес. Фабула первой утрачена. От фабулы второй Кентавромахии сохранилось в весьма сжатом изложении только несколько эпизодов у некоего греческого мифографа римской эпохи.

— Что-то долго бродит мальчик в горах. Кто видел Асклепия?

И отозвался ему юношеский голос за пещерой:

— Я вернулся и жду тебя, отец. С моим спутником-другом, с голубой змейкой, я пойду на Пелион пасти стадо в том месте, где звери всего свирепее. Только там научусь я пастушьему делу. Как буду я врачевать смертных, если не сумею быть пастухом! Я хочу себя испытать. Отец, я попробую сперва исцелять не людей, а зверей...— и, помедлив со словом, добавил: — от зверства.

Вышел Хирон из пещеры на голос Асклепия и увидел, что мальчик-бог уже юноша. Хотя видом он был не мощнее полубогов-героев, но его взор был более могучим, ибо смотрел он в мир так глубоко, как не могут смотреть полубоги.

Тогда сказал Хирон Асклепию:

— Иди и попробуй. Трудно зверю не звереть в борьбе: растерзают его другие звери. Но иной не зверь зверсе зверя. Не учил вас этому Хирон.

И ушел мальчик-бог Асклепий от учителя кентавра Хирона.

Только еще раз явился как-то Асклепий к Хирону, под осень. Был он уже по виду не юношей, а могучим богом и таил свои слова и мысли.

Сказал:

— Я иду исцелять смертных от смерти. Я испытал себя. Зверь умеет умирать, а мысль умирать не хочет. Сильнее, чем тело, страдает от сознания смерти мысль...

И хотя бессмертные не прощаются, а только радуются и сиянием приветствуют друг друга при разлуке и встрече, Асклепий, уходя, глубоко заглянул в глаза Хирону и простился с ним по-земному, а не как жители неба, и по-земному простился с ним Хирон, сын Крона.

...Как раз тогда пришла пора великих походов и подвигов. Возмужав, один за другим покидали полубоги-герои пещеру Хирона и самого учителя и шли в неведомые земли великанов и чудовищ. Говорил им в напутствие Хирон:

— Вот вы и взялись за дело. Соблюдайте же, идя на зверя, закон звериной правды, идя на людей — людской. Есть закон правды для людей и зверей, но нет закона правды для чудовища: для чудовища есть только рука героя. У чудовища жалости нет.

И, отъезжая, уже не говорили герои-полубоги Хирону, как, бывало, прежде:

«Зачем нам жалость? Разве жалость у героя — не слабость? Нам нужна только радость победы».

Теперь они знали, что и у барса высшая радость — радость победы. Барс же — зверь лесной.

И, смотря с Пелиона вслед ушедшим, вспоминал Хирон, как спрашивали его, бывало, юные питомцы:

«А разве у богов Олимпа есть жалость?»

И отвечал им Хирон:

«У них есть радость».

И спрашивали питомцы:

«Они злы?»

И Хирон качал головой.

И спрашивали:

«Они добры?»

И Хирон снова качал головой и говорил:

«Они радостны. И гневно карают омрачающих радость богов. Ненавистен им тот, кто тревожит Олимп, и отвечают они нарушителям огнем и потопом».

Отъезжали герои, и задумывался Хирон о том, сохранят ли они его заветы.

Умчали резвые ноги и внучку Хирона Меланиппу на поиски Актеона-охотника. Все в крови, с пенящейся пастью вернулись с охоты его собаки-друзья и вели себя как безумные: не ели, не пили; то собирались они на краю

поляны и всё смотрели, жалко воя, в сторону дальних лесов Киферона, и из их собачьих глаз катились слезы; то кружились на месте и хватали зубами кого-то неведомого — невидимку.

Ничего не утаишь от леса. Весь вслушивается он миллионами ушей и летят к нему тысячи вестников: кто на ветре, кто на волне, кто на капле дождевой, а кто на приблудном листике. А птицы, муравьи, мошки? А лучи-глаза? А песчинки на лапах и шерсти? Мало ли их, лесных вестников! Перескажут все вести лесу.

И узнал в лесу Хирон об участии полубога Актеона-охотника.

Побежал Актеон вдогонку за золоторогой ланью Артемиды-охотницы. Бежит и кричит ей задорно:

«Не уйдешь ты от Актеона! Артемиду и ту догоню!»

Добежали они так до горы Киферон. Услыхала богиня Артемиды слова юноши-героя — и уже мчится с ним рядом, заглядывая ему на бегу в глаза. Узнал Актеон богиню, да слишком поздно. За то, что посмел состязаться с богиней, обратила она Актеона в ветвисторогого оленя и сама оленем обернулась.

Издалека по следу охотника бежала его охотничья пелионская свора. Понеслась Артемиды наперерез собакам и, когда очутилась перед ними, повернула обратно и пошла оленем впереди собак по следу Актеона, а собаки — гоном за нею.

Догнала олень-Артемиды Актеона-оленья. Кинулась в сторону. Смешала запахи. Стала невидимкой.

Не заметили собаки хитрости богини: впереди них как был, так и остался убегающий олень. Не признали они в олене хозяина, гонят его с яростным лаем. И придала им Артемиды быстроту небывалую. Настигают оленя.

Заметил Актеон-олень погоню. Узнал своих собак. Не он теперь охотник: он — дичь. Стал гонитель гонимым. Видит пасти собачьи. Хочет им, своим друзьям, слово сказать — говорит в уме, но не может громко выговорить оле-

ным ртом. Оставила ему богиня в зверином образе человеческий разум. И терзается разум в бессильной муке передать словом свою мысль собакам. Слезы стоят в его оленьих глазах. Но не слышат его мысленных слов собаки. Обезумели звери. Уже терзают ему ноги на бегу. Впились зубами... Разорвали они оленя-Актеона и умчались, сами не зная куда...

Только ключ, забивший на том месте, где был растерзан Актеон, нашел в лесу мудрый кентавр.

Долго был он печален. Не гибель героя печалила так долго Хирона — смертен был Актеон. Печалило его то, как сильно страдал в терзаемом теле Актеона от бессилия его разум.

И когда понял Хирон горе обезумевших собак, в которых плачет безутешно их честная слепая совесть, вылепил он из глины образ юного охотника и поставил его на поляне. Чуть увидели образ Актеона собаки, окружили они его с радостным лаем, пришли в себя от безумия и с тех пор перестали выть и даже убегали за добычей.

И однажды, убежав, не вернулись.

Не вернулась к пещере и Меланиппа.

Один остался в пещере Хирон. Бродил он по осенним горам, слушая шепоты трав и ягод, и узнавал их маленькие тайны — горькие и сладкие, жгучие и терпкие, сонные и бодрящие. Сам же молчал. Тревожил его необузданный нрав диких кентавров и вражда их с древолюдьми-лапитами. Жаловались ему лапиты и упрекали в потворстве родному племени. Тревожила его и неприкрытая, громкоголосная ненависть кентавров к богам Кронидам.

— Титаново мы племя, — говорили дикие лесные кентавры, угрожая яростно небу, и смеялись над властью богов.

Ждал беды Хирон.

Знал: не будут сами Кронида истреблять титановы

племена. Запрещает им это древняя клятва Стиксом. Но есть у них дети-полубоги. И всех грознее среди них, полу-богов, питомец древолюдей Тезей и сильный, как бог, Геракл. Породили их боги Кронида для того, чтобы истребляли они чудовищ — древнее порождение на почве земли и чтобы бились друг с другом богам на потеху. Все титаново непокорное племя стало для героев чудовищами. Утаили боги свой замысел от героев.

Знал Хирон: в ком из полубогов-героев нет титановой правды, те истребят титановы племена.

И вспомнил мудрый кентавр, как спрашивали его полу-боги-герои, отъезжая на подвиг:

«Учитель, разве нет смиренных чудовищ?»

И ответил за него Язон:

«И яд — смиренная капля, пока ее не проглотишь».

И еще спросили Хирона герои:

«Учитель, как отличить нам злобное чудовище от титана в коже чудовища? Ты нас учил, что и урод таит в себе красоту. Где примета?»

И пояснил им Хирон:

«Кликни титанов клич. Если скрыт под кожей чудовища титан, то ответит он тебе тем же кличем. И в глазах его будет примета. Не забудьте только этот клич».

Но забывали этот клич и слова Хирона полубоги-герои в жажде подвигов и славы — волю Кронидов выполняли. И гибли титаны-оборотни, и потомки титанов, и людские титанические племена на земле.

**СКАЗАНИЕ О БИТВЕ КЕНТАВРОВ
С ДРЕВОЛЮДЬМИ-ЛАПИТАМИ
И ОБ ИЗГНАНИИ ХИРОНА С ПЕЛИОНА**

Было утро на Пелионе, и услышал Хирон из пещеры топот, и гул голосов, и грубый смех со всхрапом, похожий на ржанье. Выглянул: кентавры толпятся на поляне. Что ни слово, то дыбом и друг на друга наскоком. Кулаки и копыта в воздухе. Вороные, гнедые, пегие, в яблоках рыжих и серых. Дебри грив на висках и на затылке. И такие дремучие бороды, и хвосты конские. На плече дубы, с корнями вырванные, и свисают с корней сырые комья земли. Яры, могучи, зверины, на копытах — и все же людское племя: и руки у них человечьи, и глаза, и человечья речь.

Видно, нужда привела их на эту поляну.

И вышел к ним Хирон из пещеры с лирой в руках.

Стих табун. Сбился в кучу. И стоят друг против друга: кентавр Хирон, сын Крона, и лесные дикие кентавры.

Смотрит безвопросно на свое племя Хирон. Чуть касаются его пальцы струн, и нежно рокочут струны под пальцами в свежем утреннем воздухе.

Переступили с ноги на ногу конские копыта табуна. Подтолкнули слегка локти и плечи друг друга. Молчит Хирон. Только пальцы по-прежнему пробегают по лире.

Дохнул один кентавр, сказал:

— Хирон.

Дохнул другой кентавр, сказал:

— Хирон.

Дохнули еще два, три и сказали:

— Хирон.

Смущают их глаза мудрого Хирона. Мыслью смотрят эти глаза, а не просто зрением. В них укор за буйство. Не по нраву такой укор буйному лесному племени.

Тогда отделился от дикой гурьбы огромный пегий кентавр Агрый, по прозванию Свирепарь.

— Мы к тебе, — сказал Агрый. — Хирон, нам нужна твоя хитрая сила. Ты ведь хитер, как небо, а мы только лес.

Некому дать нам совет. Только ты необорим и бессмертен и почитаем всеми племенами титанов. Поведи нас против древолюдей-лапитов, наших давних врагов на Пелионе. Жены нужны нам. Много серебряно-березовых невест у племени древолюдей. Похитим их у лапитов. Есть у них и запасы пьяного вина. Го-го! Вино!

И подхватил табун:

— Го-го! Вино! Отнимем заодно и вино. Веди нас, Хирон, против лапитов. С ними и Кайней неуязвимый. Народ тебя требует в вожди.

Затопап табун, стоя на месте. Закричал зычно:

— Веди нас против лапитов!

Ничего не ответил Хирон, только протянул Агрию лиру. Сказал:

— Сыграй-ка, Агрый, на лире. Сумеешь сыграть — поведу вас против лапитов. Будете делать то, что я, — буду и я делать то, что вы.

Задышали бурно кентавры, затопали, зычно закричали:

— Дуй, дуй, Агрый!

Взял Агрый в ручищи лиру. Видел, как бегали пальцы Хирона по струнам, и сам дернул всей пятерней, рванул — и разом лопнули со стоном жилы и хрустнула основа.

Засмеялись с храпом кентавры. Заскакали с гоготом на месте. Стали хлопать себя по бокам ладонями:

— Дуй, дуй, Агрый! Го-го! Дуй!

Рассердился Агрый-Свирепарь на Хирона и кентавров:

— Не нужна нам твоя штука с комариным зуденьем и птичьим иканьем! Отдай ее соловьям. А я не соловей — я кентавр.

И бросил обломки лиры с оборванными жилами-струнами наземь, под копыта табуна.

Тогда выступил вперед кентавр Пиррий, по прозванию Гнедой.

Сказал:

— Любим мы, кентавры, как и ты, песни соловья и мед

звуков твоей лиры, когда мы грустим без жен. Далеко слышна она на Пелионе. Чтим мы тебя, сын древнего Крона. Но буйна наша кровь и пьяна наша воля. Ты бессмертен — мы смертны. Мала для нас твоя радость — соловьиная, лирная. Нужна нам радость громовая: в грохотах, с гудом, топотом и ревом, чтобы сердце кентавра заржало, чтоб скакать нам, кружить и крушить, чтобы вихрями быть, чтобы руками скалу прижимать к груди — и была бы та скала горяча, как добыча для львиных лап, как вино на пиру у лапитов. Утопить бы в нем, горячем, наше горе кентавров, когда-то бессмертных, как боги. Из садов золотых феакийских нас изгнали Кронида, а волю богов, волю к жизни из нас не изгнали, осталась у нас. И вот голодна эта воля, жадна и свирепствует в буйстве — перед гибелью. Ненавистны нам боги. Знаем: обреченные мы на Пелионе.

И понурили человечьи лохматые головы дикие кентавры, слушая слово Гнедого. А огромный Агрий ударил себя острым суком в грудь у сердца, и текла по могучему торсу полузверя-получеловека кровь, и падала на ноги и копыта.

Весь золотой стоял кентавр Хирон с серебром бороды перед ними и печально смотрел на родное дикое племя — он, учитель героев, сын Крона, титан.

Сказал:

— Не хотели вы копать копытом те волшебные корни, что копали Хирон и Асклепий. Не хотели насыщать ими свою пьяную волю. По бессмертью богов грустите вы, дикое племя? Вот смотрю я вам в глаза, бывшие боги, и вы, смельчаки, опускаете их предо мною к земле. Полубоги-герои смотрят прямо в глаза Хирону. Не ходите на пиры лапитов. Не вступайте в бой с их вождем, огненным Пейрифоем. С ним полубоги-герои Тезей, Пелей и другие. Сам пойду я к древолюдям. Примирю вас, яростных, с ними.

Ускакал радостно табун лесных кентавров. И долго доносились до Хирона их ликующие крики и гуд их копыт.

Тихий день. Поют птицы. Улыбнулся дню Хирон, подобрал с земли затоптанные обломки лиры, и стал ее чинить, и натягивать на колышки струнами новые жилы.

Ох, как шумели древолюди-лапиты по лесам Пелиона! Такой гул стоял в бору кедровом, что, как ни закрывали грибы шапками уши, оглохли старые боровики. Сходились древолюди со звериных троп и из непролазных зарослей, с болот и просторных полян, даже с утеса-бирюка в одиночку, по двое, по три, а то и целой рощей кудрявой. Пришел Дриас-муже-дуб. Ого, муже-дуб! Пришел Гилей-деревище с братьями: сам он — Гилей и все его братья — Гилеи. Стали братья целой чащобой Гилеев и стоят — не пройти сквозь них, не прорваться ни кентавру, ни полубогу. Тьма их и тьма в чащобе, да еще какая!

А Элстон — муже-ель все трещит, все брызгает во все стороны словами-шишками, созывая мужей.

Стопились древолюди вокруг старого Питфея, мужа-сосны, бывалого великана-вождя древесных племен. Дед он героя Тезея. Его даже дикие кентавры чтили. А кентавры никого не чтут. Не раз пили они у старого исполина его смолистые меды, возглашая здравницу Хирону.

Только где же огненный Пейрифой, юный вождь древолюдей-лапитов? Почему не видать нигде нежноликого Кайнея-Чистотела, неуязвимого сына Элстона? Не укрощает ли он зеленых кобыл Магnezийских на горных склонах Офриды?

За грабителями — дикими кентаврами, за костями-насилъниками, похитителями серебряно-березовых лапиток, погнался Пейрифой сам друг с Тезеем. Разлучился с новобрачной Гипподамией. А за ним другие лапиты.

Не простят лапиты лесным кентаврам смерть неуязвимого Кайнея. Не простят гостям пьяного разбоя у хозяина-хлебосола.

...Говорили мошки комарам, говорили комары жукам, говорили жуки паукам: будто девушкой был некогда Кайней — не березкой, но почти что березкой, такой серебрястой девушкой, лесной Кайней в темном ельнике, что сразу полюбилась она при встрече Посейдону. Не далась она в руки бога. Сказала владыке вод: «Не умеем мы, лапиты, менять личины, как умеете это вы, Кронида. Не хочу я быть березовой девой, хочу быть отважным древомужем. Если ты так всемогущ над морями, обрати меня, Кайнею, в Кайнея, и тогда поведу я тебя к Филюре-Липе. А Филюра красивее всех красавиц».

Усмехнулся могучий бог. Ответил:

«Мало просишь у меня, березовая дева. Станешь ты древомужем, и вдобавок еще будет тот муж неуязвимым¹. Ни одна рука тебя не поранит, ни камень, ни железо, ни огонь, ни зуб, ни коготь».

И превратилась Кайнея, серебряно-березовая дева, в красавца, неодолимого Кайнея.

Ни рука, ни копыто, ни зуб, ни обломки огромных винных бочек, ни камни не поранили его, лапита-Чистотела. Но когда под грудями трупов древомужей из племени Питфеев стал Кайней задыхаться, тогда вспомнил он усмешку могучего бога Посейдона-Кронида.

Жужжат мошки, комары, жуки. Вьют пауки паутину. Шумит кедровый бор. Собрались лапиты на сход. Вдруг, откуда ни возьмись, набежали, закричали — кто, где, не поймешь:

— Нашли, нашли!

И обратно в лес. Кинулись вслед за ними те, кто помоложе. Бегут. Видят — прогалина. На прогалине обгорелое место от костра. На нем пепел, весь серебряный, с черными чурками. И валяются кругом, тлея, головни и головешки.

¹ В мифологии неуязвимость не тождественна с бессмертием. Неуязвимые герои гибнут. Так погиб и Кайней.

Страшно. Кто совершил такое дело? Кто здесь жег? И хотя никто не назвал тех, кто жег и кого жег, а уже все наперебой кричали:

— То кентавры жгли в лесу лапитов!

— Ополчайтесь, древолюди! Жгут лесных древолюдей кони-люди лесные.

Зашумел кедровый бор, загудел — так зашумел и загудел, как еще никогда не шумел даже под грозовым ливнем Зевса.

Завопило все лесное племя:

— Эй-го! Хирон в ответе. Пусть несет он кару за все племя кентавров. Эй-го! Изгнать Хирона с Пелиона: он — кентавр. Эй-го! Пусть старый Питфей скажет свое слово. Эй-го!

И пошло «Эй-го» по всему бору гоготать:

— Эй-го! Эй-го! Эй да го!

Тогда поднялся над толпами древолюдей-лапитов их старый вождь, муже-сосна Питфей.

Прям и сух он, словно мачта корабельная. Много ран на нем покрылось корою. Весь рогами увешан. Грозен. Во все стороны торчат эти рога, словно не рога они, а голые сучья. В рыжей шкуре прямой его стан. Чуть алеет эта шкура под лучами. А сверху, на его лесной шапке-макушке, всё колеблются боевыми перьями иглы, и звенят на них тонко колокольцы его древнего шишака.

Старый вождь, старый — дед Тезея.

Стали слушать древолюди Питфеево слово.

— Много есть древолюдей-лапитов. Есть в Магнезии лапиты Офридские. Вождь над ними был Кайней, сын Элатона. Пал Кайней под руками кентавров. Высокий над ним курган из трупов. Лежат трупы лапитов стволами. На лапитах кентавры табунами. «Горе павшим! Слава живым!» — таково слово живой жизни. Не по титановой правде живут кентавры. Эй-го! Эй-го!

И ответил Питфею могуче сход:

— Эй-го! Эй-го!

Говорил Питфей:

— Всех славнее лапиты Пелиона. Всех выше среди них Питфеево племя мужей-сосен. Великаны мы, великаны! Родила сверкающая Эфра, дочь Питфея, полубога Тезея. Побил Тезей врагов, губивших племя древолюдей-лапитов,— великанов Истма побил он, не знающих титановой правды. Не давали они путникам проходу. Не мог гость прийти в страну лапитов. Не могли древолюди быть гостями ни в Счастливой Аркадии, ни на Фолое. Гнули нас не знающие правды, рассекали, плющили, пилили, всех равняя по единой мерке. Брали нас за ноги и с размаху, как дубиной, нами поражали наших братьев головы и плечи. Разве наши головы — молоты? Хотя мы и сами великаны, но враги были еще великаннее. Всех их побил Тезей, внук Питфея. Эй-го! Эй-го!

И ответил Питфею могуче сход:

— Эй-го! Эй-го!

И снова заговорил Питфей:

— Побил он Сосноsgибателя-Питфеока́мпа. Пригибал тот две сосны друг к другу, между ними привязывал путника и затем отпускал их вершины. Выпрямлялись высокие сосны и надвое разрывали путника. Самого его Тезей привязал к соснам. Побил он слабоногого Дубиноносца, порождение хромца-бога Гефеста. Всех дубиной тот плечистый плющил. На себе узнал, как плющит дубина. Побил он укротителя лапитов — Дровосека-пильщика Прокруста. Весельчак Прокруст. Веселую соорудил он для нас постель-козлы. Клал на ту постель-козлы древолюдей, как бревна: длинных укорачивал зубчатой палкой, а коротких, обтесав, вытягивал. Полежал он сам на той постели. Узнали силу рук Тезея и кентавры, позабывшие титанову правду. Эй-го! Эй-го!

И снова ответил Питфею могуче сход:

— Эй-го! Эй-го!

— Солнечнее всех вождей-лапитов был Иксион, сын Флегия-титана. Не всходил Иксион на Олимп к Кронидам. Не пил с ними из золотой чаши питье бессмертия. Сам бессмертен был он и огнен. Был противником олимпийцу-Зевсу. И зажег Иксион огнем титана властное сердце богини Геры. Не укрылся тот огонь от миродержца, пока- рать решил он Иксиона. И, по коварному умыслу Кронида, призрак облачный в образе Геры спустился с неба к Иксиону остудить жар огня в вожде лапитов. И не призрак это был обманной, а богиня облаков Нефела: обманула Нефела лукавца Зевса. И от Иксиона-титана родила Нефела диковину: не людину, не коня, не дерево, не титана, не бога и не зверя, а и то, и другое, и третье; был он — конь, и людина, и дерево — кусок зверя, бога и титана.

Был он смертен и был бессмертен. То одно в нем умирало, то другое, испаряясь, как облако на небе, а он жив: ржет, и скачет, и хохочет, и листвою шелестят его хвост и грива. Прозвали это чудище кентавром. Не похож он был на лесных собратьев, не похож был ни на что земное. Только облако порой на небе примет вдруг его образ и исчезнет. Лют он был, смесь огня с водою, вспыхнет злобой, страшно полютует и обмякнет разом, весь раскиснет. Пасся он на горах с табунами Магнезийских кобыл зеленых. И пошли от него, от Чудища, не кони — а копытные кентавры, коненогое людское племя.

Вот откуда лесные кентавры, племя яростное на Пелионе. Неповинен в их делах кентавр, сын Крона...

— Неповинен! — кричали старые лапиты.

— Повинен! — кричали молодые. — Он кентавр — значит, он повинен.

А третьи кричали всех громче, что повинен он и не повинен: со старыми кричали «неповинен», с молодыми кричали «повинен».

— Эй-го! Эй-го!

Долго, долго шумел сход в кедровом бору на Пелионе.

Пришла ночь, и лапиты уснули. Где и как кто стоял, так там и уснул. Не уснул только старый вождь, муже-сосна Питфей, давний друг кентавра Хирона.

Зашагал он, прямой и высокий, к другу Хирону на поляну. Шел он медленно, шаг за шагом, не сгибаясь под ночным Ветром, и качались иглистые перья на его голове древомужа.

Не дала в эту ночь Нефела любоваться землей Луне-Селене, застлала облачными одеждами небо. И никто из богов не видел, что случилось этой ночью на поляне, перед пещерой кентавра Хирона.

Высоко в воздухе замелькали смолистые факелы в руках у кентавров, беглецов с кровавой свадьбы Пейрифоя и Гипподамии, озаряя их дикие лица. Еще хмель от вина и битвы не вышел из их звериного тела. Бурно дыша, в ранах, покрытые кровью — своей и лапитов, метались они буйной ватагой по поляне, взывая к Хирону. Вихрятся во мгле огромные тела, пламя и дым. Сверкнули белки обезумевших глаз. Упадет блик на конский круп или руку, сжимающую камень. Беспощадной отвагой и смятением звучали в ночи их голоса.

Гонятся за кентаврами лапиты. Ведет их вождь лапитов Пейрифой. С ними полубоги-герои и Гипподамия на своей белоногой кобылице — словно амазонка на Пелионе.

Мало уцелело кентавров. Кто не пал на свадебном пиру, тот лежит на тропах и в лощинах, истекая кровью и грозя в предсмертной тоске небу Кронидов. Мчатся одинокие исполины или громокопытная гурьба по равнинам Фессалии, через Истм — туда, на остров Пелопа, на Фолою, где в пещере живет благой кентавр Фол.

Истребили древолюди-лапиты и полубоги-герои титаново племя кентавров, изгоняют их с Пелиона. Свершилась воля Кронидов. Скажут боги: само себя погубило свирепое племя. Кто же напомним богам, что они, победители древ-

них титанов, изгнали с золотых феакийских полей титаново племя когда-то благих кентавров? Одичало блаженное племя, озверело, и только мудрый Хирон и Фол-гостеприимец своей высокой жизнью стоят пред богами как упрек земли высокому небу Кронидов.

— Бегите и вы на Фолою,— сказал Хирон.— Здесь задержу я преследователей. Не пройдут они мимо Хирона. Не глыбами камня, не ясенем пелионским, не титановой рукой сына Крона — правдой титановой, песней и струнами задержу я лапитов и героев. Бегите!

И умчалась последняя ватага, уцелевшая от племени кентавров, со склонов лесных Пелиона. Остался на всем Пелионе из кентавров один Хирон. И долго смотрел он вдаль, на мелькающее в ночи пламя факелов в руках беглецов, провожая глазами остатки изгнанного племени титанов.

Еще Эос-Заря не умылась, еще только выводила пурпурного коня на небесную дорогу, бросив на ветер багряную хламиду, утопающую краем в пурпуре моря, когда вышли из лесов на поляну к пещере Хирона древолюди-лапиты во главе с Пейрифоем. А за ними на коне — Гипподамия.

Был свободен вход в пещеру пелионского врачевателя. Не раз он спасал здесь лапитов от болезни, беды и смерти. У самого края скалы близ пещеры, высоко над долиной, именуемой Думы Пелиона, стоял хозяин-кентавр и смотрел на далекий Олимп. Рядом на камне лежала лира из рогов неведомого лапитама зверя. Тихо пел он привет рассвету, и с далекой окраины неба обернулась к нему титанида Заря-Эос, держа руку на гриве коня.

Одинок был Хирон. Ни друга рядом с ним, ни питомцев-героев, ни Меланиппы. Ушли герои.

Не знали полубоги-герои, что пойдут лапиты с Пейрифоем к Хирону. Не было с лапитами и Тезея: амазонки

грозили героям — и ушел Тезей поспешно с Пелиона на борьбу с титановым племенем амазонок.

Раз решив, не умел перерешать Пейрифой. Что сказал, то тотчас и выполнит. Тверд был в слове, и в деле, и в дружбе. Спустится ради друга в преисподню, хотя бы его там навек приковали. Поднимется ради друга на небо даже под копытами молний. И когда он слышал слово «измена», из его сердца уходила пощада.

Говорили: жесток он в дружбе. Не прощал он другу даже колебания. Если скажет другу: «Прыгай в пропасть» — должен друг, не мешкая, прыгнуть в пропасть. Если скажет другу: «Ввергнись в пламя» — должен друг, не мешкая, ввергнуться в пламя. Раз он крикнул: «Я бы срубил мысль, если б мысль мне поперек дела стала!» А другой раз сказал: «Смерть стоит не за спиной героя — впереди бежит она от страха перед героем».

Стремительным прозывали его лапиты — так быстр он был во всяком деле. А герои называли его *Испытанный*.

Все было в нем по титановой правде.

И, как все титаны и герои, чтит и Пейрифой Хирона. Но сказал он лапитам в пылу битвы с кентаврами: «Всех кентавров изгоним с Пелиона. Ни единого здесь не оставим». И не мог он теперь не выполнить слово, не изгнать с Пелиона Хирона: ведь и мудрый Хирон был кентавром.

Не умел Пейрифой слова мазать маслом. Сурово сказал сыну Крона, врачуателю и спасителю лапитов:

— Уходи с Пеолиона, Хирон.

И за ним повторили угрюмо воины-лапиты:

— Уходи с Пелиона, Хирон.

Спросил Хирон Пейрифоя:

— За вину изгоняешь?

И ответил Хирону Пейрифой:

— Изгоняю, хотя ты и неповинен. Ты — кентавр.

Помолчал Хирон и снова спросил, пристально смотря в лицо Пейрифою:

— Изгоняешь друга, Пейрифой?

И стал бледен Пейрифой лицом, до того стал бледен юный вождь лапитов, что снега на дальней вершине Олимпа показались тогда Заре покрасневшими.

А поодаль на белоногом скакуне сидит Гипподамия и все слышит.

Взялся Пейрифой руками за сердце, сжал его, чтобы оно само не выпало: друга он, Пейрифой, изгоняет, друга, праведного Хирона. Этого Пейрифой не вынес. Выхватил он алмазный нож и хотел пронзить им свое сердце: друга предает он, и какого! Но ведь он дал слово лапитам, и оно неотменно. Должен он изгнать кентавра Хирона, но не может он изгнать друга-Хирона. Стало сердце поперек дела — так убить надо это сердце.

Но читал Хирон его думу. Стерег каждое движение юноши.

Только выхватил тот нож, как уже стоял возле него Хирон и бессмертной рукой титана вырвал нож из руки героя.

И уже Гипподамия соскочила с белоногого коня, кинулась к новобрачному, к мужу, — и упало ей на руки бездыханным тело неодолимого в бою Пейрифоя. Словно громом сразила его правда.

Как мертвое, лежало на земле могучее тело юноши, и ни мысль, ни слово, ни дело не тревожили его больше правдой и неправдой.

Пораженные бедой и чудом, стояли полукругом у тела вождя древолуди, и шумели на их головах пучки листьев. Смотрели тревожно на сына Крона: от него эта властная сила. И не знали они, унести ли им тело вождя или вступить в гибельную для них битву с бессмертным титаном.

Тогда вынес врачеватель из пещеры зелье, влил его в рот сраженного правдой и снова сел на краю поляны, только сказал:

— Пусть он спит.

А затем обратился к Гипподамии:

— Ты не раз скакала с Меланиппой-подругой. Расскажи мне о свадебном пире.

И хотя все уже знал Хирон-прозритель, но хотел он услышать слово лапитов.

Вот что знал он, и вот что он услышал.

Был вожак у табуна кентавров — Эврителион, по прозванию Мститель. Страшен силой. Даже муже-сосны великаны не отваживались с ним бороться. Он ударом переднего копыта откалывал глыбу от утеса и метал ее на бегу ладонью. Хоровод горных нимф двадцатирукий сажал себе на конскую спину и носился с ними, словно без ноши. Или впрямь ореады — пушинки? За львами гонялся, и какими! Ухватит, бывало, зверя за шею вместе с его львиною гривой и скачет, держа льва на весу, а тот только царапает когтями воздух. А не то подставит вепрю-секачу под удар свою человечью руку, когда тот клыками таранит, стиснет ему клык и отломит на ожерелье лукавым наядам. Вепря же с хохотом отпустит.

Ну и хохот же у Эврителиона! Будто пляска медных бочек по медному помосту, будто крик новорожденной пещеры в бурю.

Дерзок был он, дик и бесстрашен. И жестоко ненавидел богов Кронидов. Говорили: титан он, оборотень; мощью равен самому Хирону.

Но не мерился Эврителион с Хироном силой.

Только раз случилось прежде не бывалое: ответил он дерзостью спьяна Хирону. Спокойно положил тогда Хирон ему на плечо руку, и упал Эврителион на колени. А Хирон, чтобы не конфузить его перед всем табуном кентавров, сказал силачу с улыбкой:

«И сильны же у тебя, Эврителион, ноги! Только вот споткнулся ты о корень».

Был он в буйстве пьянее всех буйных. Ничем не мог утлить свою пьяную волю. Жаден был к вину — до того жаден, что, хохоча, говорили кентавры:

«Вот бы водопадам Пелиона вином свергаться в рот Эвритиону!»

Нарушать любил все запретное в жизни: любил там пройти, где прохода нет; прыгнуть с высоты головоломной в упрек каменному барану; прямо в пламя кинуться и с гиком проскакать сквозь лес при лесном пожаре с опаленными волосами и шерстью.

До того был дерзко-отважен, что взобрался раз высоко на склоны Олимпа, презирая гибель от молний. Только спас его титан Гелий, прикрыв от стрелы Аполлона, и велел спуститься к подножию Оссы.

Пировал Эвритион на свадьбе Пейрифоя и Гипподамии под высокими сводами пещеры, где некогда бывали и боги. Много было гостей у лапитов — весь цвет племен Пелиона: и сами древолюди-лапиты, и лесные кентавры, и герои.

Пир так пир — как у предков, могучих титанов! Тут и туши звериные, и клубни овощей в меду, и плодов обилье. И не просто лежат они горою, а стоят на столах с корнями дерева, и свисают с них тысячи яблок, смокв, айвы, гранатов, апельсинов. Тут и пифосы, каменные бочки вина. Утонули бы в вине гости, если бы так жадно не пили.

Были гости на пиру — племена людские: ни богов, ни нимф, ни сатиров.

Ели, пили. Но не было песен, ни бубнов, ни струн, ни свирелей. Лишь в рога боевые трубили, и ходили по пещере грома от гостей к гостям — друг к другу в гости. Столько кликов, столько труб и струн в каждом горле.

Пьет Эвритион-кентавр — так жадно, как река пьет вешние потоки. Велика в нем жажда опьянения. Но не может утолить он этой жажды. И взыграло в нем Вакхово зелье.

Много жен, серебряно-березовых лапиток, на пиру. И всех превосходит ростом, станом и горящим взором новобрачная Гипподамия: сидит между Пейрифоем и Тезеем. Что ей боги, титаны и кентавры, когда рядом с нею Пейрифой, вождь лапитов!

Вдруг рванулся Эвритион. Зверино озирает он гостей. Тяжко дышит. Разом вздыбился над столом и прямо встал во весь свой конский рост и человечесий. Опрокинул стол копытом и за плечи ухватил Гипподамию, сорвал с места и, взметнув под своды пещеры, дико крикнул пьяным кентаврам:

«Похищайте дев березовых, кентавры, и скачите с ними в горы вольной Оссы!»

Сам же давит гостей копытами, рвется к выходу из пещеры, на волю. А кентавры кинулись к женам.

Но не робки лапиты и герои. Нашлась и на Эвритиона сила. Ухватил его за конский хвост Тезей рукою, и от рывка полубога-героя осел Эвритион на задние ноги. Держит в левой руке над головой, как былинку, Гипподамию, а правой отбивается от Пейрифоя. И копыто занес над лапитом.

Трудно от Пейрифоя отбиться. Разом бьет он и в голову и в ребра: держит конскую ногу за бабку, не дает себя рассечь копытом. И все же не могут одолеть Эвритиона даже двое — Тезей с Пейрифоем.

Тогда встал старый вождь лапитов, сам Питфей, мужесосна, высотой превышающий всех на Пелионе. Звенят на его шишаке колокольцы. И достали руки великана к небу поднятую Гипподамию. Пейрифой ее перенимает и выносит из пещеры и боя. На коне уже она на белоногом, и за ней кентавру не угнаться.

А в пещере длится бой.

Вот Орей, Конь-гора, уносит серебряно-березовую деву из пещеры в горы Пелиона. Вот Петрай, Конь-скала, валит наземь двух мужей-дубов великанов. Уже у Дриала Дубоватого вырывает из рук Кайней Осиню, пригнув ему к земле голову, а Пелей бьется с Гнедым-Пиррием. Не один раз состязались они в беге и в игре на веселой свирели, а теперь бьются насмерть, как чужие. Уже двинулись братья Гилей стеной-чащей, рука об руку. Стали — заградили беглецам дорогу на Оссу.

Вырвался Эвритион из рук Тезея. Кровью залиты его глаза, ослеп он. Втянул воздух дикими ноздрями и унесся в леса, на кручи.

Жесток бой лапитов и кентавров! Где тут люди, где звери, где герои? Вся пещера ржет, рычит и стонет. В клубок сбились лапы и копыта. Слов не слышно. Рев стоит. А все же племена они людские — с речью. Услана пещера телами. Выбились на воздух. Бой все жарче: на юношу Кайнея целым скопом напали кентавры. Жен серебряно-березовых немало вырвал он из рук озверелых. Не страшится Кайней неуязвимый ни копыта, ни камня, ни дубины. Пригибает головы кентаврам, крушит конские хребты ладонью. Тут кентавры, вздыбясь, ухватили поперек тела мертвых питфеев, валят муже-сосен на Кайнея. Завалили трупами лапитов. Сами сверху полегли издыхая. И задохся Кайней неуязвимый.

Все редеют табуны кентавров. Все лапитов толпы прибывают.

И бежали свирепые гости, устилая трупами дороги. Мало их, беглецов, уцелело. Пало почти все титаново племя...

Выслушал рассказ Хирон сурово. По титановой все рассказано правде.

Сказал воинам и Гипподамии:

— Сами себя истребили кентавры, как огонь, нападая на воду. Не надо огню звать в гости воду. И воде не надо звать в гости огонь. Унесите вождя Пейрифою. Проснется он у себя в пещере.

Ушли древолюди с телом. Пришли новые древолюди. Отовсюду толпы лапитов. Окружают поляну. По лесам слышны окрики и клики. Ищут всюду беглецов-кентавров. Не укрыл ли их Хирон в пещере?

Еще пьяны они от битвы и хмеля.

Кричат новые толпы лапитов:

— Уходи, кентавр, с Пелиона!

Нет близ Хирона питомцев-героев — не то было бы горе лапитам.

Говорят посланцы Хирону:

— Древолюди мы коренные. А кентавры — бродяги и уроды. Чудище их облачное породило. Пусть их скачут в облаках с ветрами. Пусть там грозы в небе похищают, а не жен серебряно-березовых на Пелионе. Хотя б они были нашему племени сродны, не потерпим их разбоя — изгоним. Мы и с бурями лесными воевали. От тех битв у нас по лесам буреломы. Справимся и с племенем буйным.

Выслушал Хирон жалобу лапитов. Был он весь как листопад осенний.

Сказал:

— Верно, вороны накаркали вам на древнее племя. Журавли, верно, рассказали вам в небе об облачном Чудище-кентавре, а синицы на земле подхватили. Не от Чудища ведут свой род лесные кентавры. То преданья конских табунов на Пелионе. А лапиты поверили копытным. Были некогда кентавры благим народом, как Киклопы, феаки, амазонки, до великих битв Уранидов с Кронидами — богами. Среди нив самосейных, роц плодовых жил блаженно народ кентавров. С ними жил и я, Хирон, сын Крона, по соседству с золотыми полями феаков, блаженного титанова народа. Были вольны благие кентавры, как nereиды и тритоны, как пучины и волны морские, как титаны солнц в игре лучами.

Еще не был Вакх им врагом-другом. Дружен был Посейдон¹ с кентаврами, и часто из глубин земли конем гривастым выходил он для веселой скачки.

Поделили мир меж собой Кронида. Не признали их, победителей, кентавры ни богами, ни владыками мира. Хитрый ум их, жало-молний не признали: для игры живут зарницы в небе.

¹ Первоначально Посейдон был богом земных недр. Он — пра-Посейдон. Владыкой вод он становится при разделении мира олимпийцами между собой.

И Кронидаы изгналы кентавров с феакыйскых полей, из роц плодовых, с самосейных нив высоко в горы, где звериное металось племя, пожирая друг друга. Только жадность, только страх и лютость им встречались. Одичалы в тех горах кентавры. Заглушалы храпом голос утра. Ночью день будилы, спьяна спутав мглу ночную с дневным чистым светом. Сталы племенем лесным, свирепым. Потерялы, озверев, бессмертые, всё числом умаляясь, всё редая. Смертными сделали их боги.

Мне же дали Пелион Кронидаы — сыну Крона. Мир себе — мне гору и пещеру. Поклялись мы друг с другом не спорить, битв вовек не вести на Пелионе. Кто же вправе изгонять с Пелиона сына Крона, врачевателя-кентавра? Или жил Хирон не по титановой правде? Или боги позабылы о великой клятве — клятве Стиксом — между мною и Олимпом? Но Хирон той клятвы не нарушит.

Мне ли с вами биться, лапиты? Сами себя в битвах побьете.

Не лапиты — вы, Кронидаы-боги, вы изгналы кентавров племя с Пелиона. Ваше молчание в небе, слепота ваша лукава, боги. Что укрылись вы за облаками? Что Ириды-мировестницы не шлете? Вы хитрите, Кронидаы: будто не Хирона ныне изгоняют, а безумное племя кентавров. Что ж, уйдет Хирон с Пелиона. И уйдет с ним правда титанов. Но оставил он смертным корни знания. Берегитесь тех корней, Кронидаы!

Опустив головы и плечи, слушалы лапиты Хирона. А по лесным тропам шаг за шагом шел Питфей, старый вождь лапитов, к другу Хирону на поляну. Труден путь и далек для ног Питфея. Старый вождь, старый воин, старый, старый...

Зато скоры на руку молодые.

Понуру ушли посланцы. Не хотелось им, чтобы покинул Хирон пещеру Пелиона. Но ведь быть тому, как решил сход!

...Простился Хирон с Пелионом. Что он взял с собою: какие зелья и коренья, какие камни — не узнали ни лапиты, ни кентавры. Только знали: взял он с собой в чашечке бес- смертника каплю заветную амброзии и нес ее бережно до самой пещеры на Малее.

На острове Пелопа гора Малая. Есть и там высоко над морем пещера.

Скоры на руку молодые.

Говорили, спорили, кричали. И казалось, будто двинулся лес со всех скатов, и вершин, и ущелий к пещере Хирона, на поляну. Отовсюду двинулись лапиты: снизу, сверху, с боков — всюду листья шелестят воинственных шлемов.

— Уходи, Хирон, с Пелиона!

Но уже не было в пещере Хирона. Далеко ушел он.

И увидел издалека Хирон высоко над своей пещерой на утесе тьму древолюдей. То Гелеи шли на подмогу — изгнать Хирона с Пелиона. Навалились древолюди на утес, нависающий над пещерой, ухватились за него сотнями рук, уперлись сотнями ног в камни, раскачали утес и сверху обрушили на пещеру Хирона. Всю поляну загромодили обломки. Дождем камней оросили в глубине под нею долину Думы Пелиона. И одним обломком, утесом, забили древолюди вход в пещеру.

Так был изгнан Хирон, сын Крона, кентавр, учитель героев.

Только далеко за полдень дошел старый Питфей до поляны. Смотрит: нет поляны. Нет пещеры. Нет Хирона.

Стал Питфей, муже-сосна, перед забитой пещерой. Тяжки сделались ему старые, усталые ноги. Не сошел он больше с того места.

Так стоит он одиноко и грозно, весь рогатый, старым великаном на заваленной обломками поляне, и смолистая

слеза каменеет на користой груди сосны-великана. И качает он старой головой, на которой иглистые перья:

— Где же ты, титанова правда!

Опоздал старый вождь Питфей. Подвели его старые ноги.

ЧАСТЬ III

**СКАЗАНИЯ ОБ ИСТРЕБЛЕНИИ ГЕРАКЛОМ
КЕНТАВРОВ НА ГОРЕ ФОЛОЕ
И ГОРЕ МАЛЕЕ, О РАНЕНИИ
БЕССМЕРТНОГО КЕНТАВРА ХИРОНА
И О ЕГО ДОБРОВОЛЬНОЙ СМЕРТИ**

Пелопоннесская кентавромахия

**СКАЗАНИЕ О ГОСТЕПРИИМНОМ КЕНТАВРЕ ФОЛЕ
И О БИТВЕ ГЕРАКЛА
С ДИКИМИ КЕНТАВРАМИ НА ГОРЕ
ФОЛОЕ И ГОРЕ МАЛЕЕ**

Еще молод был тогда Геракл, когда отправился он на гору Эриманф искать свирепого вепря-дракона, пожирателя людей и стад. Шел он кружным путем и зашел по дороге на Фолёю — тоже гора Пелопоннеса недалеко от Малёи, — где в пещере жил гостеприимный кентавр Фол,

носивший прозвище Пещерный. Таким другом был Фол Хирону, что называли его даже братом Хирона. Родила же кентавра Фола наяда, ясная Мелія, у подножия горы Фолóи от коненого Силéна.

Две конские ноги у Силена и конский хвост сзади, но торс и голова у него человечесь; только еще уши у него конские, и двигает он ими, как конь, и такой у него тонкий слух, что не только звук, но и запахи умел слышать Силен. Различал он голоса любой струи в том ключе под горой Фолоей, где жила наяда Мелия, и мелодии его водяной арфы, и умел играть на сюринге — тростниковом плотикесвирили — все ее ключевые песенки: и нежные вечерние песенки, и веселые утренние, и призывные песенки полудня, и звонко-говорливые ночные. И так умел он играть на сюринге, и так умел он слышать и слушать арфы струй и все струны и свирели мира, что полюбила его ясная наяда, хотя жил вблизи пастух, полубог-красавец Дафнис.

Красив был Дафнис! Недаром говорили, что иссохла по нем от любви нимфа Эхо — до того иссохла, что остался от нее только голос: эхо. Но куда дудочке пастуха Дафниса до сюринги Силена!

Полюбила Силена наяда, хотя дружил Силен с юным богом — безумящим Вакхом. Пил он с Вакхом вино от первых Вакховых целебных лоз, пил и утром, и в полдень, и вечером, как только оба сойдутся, и тогда пел он грозные песни-рыки и песни-ревы барсов, и львов, и водопадов, заглушая голоса струй, и носился по горам с табунами диких кентавров.

И впрямь, чем кентавр не Силен, когда встанет он на задние ноги и выпрямится во весь свой конский и человеческий рост!

И от коненого Силена родила ясная Мелия сына-кентавра Фола. Передал Силен пещерному отшельнику Фолу в дар сосуды с вином от первых лоз бога Вакха. Попробовал Фол вино: да вино ли это? Откупоришь сосуд — и такое разольется по пещере и кругом в воздухе амброзий-

ное благоухание далеко по лесам, до самых горных вершин, что опьянеют от него даже высокие ветлы.

Сидит Геракл гостем у кентавра Фола. Полна пещера благоухания, щекочет оно ноздри героя. Рад Фол попотчевать гостя вином, но опасно открыть сосуд: сбегутся на запах вина лесные кентавры, и быть тогда бою за напиток бога. Озвереют кентавры, обезумеют от запаха вина. А у Геракла колчан полон стрел, омоченных в яде Лернейской Гидры. Да и страшен он в гневе. Ни богу, ни самому Хирону не спасти того, кто ранен такой стрелой.

— Не бойся,— говорит хозяину сын Зевса,— только разожги очаг. Отразит Геракл дикий набег без стрел — огнем очага.

Вскрыт сосуд. Пригубили гость и хозяин. И шумит напиток богов дивным огнем в голове полубога Геракла, разливается по его телу, мешается с кровью — будто вдвое стало силы у Геракла. Только некуда ему деть эту силу.

— Пей, добрый гость,— говорит хозяин.— Выпьем за мудрого сына Крона, Хирона. Твой он друг и мой.

И пригубили Фол и Геракл, сын Зевса, в честь кентавра Хирона.

Слышат — буря у входа в пещеру. Будто обвал за обвалом грохочет. Будто водопад низвергается градом камней и потоков. Вот рухнут с громами в пещеру, завалят громадами!

Крики ярости со всхрапом у входа.

— Кентавры!

Кто тут крикнул: гость или хозяин? Не ошиблись: они! Кентавры прибежали на запах вина.

К очагу протянул руку Геракл. Мех набросил на сосуд с вином Фол.

Ворвались в пещеру, друг друга тесня, дикие лесные кентавры. Камни, ели, дреколье в руках. Впереди Анхиос и Агрый, две громадины, кони-люди:

— Вина!

Встал Геракл. В руке у героя головня, и не головня, а

бревно раскаленное, все в огне и дыму. И летит оно, бешено крутясь, в Анхиоса. Другое за ним гремит прямо в Агрия.

Дымом застлало пещеру. Видят кентавры: стоит перед ними исполин в дыму и в руках у него огненные палицы.

Отшатнулись кентавры, попятились ко входу в толчее ног и рук, человеческих и конских тел. Рухнул у входа Анхиос, весь опаленный. Страшным голосом кричит Агрый под копытами табуна, ослепленный горящей головней. Валит дым из пещеры. А в нее летят камни и дреколье, и шумят, крутясь со свистом над головами наступающих кентавров, ели.

Снова ринулись со звериным воем кентавры в пещеру, призывая на помощь древних титанов. И снова, давя друг друга, отхлынули прочь на уступы. Опрокинут в пещере сосуд с волшебным напитком. Еще сильнее кругом благоухание. Безумит оно кентавров и Геракла. И вот стоит уже на пороге пещеры Истребитель чудовищ, и в руке его лук, бьющий без промаха, и лернейские стрелы.

Говорит ему что-то хозяин, хватает за руку. Не слышит Фола Геракл: перед глазами у него чудовища: гидры, львы немейские, вепри-драконы, а не просто кентавры. Истребить их! И уже на тетиве роковая стрела: летит — и падает кентавр, один, и другой, и третий... И опять стрела за стрелой...

Устлал Геракл трупами кентавров уступы и дороги.

Не могла богиня облаков Нефела видеть их гибели. Ведь и она, титанида, мать кентавра-урода, чудовищного сына Иксиона. Слышит она издали жалобное ржанье — плач зеленых кобыл Магnezийских по кентаврам.

Хлынули из облаков дождевые потоки. Размякла почва. Скользят по ней ноги Геракла.

Бегут кентавры, мчатся во все стороны с диким воплем. Ищут спасения: кто — в Малее, к Хирону; кто — в море: пенит воду к волшебному острову Сирец, где ждет их гибель; кто — к потоку Эвену. А кого укрывает Посейдон далеко от Фалеи, в горных лощинах Элевсина.

Гонит Геракл стрелами буйную гурьбу кентавров к Малее. Шагает, но скользят его ноги, хотя шаг у него — как у бога. Шумит в голове дивный напиток Вакха, безумящий смертных.

Что-то помнит он — только смутно помнит.

Всех отважнее был кентавр — слепой Эвритион, похититель Гипподамии. Он один не бежал от стрел Геракла.

Отступил близ пещеры в тень, решил сразиться с сыном Зевса. Но от глаз Геракла не укрылся.

Прицелился герой в Эвритиона и не видит, что на пороге пещеры стоит ее гостеприимный хозяин, друг Геракла, благой кентавр Фол. Поскользнулся Геракл на вымокшей от дождя почве, и мимо: угодила стрела не в Эвритиона — угодила в кентавра Фола.

Крепко вино первых лоз Вакха. Смутно в памяти Истребителя чудовищ. Не помнит, что там было.

Уже близко пещера на Малее, где живет изгнанник Хирон, учитель полубогов-героев.

Снова перед пещерой Хирона ошалелая толпа беглецов. Нет им пути на Пелион: там лапиты. Нельзя им укрыться внутри пещеры: всех перебьет там обезумевший Геракл. Жмутся кентавры друг к другу стадом. Мало их уцелело — кучка. Последние из титанова племени.

А Геракл уже на Малее. Водит дико глазами. Лук в руке.

И прикрыл Хирон своим телом ищущих у него спасения. Смотрит ясно и гневно на Геракла, видит стрелы в колчане. Но что за сила в тех стрелах? Отчего так бегут от них кентавры, не страшившиеся любого бога? Что кричат они в ужасе Хирону: «Стрелы! Стрелы!»

Покрыв их крики его голос:

— Брось, сын Зевса, лук и стрелы на землю!
У Хирона — ты сегодня гость.

Знал, что чтит его Геракл. Но не слышит его одержи-

мый. Летит стрела, одна и другая, мимо Хирона, и падает кентавр, один и другой.

Понеслась дикая ватага обратно на Фолою, мимо Геракла. И Геракл без приветов хозяину повернул за ними, шагает и поет:

— Тэ-не-ла! Тэ-не-ла!

И снова стрела за стрелой в спины скачущих по уступам чудовищ.

Падают в корчах кентавры. Прыгают в смятении в пропасть. Всюду стрелы и «Те-не-ла!», «Те-не-ла!».

Истребил их всех безумный от напитка бога Вакха герой. И тогда ушло от него безумие.

Вернулся он на Фолою. Озирает поле битвы. Что за труп перед входом в пещеру? Мука на лице старика-кентавра, и в плече у него стрела.

Узнал Геракл доброго Фола. Тогда всё припомнил Истребитель чудовищ и застонал от горести: друга убил он. Истребил изгнанников, древнее племя. Заплатил гость хозяину за гостеприимство! О, безумящий Вакха дар! Не забудется это Гераклу. Не забудет этого Гераклу и сам Геракл.

Похоронил кентавра Фола суровый герой и пошел на поиски вепря-дракона на гору Эрманф. Загнал в сугроб чудовищного людоеда-вепря и принес его живым на руках в Тиринф.

Вот она, Пелопоннесская кентавромахия!

Истребили полубоги-герои по воле Кронидов все титаново племя кентавров на горе Пелионе и горе Фолое. Только у переправы близ потока Эвен живет еще нелюдим-перевозчик, кентавр Несс. И в пещере на Малее — сын Крона, кентавр Хирон.

СКАЗАНИЕ О РАНЕНИИ БЕССМЕРТНОГО ХИРОНА СТРЕЛОЙ ГЕРАКЛА, О ЗЕЛЕННОЙ КОБЫЛИЦЕ, О ЗМЕЕ КАЛЛИРОЭ И О ПЬЯНОМ МУЗЫКАНТЕ СИЛЕНЕ

В жестоких корчах и муках, проклиная Кронидов, умерли перед входом в пещеру на Малее на глазах Хирона-врачевателя оба кентавра, раненные стрелами Геракла. Ничем не мог им помочь врачеватель. Даже амброзийный эликсир, мгновенно исцеляющий бессмертное тело, не облегчил мучения смертных членов, терзаемых лернейским ядом.

Сокрушенно смотрел врачеватель на чудовищное уродство, сменившее чудо красоты человека-коня. Века смеялось это чудо жизни так дико и радостно, как смеется у моря, сверкая на солнце, глыба скалы под ударом гремящего вала. Черной взбухшей тушей зверья лежали кентавры, изъязвленные страшнее, чем тела титанов под жгущими молниями Кронида. Будто незримые черви пожирали их заживо. И не мог врачеватель Хирон, вкусивший все корни познания, не дознаться тайны смертоносных стрел.

Осторожно вынул он обе стрелы из трупов и удивился, что от столь маленькой раны гибнет столь большая и могучая жизнь кентавра, и, держа обе эти стрелы на ладони, проникательно вглядывался в их тонкие жала.

Малы эти стрелы для мощи Геракла. Пелионский ясень мал для него, а не то что эта забава. И проник глаз прозрителя Хирона в тайну страшного жала, пропитанного ядом Гидры. Кто же подсказал сыну Зевса мысль омочить стрелы в яде Лернейской Гидры? Кто послал его на подвиг против Гидры? Кто призвал его истребить титанов? Лютость зародила в Гидре яд. Кто же вызвал эту лютость к жизни?

Все постиг учитель полубогов-героев. И поднял Хирон, сын Крона, глаза к небу Кронидов, забыв на мгновение о грозных стрелах на ладони.

Смотрит в небо, а рука его над землею. Чуть скосилась ладонь, и одна стрела соскользнула неволью с ладони

наземь. Передвинулось слегка копыто, наступило на стрелу, и царапнула чуть-чуть стрела межкопыты, там, где у коня живое мясо.

Века вдыхало тело Хирона амброзию. Не было оно создано для тления. И мысль в этом теле титана не только прочла волшебные письма дождя, но открыт ей был и язык лучей. Все, что твердо, текуче, воздушно, лучисто, все познала она в мире живой жизни: знала все целебные травы, и соки, и камни. Но вскормила Гидру, дочь Змеедевы Ехидны, пещера над тартаром в мире мертвой жизни, и тартара мертвая вода пропитала кровь Гидры и затаилась в ней ядом: и ни боги, ни титаны, ни смертные не могли обезвредить ее яд. Черным огнем вспыхивал он в живом теле, смертном и бессмертном, и пожирал это живое тело. Разъедавая и взрываясь пузырями, кипел этот черный огонь в каждой капле живой жизни тела, словно в тысяче крохотных котлов.

Мгновенно вскипел черным огнем и яд, проникший из жала стрелы в царапину на конской ноге бессмертного тела Хирона. Поднял Хирон оцарапанную его стрелу, но уже мысль врачевателя постигла страшную казнь, предназначенную ему Кронидами за то, что он, сын Крона, остался титаном и богом-властителем не стал.

Понял мудрый кентавр и невольную вину Геракла и его безумие Истребителя — он, последний древний кентавр на земле.

Сбегались на Малею к нему, страдающему, нимфы Малей и Фолби. Росяницы омывали ему багровую рану на ноге чистыми слезами утра. Луговые нимфы умащали его тело нектаром цветов. Дриады поили его соком самых глубоких корней от исполинов-дерев. Ореады приносили ему с горных вершин самый легкий воздух, прикрыв его у груди чашей ладоней. Мириады лучей проникали к нему в пещеру и целовали ресницами глаз его кожу, лицо и руки. Малые облачка соскальзывали к нему с небосвода и стирали лазоревыми губками черную пену, выступавшую из пузырей на

конском туловище. Орел принес ему огненный цветок Прометея, выросший у подножия скалы Кавказа из крови Провидца. Но и чудный цветок не помог, ибо вырос он в мире живой жизни.

Хирон не стонал. Только крик от неумолкаемой боли стоял в его больших глазах титана, и так глубок был этот титанов крик, что из камней пещеры капали слезы.

И пришла из дальнего зеленого табуна Магнезийская кобылица, у которой на спине сидели пчелы на сотах, и подставила Хирону свое вымя.

Сказала:

— Я — от Липы-Филюры. В молоке моем сила Крона. Выпей, Хирон. На мне пчелы с медом от цветов Липы. Вкуси, Хирон, материнский мед.

И опустились к губам Хирона пчелы.

Но отстранил и пчел, и кобылицу движением руки Хирон.

Сказал:

— Вернись к океаниде Филюре. Не поможет Хирону даже мать. Пусть обратно поплывет она океанидой к древнему титану Океану. Пусть расскажет ему о титане, сыне Крона, сохранившем древнюю правду.

И вползла к нему большая змея с яйцом во рту. Положила яйцо перед Хироном, и услышал он голос титаниды:

— Хирон, Каллиро́ я, океанида, мать Чудодевы Ехидны. Змеедовой стала Чудодева. Родила она чудо-Гидру. Но похитили Крониды ее дочь. Стала Гидра чудовищем Лерны. Ядом тартара были напоены ее зубы. Не богов она сразила, а тебя. От титановой крови терпишь ты, титан, эту муку. Вот мое яйцо. В нем змееныш. Проглоти это яйцо, Хирон, и змееныш выпьет в твоем теле змеиный яд. Сам погибнет, но спасет тебя от муки. Я — виновная мать порождений. От меня твоя пытка на веки. Одно дитя тебя отравило, другое теперь исцелит.

Сказал змее-титаниде Хирон:

— Не глотнет Хирон титановой крови. Пусть живет змееныш. Твоя материнская жертва напрасна.

Тогда заплакала змея-мать. А ведь еще никогда на земле не плакали змеи. Смешались ее змеиные слезы со слезами камней пещеры, и родился там змеиный источник, исцеляющий смертных от скорби по утраченным детям.

Пришел к Хирону старый Силен. Притащил с собою бурдюк с вином.

Сказал:

— Выпьем, Хирон. Вино — исцелитель печалей. В вине старая жизнь обновляется. Утолит оно твою боль. Я пришел к тебе с моим другом. Вот бурдюк. Подружись с ним и ты. Или сам я от печали по тебе стану вином.

— Пей один, — ответил Хирон. — Мысль титана пьянее вина, но и она не дает мне забвения. Нет вина забвения для Хирона.

Тогда оттащил свой бурдюк Силен чуть в сторону, сел и стал молча пить, бормоча лесные слова. А затем вынул сюрингу, приложил ее к губам и так заиграл, будто он играл на струнах мира.

Так впервые играл старый Силен. И заслушались его земля и небо, и леса и горы, и ручьи, и боги на небе. И заслушалась его на мгновение злая Боль в теле титана. Впервые передохнул Хирон от страдания и сказал с благодарностью старому Силену:

— Вот моя последняя радость. Пьяный друг, ты дал мне то, что не могут мне дать ни земля, ни небо, ни боги. Будь же славен вовеки, Силен-музыкант! Увидя пьянчугу-горемыку, вспомнят тебя и пожалеют всех пьяных от горя на земле.

Прижал Силен сюрингу к сердцу, положил голову на пустой бурдюк и уснул. Вернулась Боль к Хирону, стала злее оттого, что заслушалась музыки. И, страдая, поднял Хирон глаза к небу.

Теперь часто над горой Малеей стояло недвижно в небе сверканье, хотя солнечные кони были уже за горами. Знал

Хирон: это боги Кронида, укрываясь за завесой лучей, смотрят на великую муку Хирона. Ведь и он, Хирон, сын Крона. Не нарушил изгнанник своей клятвы: не вступил с богами в битву. Слышали Кронида его упрек и грозное предвещание. И хотя богам неведомо смущение, все же не открывали они своих лиц перед страдающим титаном. И смотрели на него в молчании из-за завесы лучей. Впервые боги не посмели.

СКАЗАНИЕ О ПОСЕЩЕНИИ КИКЛОПОМ-ВРАЧЕВАТЕЛЕМ ТЕЛЕМОМ СТРАДАЛЬЦА ХИРОНА НА МАЛЕЕ

— Прими гостя, Хирон.

Никогда еще не слышал такого голоса кентавр Хирон. Не пещера ли его спросила так глубоко, глухо и отрадно? И Хирон оглядел каменные своды.

— Прими друга, Хирон,— повторил у входа в пещеру тот же голос.

— Будь другом и гостем. Войди.

И вступил, чуть пригнувшись, в пещеру Киклоп-великан — как и Хирон, древний врачеватель Киклопов.

Сказал:

— Я — Телем, сын Геи-Земли.

Впервые увидели друг друга два титана, познавшие тайны живой жизни: Хирон и Телем, кентавр и киклоп. Не силой и властью богов — сами познали они тайные знаки живой жизни и знали больше, чем боги. Но власти на небе не имели: были они дети земли. Но не хотели они и наземной власти: не боги они, а титаны.

Любят боги зрелище борьбы и радуются играющим силам живой жизни. Но не знают радости познания. Всё, как дар, лежало перед ними — воздухом, землею и водою, огнем и живыми созданиями.

Говорили боги друг другу: «Будем радоваться всему, что есть внутри и снаружи». И большего они не хотели. Не хотели они знать того, чего нет, но что может быть. Как падающий плод, приходило к ним знание, когда это было им нужно. Нужно было им вечное Сегодня. И в этом вечном Сегодня они жили. Завтра есть только для смертных. Перед Завтра встают тревоги. А бессмертные боги Кронида бестревожны. Только титанов мятежное племя будит тревоги в смертном мире. Буйно и непокорно оно. И еще будит тревоги знание смертных, ибо смертные смотрят в Завтра и оно их тревожит. И потому что знание и тревога о Завтра друг от друга неотделимы, чуждались боги радости познания и любили только радость жизни.

Но Хирон и Телем силой мысли титанов черпали знание в чудном зрелище мира — в великом и в малом — и радовались чуду познания.

Близ Хирона сел благой Киклоп, и его глаз посреди высокого лобного свода, круглый, как солнечный диск, то ярко сиял полуденным светом, то мерк, алая, как закат. И также его лобный свод — то был ясен, то туманился.

Посмотрел Телем на тело Хирона.

Сказал:

— Я пришел к тебе по зову Земли. Полон мир живой жизни вестями о страдании Хирона от лернейского яда стрелы Геракла. Где Геракл?

Молот сжатой руки Киклопа угрожающе поднялся.

— Мне больно,— сказал Хирон.— Ты это видишь. Но Геракл невиновен: так хотели Кронида.

Опустился молот руки Киклопа на колено.

Сказал Телем:

— Я ушел в каменные горы, где бьют огненные ключи из недр земли. Холодна для меня почва лесов и степей и дыхание вод. Только близ огня могу я жить ближе к недрам земли, чем к небу. И огонь подземных ключей рассказал мне, что ранен Хирон. Я пришел, чтобы тебя исцелить.

И вынул Телем небольшую граненую глыбу золота, положил ее на ладонь и разъял надвое. Как в ячейке, лежал внутри глыбы глаз солнца, такой же, как на лбу у Киклопа.

— Я прижгу глазом солнца твои раны,— сказал Телем,— и поцелую им твое тело. Только у меня и у Грайстарух такой глаз.

Улыбнулся Хирон.

— Мне больно,— сказал он.— Но все же прижги, Телем. Испытаем силу солнечного глаза над ядом. Не поможет — ну что ж! Зато будем знать. Только будь осторожен. Не прикасайся ко мне.

Даже оживился Хирон.

Уже не золотым было его конское тело, а мрачно-багровым и бугристым. Распухли ноги, и исходил от него жар. Но человеческое тело Хирона еще золотилось и было гладко. Однако и в нем уже будто что-то тревожно вскипало.

Вот приложил Телем солнечный глаз к свирепой ране на ноге, у копыта, где уколола стрела. И вступила в борьбу сила солнца, подателя живой жизни, с ядом, рожденным жизнью мертвой.

Смотрели затаив дыхание два древних титана-врачевателя на борьбу жизни со смертью.

— Дыши, Хирон,— сказал Телем.— Дыхание — сила.

— И ты, Телем, дыши. Знание любит дыхание: оно живое.

Длилась борьба в теле Хирона. И сперва казалось, что не уступит яд смерти огню солнца. Злобно шипел он в ране, клопоча и взрываясь; извергал пузыри и черную

накипь. Не спекалось, не обугливалось бессмертное тело титана, как обычное тело, от огня. Невидимыми лучами и токами боролись в нем две силы. Но вот стала рана светлеть, и даже блеснул выше, на конской коже ноги, золотой радостный отблеск.

— Жжет? — спросил Телем.

— Жжет, но отрадно, — ответил Хирон.

И глаза кентавра и Киклопа встретились: оба знали, что боль нестерпима, но что вытерпит Хирон и нестерпимое.

— Они борются друг с другом, как день и ночь, — сказал Телем.

— Но сумрак это или рассвет? — И вздохнул Хирон, опуская глаза к ране.

Отнял Телем солнечный глаз от ноги и стал им слегка водить по коже конского крупа кентавра, где бугры свивались узлами. Нежно погладил глаз кожу, не оставив на ней следа от ожога.

Сказал Телем:

— Пусть лучи поговорят там с лучами. Я их бросил навстречу друг другу: от ноги и от крупа.

Снова перенес он солнечный глаз на ногу Хирона, и казалось, будто забыл о Хироне Телем, — так углубился он мыслью в испытание тайны жизни и исцеления.

И вдруг впервые вырвался у Хирона стон.

Черной пеной брызнул яд из раны, попали его брызги на человеческое тело кентавра и на золотую глыбу в руке Киклопа. Прикрыла она Телема от брызг. И там, куда попали брызги, мгновенно изъязвилась у Хирона кожа и, вскипая, вздулась черными пузырями. Также и золото глыбы потускнело на том месте, куда попали брызги, и, словно под сверлом, изъязвилось.

— Отойди, Телем, — сказал Хирон. — Ты и сам можешь погибнуть от брызг. Яд сильнее. Посмотри на рану: там черный пожар.

И тогда отнял Телем от раны солнечный глаз.

Тускл был теперь глаз и кровав. И так же тускл и мрачен стал глаз на лбу врачевателя Телема.

— Глаз бессилен,— сказал Телем.— Яд сильнее, чем солнце.

Хирон только кивнул головой. Огромная рана на ноге еще больше взбухла и стала багровой досиня.

Лежал солнечный глаз на ладони Телема, и уже хотел было Телем спрятать его в изъязвленную половинку золотой глыбы-футляра. Но Хирон удержал его руку:

— Положи глаз во вторую половину глыбы золота. Эту брось в расщелину земли. Ее золото больное: оно отравлено.

Телем исполнил. Затем сел снова возле Хирона, но не говорил, а погрузился в глубокую думу. Не спасение, а страдание принес врачеватель Киклоп больному. И скорбел Телем, древний Киклоп. Знал: яд озлится после борьбы и еще сильнее будет мука и боль Хирона.

Оба слушали тишину.

Далеко-далеко где-то кто-то тяжело шагал.

Сказал Хирон:

— Я бессмертен. Ты знаешь исход?

— Знаю. Но ты — титан.

— Не слишком ли много — два бессмертных страдальца для одной земли: Прометей да еще Хирон?

— Он слабеет.

— Он будет силен.

И опять они слышали: далеко где-то кто-то тяжело шагал. Так шагать мог только Атлант.

— Ты последний Киклоп на земле? — спросил гостя Хирон.

— Нас было немного. Но многое мы, народ Киклопов, могли. Были мы Одноглазы — строители стен. Прозывались многорукими — хейрогастерами. Это мы для Персея воздвигли стены Микен. Не стало хейрогастеров. Все боги Кронида — их дело. Напал Дионис-Вакх на Микены.

С ним сразились Киклопы, помогая Персею. Поразил их тирс Вакха опьяняющим силу безумием¹. Были мы, Одноглазы, громобоями и метали некогда молнии: для игры — не для казни. Не стало и громобоев Киклопов. Всё Кронида — их дело. Одоле нас хитростью Зевс. Отняли у нас молнии боги. Сами стали они молниевержцами. Громы отняли. Оставили нам молоты и показали подземные кузницы: «Куйте!» Стали мы подземными кузнецами. Под землю, в кузницах Лемноса, мы ковали молнии Кронида. Не могли не ковать ковачи. Дан нам молот. Что другое нам делать? Нас низвел он ласково под землю.

Древле были мы, Одноглазы-Урании, солнцами на небе. Я последний из них — Ураний. Где другие, знает тар-тар.

Некогда все мы были благими Киклопами. Верно, слышал ты еще и о диких Киклопах, пастухах-козодоях. Людоедами зовут их герои. Но такие же они людоеды, как лесные дикие кентавры. Та же их судьба, что и тех: одичалое горе-племя себе на гибель. Ненавистны им боги Кронида. Нет меж нами и богами примирения.

И поник головой мудрый Киклоп-врачеватель.

— Куют, куют кузнецы-ковачи молнии Кронида. На кого куют они, слепые?

И снова среди наступившей тишины услышали они чей-то тяжкий шаг. Был он теперь еще тяжелее и ближе.

Прислушался Хирон. Сказал:

— Шаг Геракла.

И при звуке имени Геракла приподнялся было Телем с земли, и его глаз на лбу грозно вспыхнул.

¹ В мифе безумие служит орудием богов против богоборцев и ослушников. Безумием карали. Его часто олицетворяли демоны преисподней Лисса и Мания, ниспосылаемые богами на смертных. Безумием покарала Артемида — Актеона, Аполлон — Кассандру, Афродита — Ипполита, Гера — Геракла, Дионис-Вакх — царя Ликурга фракийского, дочерей Прета, царя Афананта, царя Пентея, его мать, Агаву, и других дионисоборцев. Чтобы обезумить свои жертвы, Вакх насылал на них опьянение. Безумием от опьянения он победил также строителей стен вокруг Микен — киклопов.

Но Хирон усадил гостя словами:

— Будь спокоен, Телем. Здесь он — друг. Безумие насылают на него боги, чтобы он истреблял титанов. Но сюда он не придет безумным. Стыд и скорбь ведут его ко мне.

Спросил Телем:

— Я видел трупы двух кентавров перед пещерой?

— Это он, — ответил Хирон. — Я остался один на Малее и Фолое. Истреблено титаново племя. Нет кентавров и на Пелионе. Но и лапитов ждет та же судьба. Все они падут от руки Геракла.

Тогда снова хотел приподняться Телем и сказал:

— Я стану у входа.

Но вторично усадил его учитель героев словами:

— Хирон уже ранен стрелой Геракла, и Кронидам не к чему снова безумить Геракла.

Тяжкий шаг стих подле пещеры.

— Мне входить, Хирон? — спросил голос.

И ответил Хирон:

— Входи, друг.

И вошел Геракл, безоружный, со склоненной головой. У входа бросил он дубину и шкуру. Но при виде Киклопа замер грозный полубог у порога: перед ним кто-то невиданный. С таким Геракл еще не боролся: не бог, не чудовище, не смертный.

Спросил Геракл:

— Кто ты, бессмертный?

Услышал в ответ:

— Я Телем — Киклоп.

Озирали они друг друга, как друг друга озирают Гора и Утес.

— Если ты пришел из недр земли, я скоро спущусь к тебе в недра и буду там твоим гостем, Телем. Так что я гостя Хирона.

И Геракл-полубог сел возле Телема-киклопа. Только тогда взглянул он на Хирона и вскочил с иступленным

криком, ухватившись руками за голову,— он увидел рану на ноге и страшное тело кентавра:

— Это я, мои руки свершили! О, Геракл, ты — убийца Хирона!

И услышал голос:

— Нет, не ты.

Не с неба — с земли прозвучал этот голос. Не принял Хирон вину Геракла.

И тогда, глядя исподлобья на гостя-великана, чуть пригнув, словно для прыжка, плечи, Геракл глухо спросил:

— Это он?

Ответил Хирон:

— Это Кронида.

Словно окаменелый стоял сын Зевса, Геракл, близ Киклопа Телема и Хирона — он, безумный убийца поневоле лучшего среди всех, кто живет на земле.

..Пришла ночь. Заглянула мгlistым взглядом в пещеру и смущенно подалась назад. В пещере был свет, хотя огонь в ней не горел. Грустным солнечным закатным светом освещал ее глаз Телема.

Не было слов. Только три сердца стучали: только три колокола жизни будили тишину.

И были удары одного колокола гулки и бурны, словно беспощадный вихрь ударял в набат и, угрюмо грозя, взывал о пощаде.

И были удары другого колокола медленно-долги, подобно подземному далекому гуду.

И были удары третьего колокола печальны, как прощание звезды с небосклоном, но без жалобы миру.

— Тебе холодно в моей пещере, Телем,— сказал Хирон.— Зажги очаг.

— Мне тепло,— ответил Телем.— При мне солнечный глаз. Да и жар твоего бессмертного тела сейчас высок. Я слышу кипенье в твоей крови. Она побеждает смертельный яд, непрерывно обновляясь в нескончаемой борьбе с ним. А он, побеждаемый, пожирает ее и тоже, как она,

обновляется. В неустанной борьбе с мертвой жизнью будет жить твоя жизнь живая. И так навеки.

— Навеки,— повторил голос Хирона.

И, услышав это «навеки», как зверь в клетке, застонала сила Геракла. В диком порыве воздел он к небу Кронидов напряженные мышцы рук с сжатыми кулаками. Но упали тотчас руки обратно, и сник Геракл: нет там, на небе, у Геракла противника, не с кем ему там бороться — ведь Геракл, Истребитель титанов,— сын Зевса-Кронида.

**СКАЗАНИЕ О НОЧНОЙ БЕСЕДЕ
В ПЕЩЕРЕ НА МАЛЕЕ КЕНТАВРА ХИРОНА,
КИКЛОПА ТЕЛЕМА, ГЕРАКЛА,
ПРОЗРЕВШЕГО ФЕНИКСА-ПОЛУБОГА И СИЛЕНА**

Еще новый гость вошел в пещеру: ослепленный и прозревший Феникс, которому Хирон подарил глаза. И не удивился Феникс, увидя сидящих рядом Киклопа и Геракла.

Это была та последняя ночь, когда страдающий Хирон еще беседовал с друзьями, превозмогая страдание.

В сторонке спал пьяный Силен.

Сказал Феникс:

— Ты учил нас, Хирон, что, стоя над бездной, надо бесстрашно заглядывать в ее глубь и приветствовать жизнь, что жизнь — это радость подвига. Ты учил нас, что, когда ходишь над самой черной бездной по самому краю, надо смотреть в лазурь. Теперь и ты, Хирон, бессмертный, стоишь, как и мы, герои, на краю бездны. Куда же ты смотришь?

И ответил Хирон:

— Я бессмертен, но подвержен страданию смертных. Когда чаша страданий так переполнена, что перетекает через край и в ней тонет мысль, тогда отдают эту чашу обратно жизни. Всякому страданию дано переходить в радость. Одним страданием не живут.

Смутили слова Хирона его друзей, но никто еще не понял, что задумал мудрый кентавр. Ведь он был все-таки бессмертен.

— Скажи, что ты знаешь об этом, Геракл? — спросил Феникс полубога, сына Зевса.

Ответил Геракл:

— Я не умею з н а т ь — я делаю. Я не заглядываю в бездну — я спускаюсь в нее, чтобы вынести оттуда Ужас бездны на свет дня. Я не умею ни перед чем отступить и хожу по любому краю.

Сказал тихо Хирон:

— Ты найдешь свой край, Геракл. Но слова твои меня радуют.

Тогда спросил Феникс Киклопа:

— Почему ты молчишь, Телем?

И ответил Телем:

— Кто потерял небо, для того и темная земная бездна становится небом. Уже нет для меня края и глубины бездны, и мне некуда заглядывать. Я сам в бездне. Не придешь ли ты и за мной, Геракл?

Ответил Геракл:

— Приду.

Задумались титан и полубоги, каждый, как адамант, закаленный страданием, в то время как в уме Хирона созревало решение, еще никем не понятое из его друзей.

В сторонке спал пьяный Силен на пустом бурдюке и во сне улыбался. Снилось ему, что бурдюк его снова полон.

Наконец долгое молчание прервал Феникс, понимая, что Хирон задумал нечто небывалое.

Сказал:

— Хирон, я люблю додумывать мысль до конца. Но почему в конце моей мысли опять появляется ее начало и тревожит меня вопросом?

При этих словах вдруг проснулся Силен и рассмеялся:

— Видно, мысль твоя, Феникс, как мой бурдюк! Когда выпьешь все его вино до конца, надо его снова наполнить тем же.

А Геракл, не умея шутить, добавил сурово:

— Так было и у многоголовой Лернейской Гидры. Когда я отрубал ей одну голову, на том же месте вырастала тотчас другая: тогда я прижег то место, где была голова, и другая голова больше не выросла. И тебе, Феникс, надо бы прижечь конец своей мысли.

И тут крикнул Фениксу Силен:

— Прав Геракл! Прижги, Феникс, вином свою мысль, иначе чем же ты ее прижжешь?

Все видели, что Силен хочет шуткой вызвать улыбку у Хирона, чтобы отвлечь его от страдания.

Но страшная сила яда, перешедшая из конского в человеческое тело кентавра, уже достигла той степени, когда мышцы и чувства не могли больше вызвать смех и улыбку. Напрягая могучую волю, молчаливо терпел Хирон свою муку, но его гордость титана и бессмертная сила жизни не хотели принять вечное страдание, не искупаемое, как у Прометея, мятежом свободы, и его мысль искала пути, чтобы одолеть яд мертвой жизни силой знания.

Спросил вдруг Хирон:

— Где Асклеий? Почему он не приходит к Хирону? Ведь он знает, что с Хироном. Не вижу я его на земле среди смертных. Не вижу и среди бессмертных.

Удивились все словам Хирона, прозревающего мыслью все, что есть в живом мире. Но никто не мог ему сказать, где Асклеий и что с ним: ни Телем, ни Геракл, ни Феникс, ни Силен.

Только Геракл вспомнил:

— На Тайгете меня ранил в бедро герой Гиппоконтид.

Незаживающей была моя рана. Но нашел меня Асклепий, повел к реке Песен, Мелосу, где волны вечно поют и где под песни волн вырастают на берегу чудотворные травы. Там он вырвал из земли растение, приложил его к моей ране, и рана мгновенно зажила. Называл бог-исцелитель это растение Лира Хирона.

Вдруг Телем припал ухом к земле и, поднявшись, сказал в тревоге:

— Я не слышу ударов молота подземных ковачей Киклопов. Молчит громовой молот Бронта. Молчит молниевой молот Стеропа. Молчит сверкающий молот Арга. Никогда не смолкали их молоты с той поры, как стали они ковать молнии Зевсу-Крониду в подземной кузнице Лемноса. Пойду и узнаю. Принесу тебе весть об Асклепии. Небывалое свершилось на земле.

И ушел благой Киклоп Телем.

Тогда поднялся Феникс и сказал:

— Еще не было такого дня, чтобы твое прозрение, Хирон, не нашло на земле Асклепия. Пойду и я. Разыщу слепого провидца Тиресия. И узнаю от него, где Асклепий. Небывалое случилось на земле.

Долго ждали, до самого рассвета, Хирон-страдалец и Геракл, его невольный убийца, возвращения ушедших друзей. Но не возвращался ни Телем, ни Феникс. Все сильнее и нестерпимее становилась мука Хирона. Все мрачнее становился Геракл, наблюдая мучение благородного кентавра. Тогда встал Геракл и сказал:

— Пойду и я, Хирон. Я привык к небывалому. Но не возвращаются Телем и Феникс. Видно, нужна на земле помощь Геракла. Я принесу тебе в дар исцеление.

И остался Хирон один со спящим Силеном в своей пещере на Малее.

СКАЗАНИЕ О НИЗВЕРЖЕНИИ ЗЕВСОМ БОГА АСКЛЕПИЯ И ОБ УБИЙСТВЕ АПОЛЛОНОМ КОВАЧЕЙ МОЛНИЙ, ПОДЗЕМНЫХ КИКЛОПОВ

Когда на предутреннем небе, сомкнув золотые ресницы, уснула последняя звезда, Телем вернулся в пещеру к Хирону.

Вгляделся Хирон в его солнечный глаз посреди лобного свода и прочел в нем прозоритель все, что услышал и узнал древний Киклоп. Тогда обняла Хирона Печаль черными крыльями и сама спрятала в них голову, потому что и Печаль не смела смотреть в глаза страдающему титану — так тяжко ранила его принесенная Телемом весть. С двойной силой вспыхнула в теле и в мысли Хирона боль, но все же захотел он услышать обо всем от самого Телема, потому что любил он Врачевателя-бога Асклепия, замыслившего исцелить смертных от смерти и сильного титановой правдой.

Многие говорили тогда на земле о чудных делах врачевателя смертных Асклепия. Говорили, что исцеляет он не просто больных, а исцеляет и неизлечимых. Всё умел он творить, что творил Хирон-врачеватель: возвращал зрение слепым и телу — утраченные им члены.

Но Хирон не вступал в состязание ни с богами, ни со Смертью. Асклепий же вступал. Когда демон Смерти Танат наклонялся уже над смертным телом, отгонял бог-Врачеватель Смерть от тела, и умирающий вставал на ноги. Даже Гермия-душеводителя принуждал он отступать, когда тот поджидал отлетающую от тела призрачную тень: задерживал Асклепий душу в теле, и живым поднимался мертвый.

Добыл Асклепий и цветок Прометея, расцветающий раз в тысячу лет. Помогла ему в этом титанида, ночная Геката: разослала она своих ночных собак во все стороны вокруг горы Кавказа, и учуяли те чудный цветок. Стал Асклепий с помощью волшебного цветка Прометея делать тела героев неуязвимыми. Сделал он таким тело свирепого

Тидида. Но лютовал неуязвимый Тидид среди смертных героев, и не к добру послужил ему дар Врачевателя-бога.

А боги Кронида молчали.

Обладал Асклепий и волшебным бальзамом, сделанным из амброзии и крови Горгоны Медузы и хранимым суровой Афиной-Палладой, дочерью-мыслью Кронида. По совету презрителя Мома дала Асклепию этот бальзам Паллада. Мог он этим бальзамом пробуждать мертвых и исцелять героев от смерти.

Встревожили земные дела Асклепия покой и радость богов Кронидов, властителей мира, в их небесных домах, хотя и благоволили они прежде к Врачевателю-богу: ибо был он для них сыном Аполлона и стоял за него Аполлон, сияя золотым солнечным луком. Как же не любить им его сына?

Созвал Зевс богов на совет.

Сказал:

— Безумные дела творит Асклепий на земле, и сам он обезумел. Исцеляет он людей от страха перед богами. Перестанут люди нас, богов, бояться. Восстанут они и поднимутся на Олимп и на небо.

Улыбнулись тут весело боги. Разве могут смертные не страшиться богов! Но не улыбнулся с ними Кронид. Гремел его голос на Олимпе:

— Сам безумный, исцеляет он смертных от безумия, ниспосылаемого на них богами. Перестанут люди опьяняться безумием и его страшиться, перестанут гнать безумных и еще сами захотят быть безумными.

Но тут поднял Вакх свой увитый плющом тирс, опьяняющий смертных безумием, и воскликнул:

— Этот тирс сильнее: он еще обезумит и безумных!

И снова стали улыбчивыми лица богов.

Но не улыбочиво было лицо Зевса, и грозен был его голос:

— Нарушитель он законов Ананки-Неотвратимости: неуязвимыми делает уязвимых. Но когда он увидел, что и

неуязвимые смертны, тогда замыслил он исцелять смертных от смерти. Мало ему пробуждать к жизни героев, павших в боях,— хочет он спуститься в аид, хочет вернуть тени усопших героев на землю и одеть эти тени их испепеленным телом.

И закричали в тревоге все боги:

— Он безумен!

Только Мом-презритель молчал, правдивый ложью.

Знал Мом, сын Ночи, что только тех карают боги безумием, кто идет против богов или вступает в состязание с богом, а также всех им неугодных. И всех жесточе карал безумием Вахх-Дионис.

Гремело в небе слово Зевса:

— Мало будет ему и этого! Захочет он завтра запереть врата аида для героев.

И закричали снова боги в тревоге:

— Он безумен!

Только Мом-презритель молчал, правдивый ложью.

— Но и этого будет мало безумцу. Замыслит он спуститься в самый тартар, к титанам, чтобы в них возродить их былые силы и отвагу и вернуть им потерянную ими в подземном мраке красоту богов. Даже испепеленных захочет он возродить.

И хотя не знали боги страха и страшались только одного Зевса-Кронида от великого почтения к Молниевержцу, но, услыша его слова, закричали в ужасе и гневе:

— Он безумен! Испепели его самого молниями!

Только Мом-презритель молчал, правдивый ложью.

Сказал Зевс:

— Забыли вы, что из огненного рода солнечных титанов мать Асклепия, Коронида. Мы и солнечных титанов свергали, но родила она Асклепия среди солнечного огня Аполлона. Огнен он внутри. Не обожгут, не уязвят такого бога трехзубые молнии, хотя он только земной бог, а не небесный. Могу я его низвергнуть молниями в тартар во всей его огненной силе, со всеми его тайнами знания. Но

зажжет он тогда огнем сердца титанов и поднимет их на богов. Не могу я его приковать: расплавятся от его тела цепи.

В ужасе и смущении встали боги со своих мест, обратив взор к Крониду.

Да неужели ошибся Кронид, когда, испытав на Пелионе мальчика-бога, сказал богам: «Он бог людей, а не бог богов». Да неужели земной бог может быть сильнее богов неба? Вот оно, возмездие Хирона Кронидам: воспитал он мальчика-бога им на погибель.

И тогда раздался голос Мома, сына Ночи:

— Оглуши его громами, Кронид! — И усмехнулся презритель-бог.

Снова стали радостны лица богов. И сказал Кронид Мому:

— Ты угадал мою мысль, Мом. Я и сам так решил. Пусть воскресит он теперь мертвого героя!

И снова усмехнулся Мом, правдивый ложью. Разве не был Зевс промыслителем? Разве не все мысли богов — его мысли?

Опустел Олимп. Разошлись радостные боги по своим золотым домам. Только не было на совете богов Аполлона. Улетел он тогда в Гиперборею. Без защитника на небе остался Асклепий. Стали ждать боги Кронида его дел.

И вот воскресил бог-Врачеватель близ Дельф полубога-героя.

Неведомым осталось имя возрожденного Асклепием к жизни, ибо до того испепелили его тело молнией, что не нашли даже пепла. Только есть на том месте гробница Неведомому герою, воздвигнутая века спустя людьми.

Снова собрались все боги Кронида на Олимп.

И послал тотчас Зевс Гермия к великанам-Киклопам в подземную кузницу: приказал ковачам-молотобойцам поднять громовые молоты и оглушить их громами Асклепия под сверкающие удары молний.

Выслушали древние титаны-Одноглазы лукавого посланца, положили молоты на наковальни и сказали разом все трое — и Бронт, и Стероп, и Арг:

— Кузнецы мы. Куем Зевсу молнии, но их не мечем. Поклялись мы не бороться с богами и блюдем клятву. Ведь Асклепий — бог. Что же побуждает нас Кронид нарушить клятву и сам ее тем самым нарушает? Мы — подземные. Наземных дел, Кронидовых, не знаем. Только знаем: живет на земле праведный титан, сын Крона, Хирон. Пусть спросит Кронид Хирона: правильное ли он сам задумал дело? Есть у Зевса для казни Силы. А мы не казним: мы кузнецы. Освободил нас Зевс из тартара, вывел на землю. Победил он титанов — и снова вернул нас под землю. Мы и куем молнии Зевсу.

Сказали. Взяли молоты с наковален и стали снова ковать.

Отлетел на небо Гермий ни с чем. Доложил посланец Зевсу:

— Не покорствуют твоему слову Киклопы. Не хотят поднять молоты на Асклепия. Чтят они на земле только Хирона. Но молнии куют тебе. Быть черному дню. Налетят Керы-Беды на Олимп, если добудет Асклепий у Киклопов молнии и ударит ими в Кронидов. Порази его сам.

И тогда в громах и молниях спустился к Дельфам Кронид, где Асклепий воскресил героя.

Ударили громы в озарении пляшущих молний — так ударили, как еще никогда не ударяли ни в древних титанов, ни в Атланта.

Будто взял Кронид медную гору и грохнул ею по пустому медному котлу-морю, и не одной горой грохнул, а тысячью гор. И там, где ударили громы, все живое оглушили насмерть. Разлетелись уши словно одуванчики, лопнули тела и головы, деревья полегли наземь, и зеркала всех вод разбились на алмазные пылинки. Даже воздух стал бездыханным.

Упал бог-Врачеватель на землю, вырвался у него из ушей и ноздрей огонь, и закрыл он глаза, познавшие мыслью тайны живой жизни.

Перенесли его Силы, слуги Зевса, в глубокое, как море, ущелье, именуемое Ущелье Мхов. Росли там вековые мхи мириадорукые, мириадогубые. И когда кто-нибудь попадал в то ущелье — зверь ли, птица ли, змея ли, — схватывали его мгновенно мхи, вовлекали в глубину ущелья, и тотчас обрастал он вековыми мхами. Даже раз чуть не втащили они туда Ветер. Оставил он им половину своих крыльев и еле вылетел из ущелья.

Потому-то и не знал никто на земле, где сокрыто тело Асклепия. Мгновенно заросло ущелье пышным многоцветным мхом.

Вернулся в Дельфы из Гипербореи Аполлон, и тотчас рассказала ему Артемида о свержении бога Асклепия: будто молниями поразили его Киклопы. Но где тело Асклепия, не знала.

Разъярился Аполлон на богов. Весь в огнях-лучах, взлетел на небо и предстал перед Зевсом.

Впервые увидел его таким Зевс-Кронид. Не знал он, что так могуч Аполлон. И спросил Аполлон Кронида:

— Где Асклепий, сын Аполлона?

И впервые отец богов Зевс-Кронид не дал ответа сыну Аполлону: обманул Аполлона молчанием.

Только Мом, правдивый ложью, сказал:

— Аполлон, молнии куют Киклопы, — и, как всегда, усмехнулся.

Низринулся Аполлон с неба под землю, прямо в кузницу Лемноса, и еще не успел Кронид постигнуть замысел Солнцебога, как уже лежала золотая стрела солнца на тетиве его лука.

Засиял в подземной кузнице, в недрах земли, Киклопам свет вольного неба. Впервые проникло туда солнце. И с поднятыми молотами замерли Одноглазы-Киклопы Бронт, Стероп и Арг.

Не бог-мастер Гефест перед ними, а Аполлон с золотым луком в руке. Яростно ярк, до ослепления, его сверкающий гнев. И ослеплял он глаз-солнце Киклопов светом неба:

— Не ковать вам больше для Кронида трезубые молнии! Зло куете вы под землею для богов. На земле вершится оно. Убили ваши молнии Асклепия, сына Аполлона. Не быть вам больше, подземным слепцам, ковачами! Пусть Гефест кует в вашей кузнице.

Вспыхнули пожаром три солнца, три глаза трех Киклопов, ослепленных сиянием Солнцебога. Не они ли, Киклопы, отвергли волю Кронида поразить молниями Асклепия и нарушить древнюю клятву? Не боги ли поклялись Киклопам великой клятвой никогда им не вредить и с ними в борьбу не вступать?

И метнули тогда три великана вслепую, на голос Солнцебога, три молота. Стукнулись молоты в воздухе друг о друга тремя громами, брызнули тысячи искр, обожгли подземные своды кузницы. Но уже летят одна за другой три стрелы небесные в три подземных глаза-солнца. И погасли те глаза навеки.

Упали три древних титана, три Киклопа-великана, и чуть не опрокинули гору над кузницей. Но еще четвертую стрелу пустил Аполлон и разверз ею землю до тартара.

Тогда принял тартар бессмертные тела трех слепых древних титанов Киклопов в свой глубокий мрак.

А кузницу Киклопов занял Гефест.

Выковал бог-кузнец из меди слуг-молотобойцев, дал им в медные руки молоты Киклопов и велел им ковать молнии Зевсу. И медные слуги-кузнецы ковали.

Еще меньше титанов осталось на земле. Все могучее становились Кронида.

Так узнал сын Крона, Хирон, от последнего благого Киклопа Телема о гибели бога Асклепия и подземных Киклопов. Но о том, что в ущелье Мхов лежит тело Асклепия, Телем также не знал. Только сказал после молчания:

— На Олимпе собрались все боги. Судят они Солнцебога Аполлона, убийцу Киклопов, нарушившего клятву Стиксом. Должен он, по закону Судеб-Мойр, быть низвергнут, как бог-клятвопреступник, на девять лет в тартар.

Но еще не весь сосуд горя выпил в этот день страдающий учитель героев. Ждала его новая горькая весть.

СКАЗАНИЕ О ЛИШЕНИИ БОГАМИ ТИРЕСИЯ ДАРА ПРОЗРЕНИЯ, О ГРОМКИХ ДЕЛАХ ГЕРАКЛА И О ЕГО ДАРАХ ХИРОНУ

В этот день солнечные кони долго стояли на полдне, ожидая Солнцебога с Олимпа, где шел суд над богом Аполлоном. И не знали солнечные кони, кто возьмет теперь в руки лучистые вожжи: древний титан Гелий или юный сын Зевса. Перебирали кони алмазными копытами, поднимая вверх сияющие крылья, а над ними на золотом шесте висел солнечный венец бога.

И в этот самый долгий полдень на земле вернулся в пещеру Хирона Феникс, и следом за ним брел, опираясь на посох, слепой Тиресий — уже не провидец, а просто слепец.

Узнав Тиресия, обрадовался Хирон:

— Тиресий! Верно, чрезмерность страдания мешает мне ясно видеть невидимое, то, что сокрыто от смертных глаз. Я призвал тебя: скажи мне, ясновидец, где тело бога Асклепия?

Опустив низко голову, чтобы скрыть глаза, стоял перед Хироном Тиресий, и грустен был голос прославленного провидца:

— Я и видимого мира не вижу. Я — только слепец.

Понял Хирон, что утратил Тиресий дар прозрения, и спросил его:

— За что кара?

— Тайные мысли богов открывал я смертным, чтобы знали герои, что замышляют против них боги. И за это лишили меня боги дара прозрения. Закрылось для меня прошлое и грядущее. И не знаю я, где тело Асклепия. Теперь Тиресий больше не врач страдающей души и мысли — он только больной. Сам я брел по темным дорогам в поисках тебя или Асклепия. Лишили меня боги глаз для видимого мира, лишили и глаз для невидимого. И не смею спросить тебя, страдальца: где же врач, который исцелит меня?

Вздыхнул тяжело Хирон и сказал:

— О Кронида, Кронида! Не слишком ли это много для Хирона? Что же еще подарите вы мне сегодня? Ведь страдание Хирона бессмертно, и нужна ему все новая пища. Шлите же ее, боги, шлите сыну Крона! Всему есть мера на земле, но, видимо, для страдания нет меры.— И, немного помолчав, добавил: — Но будет.— А затем, обратившись к Тиресию, утешил его, сам задыхаясь от боли: — Потерпи, Тиресий. Скоро вернется к тебе утраченный тобою дар.

Тогда встал с земли киклоп Телем и низко поклонился Хирону:

— Много веков прошли мимо Телема и большими шагами, и малыми. Видел я великую меру страдания и великую меру мужества. Но ты прав: нет меры для страдания титану, как нет меры и для его мужества. Ни перед кем не склонялся Телем. Сегодня поклонился я твоему мужеству, Хирон. Превзошел ты Прометееву меру.

Но еще никто из друзей Хирона в пещере — ни Телем, ни Феникс, ни Тиресий — не знали, какой новый подвиг великого мужества замыслил мученик-кентавр.

...В эти часы и дни не входило Время в пещеру на Малее и не входил туда Сон. А в мире за пещерой текли годы, но никто не вел им счета.

Полна была земля — и в мире жизни живой, и в мире мертвой жизни — рассказами и вестями о делах-подвигах Геракла, который вышел от Хирона, чтобы вернуться к нему с чем-то чудесно-могучим, побеждающим лернейский яд. Но умалчивали все летучие, и текучие, и сыпучие земные вестники о том, добыл ли Геракл неведомое целебное средство для Хирона, а говорили о Геракле, сыне Зевса, Истребителе титанов-оборотней, великанов и чудовищ. Не щадил он ни смертных, ни бессмертных. И ужасалась мать-Земля Гея, и дивился титан Солнце-Гелий, и даже боги преисподней с тревогой смотрели на вход в аид: не появится ли там сила Геракла? Сам демон Смерти Танат испытал мощь его рук, и уже не было Гераклу на земле противника.

Чу! Что за ночные голоса?

То, дрожа и зябко кутаясь в водяные плащи, говорили торопливо-пугливо струи ключей и потоков на Малее:

— Вырвал Геракл рог у отца рек — титана Ахелоя, и стал быколобий Ахелой однорогим. Всегда полон этот рог плодами. Не для Хирона ли страдальца этот рог Изобилия? Не исцеляет ли он?

Чу! Снова чьи-то тяжкие шаги на Малее. И снова раздался у входа в пещеру Хирона голос, никогда не спрашивающий права на вход:

— Я к тебе, Хирон. Мне войти?

И ответил Хирон:

— Входи, друг.

Снова собрались в пещере вокруг Хирона все его друзья: Телем, Феникс, Тиресий и Геракл. И тут же, как всегда, лежал пьяный Силен с бурдюком.

Сказал Геракл:

— Вот рог Изобилия. Он голодного насытит в пустыне и в море, если тот радуется жизни. Только радующихся

кормит этот рог. И всегда изобилие прибавляет он к изобилию. Вот колхидское волшебное зелье Гекаты из сока цветка Прометея. Неуязвимым делает оно тело. Вот бальзам из капель крови Горгоны Медузы. Оживляет он мертвых. Я хотел облегчить твою боль, Хирон. Всё добыл я, чем владеет Асклепий, но не знаю, как применить. Ты же знаешь.

Положил Геракл свои три дара на каменный стол перед Хироном.

— А теперь мой путь лежит в сад Гесперид. Я добуду для тебя золотые яблоки с яблони Жизни. Принесу тебе и мертвую воду из айда¹.

И как раз тогда, когда сказал эти слова Геракл, влетела в пещеру голубка с каплей амброзии из ключа Бессмертия, бьющего в том же саду Гесперид. Но не допустил ее к себе Хирон, чтобы не заразить ядом птицу, и стала голубка кружить по пещере, рассматривая гостей Хирона, так как только бессмертному могла она передать свою каплю. Наконец подлетела она к Телему — он был из древних Уранидов — и села к нему на ладонь. Но не было в руках Телема ни лепестка, ни чашечки цветка, чтобы принять эту каплю. Тогда вспорхнула голубка на стол и вложила амброзийную каплю в рог Изобилия. Сразу наполнился рог плодами, и все плоды, впитав в себя благоухающее дыхание капли, которое не иссякает, пока капля до конца не выпита, обратились в пищу бессмертных.

Улетела голубка, и стали друзья Хирона просить его съесть один из плодов бессмертия: может быть, плод утолит его боль. И хотя Хирон был тронут делами и заботой о нем Истребителя мира титанов, он сказал:

— Не нужны уже Хирону яблоки Гесперид, не нужны ему и плоды бессмертия. И так во мне слишком много бес-

¹ За золотыми яблоками Геракл отправился уже после схождения Хирона в аид, по приказу царя Эврисфея. Поэтому Геракл не знал, что ему с ними делать.

смертия — пищи для яда. Но вот встанет Хирон и сам пойдет за Исцелителем.

Удивились друзья словам Хирона, ибо даже при легком шевелении с двойной силой набрасывалась на его тело боль, но и обрадовались они, полагая, что нашел Хирон целебное средство против неодолимого яда.

Стал Хирон подниматься с земли, говоря:

— И бессмертное тело уязвимо. Уязвимы и бессмертные боги.

Трудно было Хирону, пораженному жестоким ядом, поднять с земли свое конское тело, трудно было ему выпрямить на нем свое человеческое тело, пылающее свирепым жаром и потерявшее гибкость. Но никому не позволил он помочь Хирону.

И все же встал Хирон на конские ноги и выпрямил свой человеческий торс.

Сказал:

— Не в тартаре Асклепий. Где-то затаен он незримо на почве земли. Не обожгли его молнии. Только громы могли низвергнуть его оглушением и заглушить в нем голос бессмертия. Сам пойду я и найду его тело.

Тогда поняли друзья слова Хирона об Исцелителе. Поняли и то, что не нашел он средства против яда, а идет совершить новый подвиг и принять на пути еще новую, небывалую муку. Ибо каждый шаг Хирона по неведомой дороге к Асклепию будет пыткой и казнью.

Тогда шагнул вперед Геракл.

Сказал:

— Я пойду вместо тебя.

Но Хирон покачал головой. И хотя от боли трудно было ему говорить, он все же выговорил:

— Покройте меня всего веселой листвой. Оденьте ею мои плечи, и спину, и бока. Только голову оставьте, как есть. Не коснулся еще яд головы Хирона. Не хочет она стать безумной на радость Кронидам. Еще сильна моя сила бессмертия, подкрепленная знанием на зависть богам.

И одели его друзья широколистной листвою. В зеленый шатер на конских ногах, с головою бога превратился Хирон.

Но следовать за ним он своим друзьям запретил. И остались они в пещере на Малее.

Так началось хождение Хирона на поиски тела Асклепия, бога — Врачевателя смертных.

СКАЗАНИЕ О ХОЖДЕНИИ ХИРОНА НА ПОИСКИ ТЕЛА АСКЛЕПИЯ И О ТИХОМ ДЕЛЕ ГЕРАКЛА

Был уже Хирон далеко от пещеры, когда вышел из нее Геракл и зашагал вслед за Хироном, не упуская его из виду. Решил герой не оставлять одиноким искателя-страдальца на его трудном пути и неприметно повсюду следовать за ним поодаль, нарушая запрет Хирона. Не взял с собою Геракл ни лука, ни стрел, ни дубинки. Только вырвал из земли пышный куст, прижал его руками к груди и шел под его прикрытием, что ни шаг останавливаясь.казалось, будто не могучий герой, а куст стоит позади Хирона на дороге.

Думал Геракл: «И титану нужна будет помощь героя».

Не Хироновым прославленным шагом, а припадая на все четыре конские ноги и качаясь, как пьяный Силен, шел кентавр, словно почва сверлила ему раскаленными сверлами копыта и словно самый воздух вонзал в него незримые зубы. Все стонало в нем — мышцы и жилы. Все кричало от боли тысячей голосов: «Стой, Хирон, пощади нас, титан!» Да неужели никто не услышит их стоны? Да неужели мир глух и нем?

Слышал мир. Видел мир. Все живое открыло свои уши и глаза и затаило дыхание. Все хотели помочь Хирону, но никто не посмел: ведь и боги все видят и слышат, и могла земля своей помощью титану невольно предать его подвиг: унесли бы Силы Зевса Асклепия.

И хотя вся земля ему друг, одинок был бы Хирон без Геракла. Шел Хирон и у всей живой жизни на земле спрашивал: где тело Асклепия? Но никто об этом не знал: ни звери, ни птицы, ни травы, ни воды, ни камни.

И увидел с высоты неба титан Гелий его голову бога над зеленым шатром листвы, под которым было скрыто страдающее тело и уродство. Придержал он коней солнца и спросил:

— Куда ты, Хирон?

— Я ищу тело Асклепия, бога — Врачевателя смертных. Где оно, Гелий? Ты все видишь, все знаешь, все слышишь.

Ответил Гелий Хирону:

— Не знаю. Не сиял я тогда на небе. Спроси Ночь. Но ведь Ночь безмолвна.

Остановился Хирон и задумался: даже солнце не знает, где Асклепий. Кто же знает? Не скован ли он?

И решил Хирон плыть через море и спросить у Гефеста, в кузне на острове Лемносе, не оковывал ли он Асклепия.

Опустился Хирон с гор к морю. А Геракл остался стоять под прикрытием куста на высоком морском берегу и ждал возвращения кентавра.

Погрузился Хирон в волны и поплыл. Но, опасаясь отравить кого-нибудь ядом, запретил морскому миру подплывать к нему близко.

Не послушались его голоса дельфины, нырнули под конское тело и понесли его к острову Лемнос. Умирили в муках одни дельфины от жестокого яда в пути, но замещали их тотчас другие. Умирили и эти, и снова их сменяли

другие. И не мог их отговорить Хирон, ибо жертвенны спасители всего благого — дельфины: видели они великую муку Хирона, постигали его высокий подвиг и хотели, чтобы скорее доплыл Хирон до Лемноса.

Там спустился Хирон в кузницу Киклопов.

Изумился бог-Хромец при виде Хирона и тому, что весь он покрыт прилипшей к телу листвою.

Никогда еще не вступали в эту кузню кентавры.

Сказал бог-кузнец:

— Ты здесь первый.

— И последний,— добавил Хирон.— Если помнишь ты о титановой правде, то скажи мне не таясь: не сковывал ли ты тело Асклепия и не знаешь ли ты, где оно? СвERG его Зевс.

Не забыл бог-Хромец своей хромоты Зевсу, открыл бы он Хирону, где тело Асклепия. Но не знал об этом и он.

Ответил:

— Я слышал, что Асклепий — безумец и что безумие его оглушил Зевс громами. Ведь безумный бог весь мир обезумит. И все станут тогда в мире безумными. Всегда в бурях будет от безумия море. Будут горы плясать в безумной пляске. Вверх ногами-корнями станут деревья на голову. Будут львы в безумии кормить ланей. И огонь захочет выпить воду. И все угли захотят быть алмазами. Все начнут метать в небо зажженные факелы и кричать, что они молниевержцы. Все начнут возить медные бочки на медной колеснице по медному мосту и кричать, что они повелевают громами. Или забыл ты о безумном Салмонее? Будут ноги себе рубить секирами, думая, что вырубают винные лозы, и кричать в безумии: «Долой Вакха!» Или забыл ты о безумном вакхоборце — царе Ликурге? Захотят, чтобы все, к чему прикоснутся, тотчас обращалось в золото: станет золотом вода и хлеб, но живой мир останется голодным. Или забыл ты о царе Мидасе? Будут слепых называть зрячими, а зрячих называть слепыми. Или

забыл ты о слепоте зрячего Эдипа¹, отцеубийцы? Захотят все взлететь на Олимп и быть богами. Или забыл ты о безумном Беллерофонте? Все белое назовут черным, а все черное назовут белым; из-за тени осла начнут спорить, как о выеденном яйце². Состязаться все будут друг с другом в безумии, чтобы один стал безумнее другого. Нет, не может бог быть безумным. Но не оковывал я Асклепия и не знаю, где его тело.

Поплыл Хирон обратно к берегу, и снова погибали ради него дельфины.

Тогда решил Хирон спросить об Асклепии у владыки преисподней — у бога Аида. Нашел он в земле глубокую расселину и воззвал к Аиду. И на голос сына Крона поднялся из преисподней бог мира Теней. Никогда еще ни один бессмертный титан не взывал к подземному богу.

Сказал Аид:

— Не витают вокруг тебя подземные Керы-Беды. И Эрриниям, демонам мщения, ты не подвластен. Не подвлас-

¹ Или забыл ты о слепоте зрячего Эдипа... — Согласно мифу: хотя Эдип был зряч, он убил своего отца, не зная, что это его отец; женился на своей матери, не зная, что это его мать: такова «слепота зрячести». Провидец Тиресий, хотя был слеп, познал, то есть увидела мыслью, то, что было скрыто от зрячего Эдипа: такова «зрячесть слепоты». В миф об Эдипе, преступнике по неведению, привходит миф о загадке Сфинкса: кто ходит утром на четырех ногах, днем — на двух, а вечером на трех? Ответ общеизвестен: человек. Эдип разгадал эту загадку. Однако загадка Сфинкса имела более глубокий смысл, а именно: это загадка о том, что такое знание. Поэтому самая загадка только и начиналась с разгадки. Она спрашивала: «Что может знать человек?» Оказалось, что мудрый Эдип, разгадав загадку Сфинкса и дав ответ: «Человек», остался в неведении о том, что может знать человек о собственной судьбе, и сам стал преступником по неведению. Загадка Сфинкса была действительно загадочной. И Эдип, зрячий человек, возгордившийся своей мудростью, оказался в итоге слепцом. Знание беспредельно, и ответ Эдипа есть только первая ступень на пути в ту бесконечную глубину моря, в которую кинулся Сфинкс, когда услышал ответ Эдипа: «Человек», и улыбнулся. Выражения «слепота зрячести» и «зрячесть слепоты» связаны, таким образом, с мифом об Эдипе и прорицателе Тиресии.

² Из-за тени осла начнут спорить... — Существовала греческая поговорка: «Выйдет тень осла», что означает: выеденного яйца не стоит.

тен ты ни демону Смерти Танату, ни мне. Зачем вызвал ты меня, сын Крона?

Сказал ему Хирон:

— Выдай мне из тартара тело Асклепия, если оно низвергнуто в тартар. Или скажи мне, где оно: в недрах или на почве земли? Если выдашь мне тело Асклепия из тартара, сойду я добровольно к тебе в подземное царство, как смертный.

Ответил Хирону бог Аид:

— Не подвластен мне тартар, Хирон. Не всевластен я в подземном мире. Только Зевсу подвластен тартар. И не знаю я, где Асклепий. Одни тени смертных в аиде мне подвластны. Он же — бог. Но скажу тебе, что знаю: только тот найдет тело бога, кто отдаст за него часть своей живой жизни.

И ушел под землю Аид.

Тогда решил Хирон воззвать к низвергнутым в тартар титанам Уранидам и спросить их об Асклепии. Но для этого надо было ударить могуче, всей силой титановой, трижды копытом оземь. И не знал Хирон, вытерпит ли муку от одного удара его тело. Не взорвется ли клокочущий в нем котел? Не брызнет ли во все стороны черная пена из тела, не обрызгает ли его всего ядом? И не знал также Хирон, вытерпит ли второй удар копытом его мысль. И не станет ли Хирон безумным. О третьем ударе он не думал. Знал: если вытерпит он два удара, то вытерпит его бессмертная сила и третий.

Долго стоял он в раздумье, весь терзаясь болью. А поодаль пышным кустом возвышался Геракл. Видел он раздумье Хирона и ждал, не нужны ли будут титану руки Геракла.

И вдруг топнул могуче Хирон копытом и издал грозный клич титанов. Содрогнулось его тело под листвою, и брызнул из-под листьев черный яд. Застонал тяжело титан от лютой боли. Сжал он крепко ладонями голову и снова топнул оземь, под вторичный титанов клич. Но не грозным

призывом, а высокой жалобой прозвучал его второй клич к титанам Уранидам. Уже шаталось, корчась от мук, тело Хирона, и словно черный пламень вставал от него в воздухе. Еще сильнее застонал Хирон, еще крепче сжал ладонями голову и в третий раз топнул оземь передним копытом. Но не мог он уже в третий раз выкликнуть клич: только стонущий возглас протянулся вдаль, и столько было в нем печали, что выпустил суровый Истребитель титанов из рук пышный куст и протянул эти руки к титану Хирону.

И вот донесся до Геракла из тартара подземный голос сверженного Крона:

— Я слышу тебя, Хирон. Говори.

Но Хирон лежал уже, повалившись на бок, на земле, и все его конское и человеческое тело содрогалось и пылало.

Тогда шагнул к нему Геракл на помощь. Только шаг сделал герой к Хирону и остановился.

Рано ты шагаешь, герой. Не дошло еще дело до Геракла. Еще был Хирон бессмертным титаном, сыном Крона.

К земле лицом припал поверженный болью кентавр, и прозвучал в мировой тишине его тихий голос:

— Крон, где тело бога Асклепия?

И ответил голос Крона:

— Нет Асклепия в тартаре. Он в ущелье...

Но словно тяжкие медные колокола ударили под землей, в глубинах тартара, долгим стоязыковым гудом, и этот гром и гуд заглушил последние слова Крона. Это стражи титанов, Сторукие, грянули в медные стены тартара медными палицами на голос древнего Уранида Крона, отца Зевса и Хирона.

Смогло все. Только слышно было, как стучит сердце Геракла — тоже как колокол.

Долго-долго пролежал так Хирон на земле. Почернела вокруг него почва, и все живое вблизи умерло. Снова стоял

Геракл пышным кустом поодаль и ждал, когда будет нужен титану Геракл.

И вот уперся Хирон рукой об землю и приподнял слегка свое человеческое тело. Опущена была его голова бога, и вся она побелела. Исчезло ее золото и сбежало серебро с бороды. И, как у смертных, рассекли лицо Хирона впадинами морщины. Только глаза его еще сияли бессмертием и мыслью.

Встал Хирон на ноги только к ночи. И когда встал, под ним — на том месте, где лежало его тело, — дымилась и тлела земля.

Снова двинулся в путь Хирон, и снова медленно шагал за ним поодаль, неприметно для Хирона, Геракл, продолжая свое тихое дело. И впрямь, тихое дело свершал Геракл, но было это тихое дело большим.

Ночь. Тьма.

Но Хирону был нужен свет.

Тогда подошел Хирон к смолистой сосне. Сделал себе факел, и сам собой запылал тот факел от жара, исходившего из тела Хирона. С пылающим факелом в руке продолжал могучий волей кентавр свой путь, чтобы найти то незнакомое ему ущелье, в котором лежало тело Асклепия. Всю силу своего прозрения напрягал он в пылающем от яда теле кентавра, но не открывался его взору образ Врачевателя-бога.

Так шли всю ночь Хирон и Геракл, заглядывая по дороге во все ущелья, и уже подходило время к рассвету, к тому времени, когда прячутся под листья и в щели все комары и мошки, как вдруг услышал Хирон возле уха тонкий зуд в воздухе и еще более тонкий и звенящий голос. Говорила мошка, самая крохотная из всех мошек на свете:

— Хирон, ты ищешь Асклепия. Он скрыт в ущелье Мхов. Я расслышала слово Крона. Давно бы я тебе об этом

сказала, но лишилась я от страха голоса — так страшно ударили Сторукие в медные стены тартара. Я все время сижу у тебя на реснице и греюсь. Ночь холодна. Следуй за мной — я поведу тебя в ущелье Мхов.

И пошел сын Крона, мудрый Хирон, за мошкой, а позади него вдалеке шагал Геракл.

Когда солнце снова было на полдне, дошел Хирон до ущелья Мхов под водительством мошки и сразу увидел сверху, сквозь высокий мшистый покров, лежащее в глубине ущелья тело Врачевателя-бога.

Но еще надо было ему спуститься по крутой стене ущелья вниз и поднять моховую покрывку. Обрадовалось сердце титана-страдальца, и почувствовал он в себе снова бодрость. Снова собрало свои силы его великое мужество, и стал спускаться Хирон в глубину ущелья, к Асклепию. Тянулись угрожающе к нему пальцы мхов, но тотчас отпадали, сгорая, так как гибелен был для них жар тела кентавра.

Высоки и богаты ковры мхов над Асклепием-богом.

Но сорвал Хирон этот покров мхов, и открылось ему тело Асклепия.

Лицом к небу лежал бог-Врачеватель, и таким светлым лежал он там, что казалось, будто Сон бережет здесь его юность. И уже простер к нему Хирон руки, чтобы поднять бессмертное, теперь мертвое тело и вынести его из гробницы-ущелья. Но внезапно отдернул руки и отвел их далеко от Асклепия. Только сейчас вспомнил врачеватель-кентавр, что не должен он касаться руками тела Врачевателя-бога. Страшный черный яд, бушующий в теле Хирона, делал его прикосновение ядовитым. Истлевало тотчас все живое. И снова тяжело вздохнул кентавр.

Снова пришло к Хирону горе. Уже давно переливалось оно через край сосуда, но Кронидам, как видно, все еще было мало.

И в ущелье не мог Хирон оставить тело и пойти на Малею за друзьями. Унесли бы Силы — слуги

Кронида — Асклепия и вновь укрыли бы в потаенном месте.

Тогда услышал он сверху голос:

— Хирон, разве нет на земле Геракла?

Закинул кверху белую голову титан и увидел над собой, на краю ущелья, Геракла. Уже давно стоял там полубог, Истребитель мира титанов, и смотрел на Хирона. Знал: будет нужен Геракл и титану.

Тогда двойной радостью засияли глаза страдальца: радовало его то, что есть кому поднять тело бога; и радовало его еще и то, что не погибло на земле дело наставника полубогов-героев, что еще сильно сердце полубога-героя титановой правдой.

И ответил на голос Геракла Хирон:

— Геракл остается Гераклом.

Поднял герой на руки огромное тело бога, и казалось, что не тело, а все ущелье взвалил Геракл себе на плечо и зашагал с тем ущельем в горы.

Герой нес бога.

Так шли они двое: впереди — Геракл с ношей, позади — Хирон. Вперед послал он Геракла, чтобы тот донес поскорее Асклепия до пещеры, а сам, обессиленный, ковылял сзади, все больше и больше отставая от героя, шагающего шагом богов.

Ковыляющий титан, сын Крона! Видел ли когда-либо мир героев, чтобы титан ковылял по земле, как старая кляча?

Собирались над болотом тучи мошек. Говорили мошки друг другу тысячами тысяч голосов:

— Ковыляет по миру сын Крона. Видят это боги Кронида и молчат. Почему же не сгорает мир от стыда?

СКАЗАНИЕ О ПОСЛЕДНЕЙ БЕСЕДЕ
ДРУЗЕЙ ХИРОНА
В ПЕЩЕРЕ НА МАЛЕЕ

С бурдюком и сюрингой в руках пел Силен в пещере
Хирона песенку:

Жил Хирон. Жил Силен.

У-лю-лю!

Много думал Хирон,

А я пью.

Думал, думал Хирон,

У-лю-лю!

И надумал не пить.

А я пью.

Оттого, что он пьян

Без вина,

Я не пьян, хоть и пью.

Тра-ля-ля!

А я в дудочку дую

И пью.

У-лю-лю! У-лю-лю!

У-лю-лю!

Отчего же в вино,

Тра-ля-ля!

У Силену упала

Слеза?

Оттого, что пустеет

Бурдюк.

У-лю-лю! У-лю-лю!

Старый друг.

Слушал песенку Силен Хирон. Знал, что любит его умный Силен-пропойца и прощается с ним, старым другом, разгадав его решенье, о котором еще не догадывались другие друзья кентавра. Обессиленный, уже не способный даже страдать и все же безмерно страдающий, лежал

Хирон у стены, опираясь о нее головой и спиною, и смотрел на тело Асклепия, распростертое на полу пещеры.

Нового гостя застал Хирон в пещере на Малее — полубога Пелея, пришедшего к учителю с просьбой взять на себя воспитание его первенца-сына от морской богини Фетиды — Ахилла. Но, узнав об обреченности Хирона, решил Пелей остаться с ним в пещере, чтобы быть ему опорой и защитой.

Неподвижно лежало тело бога Асклепия с вытянутыми над головой руками, как будто поднял он их, чтобы остановить грома, и так был повержен Кронидам. А кругом сидели друзья и гости Хирона и вели меж собой беседу.

Был тут и последний небесный киклоп Ураний, ушедший от наземного холода в земные недра, чтобы быть ближе к огню недр матери-Земли Геи, — врачеватель Телем. И прозревший Феникс с подаренными ему Хироном чудо-глазами, видящими чудесную правду живой жизни так, как обычные глаза видят обычную правду. Был тут и вдвойне слепой прорицатель Тиресий, лишенный богами глаз, сам нуждающийся в поводе рые.

Был тут и Истребитель мира титанов, безумный Геракл, сын Зевса, великий убийца поневоле, более могучий, чем бог. И был тут Пелей, герой-полубог, познавший тяжесть безмолвного брака с бессмертной и не чаявший близкого возмездия: родила ему nereида Фетида сына, храбрейшего среди героев, но не бога. Стала бы она женой Зевса, родила бы от Зевса сына; был бы тот сын сильнее отца и его молний и овладел бы миром.

И был тут наставник героев, мудрый кентавр Хирон, обреченный на безысходную муку, и еще Силен! И пока все смотрели на Асклепия, Силен припадал губами к бурдюку с вином, отпивал глоток за глотком и мурлыкал свою песенку:

Жил Хирон. Жил Силен.
У-лю-лю!

О многом говорили в эту вторую ночь в пещере Хирона его друзья и ученики. Сам же Хирон молчал, и они не знали, слышит ли он их или весь он ушел в страдание. Закрыты были его глаза, как у дремлющего, и до того был он тих, что Тиресий сказал:

— Даже бушующее море горя уступает дыханию покоя.

Никто из сидящих в пещере, кроме пьяного Силена, не знал, что в те часы, укрепляя себя мыслью, принимал бессмертный кентавр великое решение, так как не мог уже победить мыслью страдание и только волей титана сдерживал жалобу и стон.

Говорили сперва гости о двух мирах, о живой и мертвой жизни. И Феникс, пытливый и упрямый, всегда доискивающийся чего-то, что тревожило его своей смутностью, спросил:

— Телем, ты слышал об истине: где она?

И ответил Телем:

— Истина — дело смертных. Но кто хочет исцелять, тот знает: живая жизнь борется с мертвой жизнью, и в этом вся истина — в их борьбе. Только в мире живой жизни, где радость, есть истина. В мире мертвой жизни истины нет — там только забвение.

И все же Феникс продолжал допытываться у Телема:

— Но я смертен, Телем, и во мне есть мысль. Не она ли борется со Смертью?

И ответил за Телема Геракл:

— Со Смертью борются руками. Тяжело отводить ее руку. Она сильнее великана. Но Геракл отводил.

Тогда спросил его Феникс:

— Ты слышал об истине, Геракл?

Удивился герой-полубог:

— Кто она? Титанида? Богиня? Или демон подземной мглы? Не слышал я о такой бессмертной.

И тогда все посмотрели на Геракла, и опять Феникс спросил его:

— Знаешь ты, что решает в мире?

— Сила.

— Истина есть та сила.

Но Геракл только повел плечами и сказал:

— Не встречал я еще такой Силы. Если встречу — поборется Геракл и с Истиной.

И снова все при этих словах посмотрели на мышцы Геракла, так как знали, что Геракл не умеет шутить.

Тут припомнил Феникс слова Хирона:

«Сила — в мысли высокой. Чем выше мысль, тем она и сильнее. Покоряет она и большое и малое. Великая жалость была силой Асклепия, потому что была она его самой высокой мыслью. Не от слабости — от великой силы истекает великая жалость».

Тогда заговорили гости Хирона о жалости и снова вспоминали слова Хирона, хотя никто не мог сказать, так ли точно говорил Хирон:

— Боги думают, что для большой жалости нужно и большое время, и, любясь жизнью, забывают о малой жалости, для тех, у кого для жизни малое время.

Так оно для Олимпа, для неба бессмертных, где время только и бывает большим. Но Асклепий говорил: «И в малом времени вмещается большая жалость, у кого она есть». Эту жалость и дарил он смертным. Не гордился он своим бессмертием, как боги неба, а радовался ему, как земной бог, потому что, будучи бессмертным, мог всегда источать смертным сострадание врачевателя.

В том-то и была сила Асклепия.

Удивили эти слова Геракла, и он спросил:

— Где же тут сила? Вот лежит он, земной бог, перед нами, поверженный богами неба. Если сила в высоком, то у великанов были бы самые высокие мысли, а у чудовищ — самая чудовищная жалость. Боролся я с великанами и чудовищами, но не встречал я у великанов и чудо-

виш жалости. Непонятна мне такая сила. Моя сила — я сам.

Но когда Геракл это сказал, поднял вдруг голову Силен и пробурчал, причем неизвестно было, шутит ли он или говорит серьезно:

— Ох, Геракл, и объешься же ты когда-нибудь подвигами! Лучше выпей со мной. Еще есть у меня полбурдюка истины. Поборет она и Геракла.

Говорил, а сам косил неприметно глазом на Хирона. И когда всегда рассудительный Феникс заметил: «Твоя пьяная истина слепа», — рассмеялся в ответ пьяный Силен — он один еще мог смеяться в пещере Хирона — и сказал:

— Оттого что сова слепа днем, она не глупее кукушки. Для пьяной истины весь мир пьян.

Говорили гости Хирона о знании.

Сказал Тиресий:

— Знание — скука, когда некому служить этим знанием. Оно вечно кипящее варево, в котором выкипели живые соки. Тогда уж лучше ничего не знать. Скука никому не служит.

Заговорил Телем:

— Знание всегда служит — иначе оно умирает. Оно тоже смертно. И когда оно отдает себя, тогда оно питается, и растет, и зреет, и радуется. Я, врачеватель, это знаю. Тогда жил я среди Киклопов. Теперь...

И умолк последний Киклоп, что-то продумывая. А затем добавил:

— Теперь я люблю знать для себя и измерять про себя глубину знания. Радостно мне видеть эту глубину и ее сияние. И чем глубже эта глубина, тем сильнее в ней сияние.

Но, как завеса тучи, прикрывшая солнце, грустен был голос дважды ослепленного Тиресия:

— Телем, позади сияния — ночь. Я, слепой, познал, как глубока эта ночь и как она беспросветна. Твое сияние — не больше чем искра или мерцание звездного дождя. Только луч, только свет и огонь есть истина. Погаснет луч — и исчезает истина: тогда наступает мрак. Трудно жить, когда истина погасла.

Но покачал головой Феникс. Сказал:

— Я тоже был слеп. И мрак — истина.

Говорили гости, но никто из них не мог согласиться с другим: ни Телем с Тиресием, ни Феникс с Гераклом. И никто не мог их примирить, потому что Хирон молчал. И тут все почувствовали, чего лишится земля, если не будет на земле Хирона. И с тревогой посмотрели на него.

И вот оглядел всех доселе молчавший Пелей и неожиданно сказал:

— Как много здесь слепых! Слеп Силен от вина. Слеп и Феникс — у него чужие глаза. Слеп Тиресий — он вовсе без глаз. А у Телема только один глаз, и он больше светит, чем видит. Только я и Геракл еще по-простому зрячи. И, как зрячий, скажу вам: знание — это власть и хитрость. Не одолел бы я Фетиды-оборотня, если бы не знал, что наводит она на мои глаза морок, оборачиваясь в моих руках то в зверя, то в куст, то в огонь... Хитрила она, но не выпускал я ее из рук. Властно держал, зная, что обманчивы все ее образы. И дал мне это знание Хирон. Знание служит, потому что оно повелевает. Потому-то оно и есть сила, что оно повелевает.

И тут, что-то припомнив из своих былых прорицаний, тихо, словно про себя, сказал Тиресий:

— Да, я теперь слеп. А твоя слепота, Пелей, еще впереди. Захиреешь ты от этого знания.

Давно знал Тиресий, что за брак с бессмертной нереедой постигнет полубога Пелея кара: преждевременная старость и хворь.

Но никто тогда не понял его вещих слов. Каждый сидел и обдумывал слова зрячего Пелея, пока суровый голос Геракла не нарушил молчания:

— Я видел зверя, который был богом: так был он силен. Может быть, он и был вашей Истиной?

И тут впервые за все время ночной беседы прозвучал голос Хирона:

— Зверь не может быть богом: он — зверь.

И тотчас все глаза устремились к страдающему титану, но он не пояснял своих слов. Огромными пылающими глазами смотрел Хирон на своих гостей, и все поняли, что он сейчас скажет то, что долго от них таил. У всех гулко забилося сердце, и длительный миг казалось, будто по пещере мечется, натываясь на стены, слепое Время и не знает, где из нее выход.

Сказал Хирон:

— Отдаю я мое бессмертие. Не могу я, титан, быть только зверем.

Хотя его слова были простые и обычные в кругу его гостей, среди которых сидели бессмертные Киклоп Телем и Силен, но их смысл был необычен. Еще никто никогда в тысячелетиях и веках не отдавал своего бессмертия обратно жизни и не превращал себя добровольно в смертного.

Сияясь понять мысль Хирона, гости продолжали молча смотреть на него, покорясь той огненной печали, которая пылала в глазах сына Крона. И когда Феникс первый постиг до конца, что Хирон покидает жизнь и уйдет навсегда с земли, встал он и с тоской в голосе сказал:

— Ты уходишь от нас из живой жизни, Хирон! Тогда все безразлично.

И тут все поняли, что титан Хирон не в силах больше длить борьбу живой и мертвой жизни, которую вели в его теле лернейский яд и бессмертная сила титана. Страдание пересилило волю.

Но не могла этого принять мысль Телема: ведь даже свергнутые молнией титаны остаются бессмертными в тартаре, а Хирон отдает свое бессмертие.

Сказал:

— Ты титан и задумал не титаново дело.

И когда Хирон ничего не ответил, послышалось бульканье, а затем бормотанье пьяного Силена:

— Я бы не отдал. Зачем отдавать! Неужели Хирон хочет стать навеки тенью — пустым бурдюком? И отравленное вино жизни — все же вино.

И хотя Силен бормотал как будто смешливо и казался совсем пьяным, все слушали его пьяную болтовню со вниманием и даже с робкой надеждой.

А он продолжал:

— Будет скучно пьянице Силену без Хирона. Ты ведь тоже всегда пьян, как и я: я — от вина, ты — от мудрости. Жить — это значит опьяняться. Не отдал бы я бессмертия, Хирон. Не сказал ли ты это оттого, что вдруг слишком отрезвел?

Понимали гости пещеры, что хочет старый Силен удержать Хирона на земле, но никто не знал, что сказать Хирону, не солгав. Легко убеждать страдающего терпеть страдание, когда есть страданию исход. Но страдание Хирона было безысходным.

Только Геракл выговорил потемневшим голосом:

— Хирон, ты забыл о Геракле.

А Пелей положил руку на плечо Феникса и добавил:

— Неужели и Хирон может стать слепым? Кто же будет ему поводырем: не ты ли, Феникс?

И у всех друзей и учеников мудрого кентавра сжалось сердце от слов Пелея при мысли, что ослепнет разум Хирона-прозрителя от яда.

Тогда встал Телем и вторично склонился перед Хироном. Сказал:

— Еще раз я поклонился твоему мужеству, Хирон.

Когда титан уже не может быть титаном — он становится тенью. Ты решил, как решает титан.

Пока опечаленные гости говорили, Хирон собирался с мыслями. Он увидел, как любят его друзья, и решил еще раз пересилить муку, ответить каждому из друзей и в последний раз их утешить. Сперва обратился он к Фениксу:

— Ничто, Феникс, не безразлично. Нет безразличия в сердце титана и в мире титановой правды. Кому все безразлично, тот живет уже в мире мертвой жизни, а не живой. И ничто не скучно, пока тело смеется и пока мысль рождает. Я уйду, потому что тело мое только плачет и мысль больше не может быть матерью и порождать знание. Мое бессмертие — теперь только тень.

Так всех по очереди утешал словом Хирон, учитель героев. Не утешал одного Силена. Только сказал ему:

— Старый друг!

СКАЗАНИЕ О ДОБРОВОЛЬНОЙ СМЕРТИ БЕССМЕРТНОГО КЕНТАВРА ХИРОНА И О ЕГО ПРЕДСМЕРТНЫХ ДАРАХ

Печальными оставались в пещере на Малее друзья Хирона, и не мог он их ничем утешить.

И бессмертные Телем и Силен, и смертные полубоги Тиресий, Феникс, Пелей и Геракл не могли принять его добровольную смерть. Разве не Хирон учил героев быть всегда как боги? Почему же он сам перестает быть богом?

Понимал это Хирон и захотел пояснить друзьям свое решение и примирить их со своим уходом.

Сказал:

— Трудно вам, только созерцающим страдание, но не страждущим, ощутить страдание до конца. Сострадаете вы мне. Но и море сострадания не равно одной капле безысходного страдания. Жизнь — всегда радость. Это знают умирающие, только слишком поздно узнают об этом. Даже скорбь жизни — радость. Разве осень не радуется увяданием? Разве слезы горя не радуют самое горе? Не живут без радости. Даже тень радости — все же радость. Даже богов жестокая радость и та — радуется других. Разве радость других — не вино бодрости? Примите же и мой уход как радость. Зачем жить дольше Хирону?

Не могу я больше искать корней познания. Не могу ходить по земле: не поднимают мои ноги мое тело, не в силах они поднять и дело мое. Не могу я больше исцелять. Весь я ядовит и, обжигая ядом, отравляю живую почву. Не могу даже прикоснуться к живому телу. Не могу я учить героев. Весь я полон страдания. Уже давно перелилось оно через край. Лишь печалю своей мукой других. Мое зрение мутнеет, и скоро буду я слепым, как Тиресий. Меркнет мое прозрение вместе с глазами. Не видя мира, не смогу я мыслью создавать новые миры! А ведь в этом вся радость мысли.

Скажут: «Слеп Хирон. Боль мешает его мысли видеть». И это снес бы я. Но уже страдание пожирает самую мысль Хирона. Весь я — только пища. Мое тело — только боль. Моя мысль — только боль. Все во мне кричит от боли. Неужели мне стать неумолчным криком?

Нечем мне эту боль оправдать. Крик бесцельного страдания жалок. Высоко только страдание оправданное. Его надо гордо терпеть. Потому и терпит свое страдание Прометей, что оно — мятежное страдание. Не могу я проклинать богов, как он, и будить гневом гнев героев — я, познавший то, чего не познали боги. Да и не нужен земле еще второй мятеж-страдание, когда есть на земле Прометей.

Или жить-страдать для одного терпения? Это значит перестать быть титаном. Никому такое страдание-терпение не нужно. Никому не нужное не нужно и мне. Буду я пуст, как Тень. Одна боль пустоту не наполняет. Я — Ненужный.

И хотя все, кто слышал эти слова Хирона, рады были крикнуть, что Хирон нужен миру, все, однако, молчали, не смея в чем-то солгать. И продолжал свое прощальное слово Хирон:

— Нечего будет мне дарить живой жизни. Что ж, подарю я самого Хирона жизни мертвой. Но, уходя в аид, хочу я в последний раз раздать то, чем еще сейчас богат Хирон.

И в последний раз вспыхнули в Хироне его силы титана и вернулось к нему его прозрение.

В эту ночь стал Хирон раздавать друзьям свои дары, завещая им лучшее из того, что он еще имел.

Вот оно, завещание Хирона:

— Ты, Геракл, злосчастный друг Хирона, прими от меня мой первый дар — мое бессмертие. Направь шаги к Кавказу. Передай Прикованному о даре Хирона. Вольются в мятежную волю усталого Страдальца, непокорного, непримиримого, от Хирона новые силы для борьбы за титанову свободу. Прими же мою живую жизнь. Ты — Геракл, и ты ее поднимешь.

Осветилась чудно пещера небывалым сиянием, и на мгновение осветился и засиял сам Геракл.

Продолжал Хирон свое прощальное слово Гераклу:

— И ты, Геракл, Истребитель племени кентавров, истребишь и самого себя. Бьешься ты рукой не лукаво, по титановой правде, управляют же тобой, безумец, Кронида. Но твое самое черное безумие еще впереди. Истребил ты племя кентавров, от кентавра примешь ты и смерть¹. И не

¹ От кентавра примешь ты и смерть. — Геракла погубил убитый им кентавр Несс своей отравленной кровью.

ты один будешь в ответе — ответит за гибель титановых народов поколение полубогов-героев. Очистят герои землю от рода титанов. Истребят и титанов и гигантов, будут думать, что истребляют чудовищ,— и станут герои не нужны богам. Сами захотят они быть богами, и сами же истребят друг друга, по воле Кронидов, в гибельных войнах. Но погибнут в великой славе. Только боги и люди останутся в мире жизни живой. И придет на землю железный век. Отсюда, из пещеры Хирона, ты пойдешь, Геракл, на новый подвиг, и снова в слепоте — поневоле ты убьешь, безумец, в чудовище титана...

Тебе, Тиресий, дважды ослепленный богами, я дарю мое прозрение. Не отнимут его у тебя боги, так как не от них оно, а от меня, титана. Еще долгод будет твой век. Читай тайные мысли богов и смело открывай их смертным героям...

И тебя, Пелей, не забыл Хирон. Прими от меня, врача-вателя, волшебное копье из пелионского ясеня. Бьет оно без промаха в руке героя. Но, поранив друга, оно же его исцелит: только прикоснись к ране концом острия. Для другой руки было предназначено это копье¹. Было бы оно тогда сильнее молний. Передашь копье сыну Ахиллу.

И принял Пелей копье из рук Хирона.

Тогда Хирон улыбнулся Силену:

— Прощай и ты, старый друг Силен. Вот заветный сосуд с вином от первых лоз Диониса. Исцеляет это вино зрячих от слепоты, от ослепляющей трезвости. Храни его до своего трезвого часа. Твоим самым черным часом будет час твоей трезвости. Вот заповедное вино. Видно, и Хирон был втайне пьяница.

И улыбнулся Хирон Силену.

¹ Для другой руки...— В сказании копье Хирона было предназначено для сына, которого должна была родить Фетида от Зевса. Его рождению воспрепятствовал сам Зевс, выдав Фетиду замуж за смертного Пелея. (См. с. 322.)

Затем обратился Хирон к безмолвствующему Киклопу, глаз которого ярко горел:

— Знаю, ничего не нужно Телему. Но прими от друга титана эту каплю амброзии дней времен Крона. Отстоялась она за века. Приходили, уходили и боги, и герои, а капля оставалась и крепла бессмертием. Я, сын Крона, принес ее на Малею с Пелиона. Ни к чему она больше Хирону. Храни ее, Телем, для больного, для того врача-исцелителя, который не исцелит себя сам.

Но имени больного Хирон не назвал. И Телем-врачеватель, приняв каплю от кентавра в чашечке бессмертника, не спросил его об имени больного.

Пришла очередь Феникса. Сказал ему учитель-врачеватель:

— Дал я тебе, ослепленному богами, глаза, чтобы видел ты правду чудес, самую правдивую правду. Но хочешь ты не правды чудес, а правды зрячих и смотришь на чудо, ненасытно разбирая его на песчинки позрячему,— ты, слепец. Быть тебе скоро вождем народа Долопов, самого зрячего из всех зрячих народов, у которых глаза ненасытны. Царствуй, слепой, над зрячими и радуйся...

Затем долгим взглядом посмотрел Хирон на распростертое на полу пещеры тело Асклепия, и был полон света и силы взгляд Хирона.

Все ждали, что подарит древний титан богу-Врачевателю и сможет ли он вернуть его живой жизни. Однако почему-то медлил Хирон, не отрывая глаз от любимого ученика, бессмертного, но простертого перед ним мертвым. Наконец он заговорил, и его голос, как и взор, был полон света:

— Мальчик, мой последний дар отдаю я тебе. Еще осталась у кентавра Хирона половина его бессмертия. Сохранил я эту половину для тебя, Асклепий. Я ее передам Аиду, владыке мертвой жизни, чтобы принес он мою живую жизнь сюда, в пещеру, и влил ее в тебя, Врачевате-

ля-бога. Встанет Асклепий. А пока пусть он спит без сновидений здесь, в пещере, и пусть проснется, когда уже не будет Хирона на земле. Иначе не отпустил бы он меня в аид. И бессмертные становятся мертвыми.

Смолк и снова стал Хирон долго смотреть на тело Асклепия, которому он отдавал свою живую жизнь. Был тих и торжествен его голос, когда он снова заговорил:

— Ты хотел исцелить смертных от смерти: быть сильнее Неотвратимости-Ананки. Теперь я исцелю тебя, бессмертного, от смерти и возвращу жизни живой. Будешь ты большим земным богом, но на небо никогда не взойдешь. И не сможешь ты воскрешать героев — утратишь тайну возрождения. В мир забвения унесет ее с собою Хирон, но будет о ней вечно петь живая жизнь.

Друзья, я поделил свое бессмертие между достойнейшими — меж Асклепием и Прометеем. Теперь и я смертный. На тонкой нити висит оставшаяся половина моей живой жизни. Скоро порвется нить. Прощайте. Подняли головы Боль и Смерть, когда отдал я половину своего бессмертия Гераклу. Не могу я больше говорить. Близок мыс Тенара. Пора. Сам я сойду во мглу айда. Но покройте меня снова шатром зеленой листвы, чтобы вид мой не оскорбил живой жизни...

Таковы были последние слова сына Крона и изгнанника — кентавра Хирона в его пещере на Малее.

**СКАЗАНИЕ О СХОЖДЕНИИ ХИРОНА,
СЫНА КРОНА, В АИД И О ТОМ,
КАК ЕМУ ПОКЛОНИЛИСЬ ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ**

Хотя только своим друзьям и ученикам сказал Хирон о своей добровольной смерти, но уже вся живая жизнь на земле, и боги на небе, и океан, и мир мертвой жизни за океаном знали, что Хирон отдает свое бессмертие и сходит добровольно в аид.

Безмолвной толпой стояли гости Хирона, титаны и полубоги, у входа в пещеру, провожая глазами его в путь. Никто не последовал за ним: ни Киклоп, ни Силен, ни прозревший Тиресий, ни Феникс, ни Пелей, ни Геракл. Было утро, как юность. И в то раннее утро взошли одновременно на небо и Эос-Заря, и Гелий-Солнце, и Селена-Луна, и Звезды. Открылось высокое небо и на нем вершины Олимпа. И на тех вершинах стояли все боги Кронида, так же безмолвно, как гости Хирона, и смотрели вслед уходящему сыну Крона. Не могли не почтить сына Крона Кронида.

Над ним по алмазной небесной дороге растянулось длинное шествие титанов-светил. Медленно переступали солнечные кони, привыкшие скакать, и шагал впереди колесницы солнца, склонив голову в солнечном венце, титан Гелий, так, чтобы все лучи венца окружили чудным сверканьем белые волосы Хирона и золотили на нем листву, чтобы казался он прекрасным богом.

Шел Хирон, тяжело хромая, но стараясь скрыть хромоту, чтобы и этим не оскорбить живую жизнь, ибо был он титан, сын Крона, и не мог унижить титанов.

Шел, и склонялась перед ним Жизнь и все живое на земле,— на его прощальном пути.

Хотя не было ветра, низко, до самой земли, пригибали перед ним свои вершины деревья. И пели дриады свои зеленые песни, которые поют они только во сне. Мягким шелком стелились травы, и цветы посылали ему все свое бла-

гоухание, ничего не оставляя себе. Даже колючки, расступаясь, целовали следы его ног.

Звери вышли из чащ и легли вдоль лесных опушек и по краям горных полей и троп. До земли склоняли олени рога. Будто разом исчезли зубы и когти, так смиренно лежали хищные звери. И удивление стояло в глазах львов и барсов. Ручьи останавливали бег или, поворачивая течение, провожали Хирона нежно-заманчивым звоном водяных арф. И речные боги и наяды выплывали и текли вместе с речными струями, обнажая свою красоту.

Никто не плакал. Никто ни о чем не просил Хирона. Песнь тихой радости пела земля, чтобы зрелищем мощи и расцвета живой жизни остановить Хирона и вернуть его снова себе.

Пели певчие птицы свои самые соловьиные песни, и запели даже орлы и совы песни зоркости и слепоты.

Всё записывали дубы-летописцы под корою в вековые кольца, и был тогда тот единственный день, когда камни захотели быть мягкими и когда вокруг огненного озера, в котловине, горы вели хоровод.

Медленно шел Хирон. Ничем не выказывал он своего страдания, чтобы не омрачать радость жизни. И когда, спустившись с гор, достиг он моря, выплыл из морской глубины титан Нерей и с ним nereиды, чтобы проститься с Хироном. И такой бурной жизнью играло море и такой синевой глаз манили его nereиды, разрывая скольльзящим телом ожерелья из мириад жемчужин!.. Но снова поднялся Хирон в горы и дошел наконец до ущелья Тенара, где клубится черный туман. И, завидя Хирона, смутившись, стали тотчас отступать черные туманы. Поредели их клубы, упозая из ущелья к морю, и открылась вся глубина ущелья Тенара в холодном свете. Позади света лежала мгла.

Долго стоял кентавр Хирон над крутым спуском в бездну ущелья и смотрел в его глубину и мглу, прощаясь со светом и воздухом жизни, с росой, цветами и лучами.

Наконец еще раз поднял он свою человеческую голову к небу и увидел над собой титана солнца, Гелия. Кивнули друг другу титаны, и Хирон стал медленно спускаться.

Еще не было на земле такого часа, когда бы вся живая жизнь скорбела. Всегда сочетались в ней смех и слезы, радость и грусть. Но когда Хирон ступил на тропу, ведущую в аид, охватила всю природу горесть. Стих шум листьев в лесу. Смолкли щебет и пение птиц. Замер в воздухе полет орлов и горлиц. Ключи перестали звенеть, и застыли струя и волна. Даже Время не смело скользить, тысяченогое, по своим тысячам дорог на земле, и в воде, и в воздухе.

И если говорит предание о неслыханном прежде на земле плаче птиц и плаче камней по Хирону — может быть, тогда вправду плакали птицы и камни. Пусть потом стыдились они слез всю жизнь.

Высился недалеко от входа в аид Белый Утес — утес Забвения. Кто пройдет, пролетит мимо утеса, тот забывал себя и все живое. Здесь теряли память пролетающие Тени смертных и беспмятными влетали в аид. Но когда Хирон проходил мимо того Белого Утеса, сам утес ему поклонился, и память не отлетела от Хирона.

И увидел Хирон вдали черные воды океана и золотой челн Солнца на том берегу. В мире жизни живой был уже вечер. Сам Гелий-Солнце стоял в золотом челне и манил к себе Хирона золотым веслом: может быть, еще вернется Хирон, и тогда перевезет его Гелий-Солнце обратно.

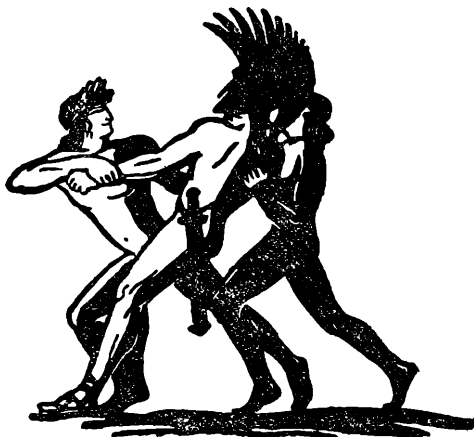
Но Хирон не вернулся назад.

И когда он подошел ко входу в аид, демон Смерти Танат, выйдя навстречу кентавру, словно гостю, стоял у входа и у ног его лежал Цербер, положив три головы на землю. И Смерть низко склонилась перед Хироном, не коснувшись его рукой.

Так совершил свой последний путь бессмертный титан — благой кентавр Хирон, сын древнего Крона, врачеватель смертных и наставник полубогов-героев, подаривший свое бессмертие живой жизни.

И Жизнь и Смерть ему поклонились на его последнем пути.

СКАЗКА О ПЛЕНЕНИИ ЮНЫМИ ВЕЛИКАНАМИ АЛОАДАМИ БОГА ВОЙНЫ АРЕЯ

Жили-были близнецы, мальчишки-великаны Алоады, те, что громоздили для забавы горы на горы.

Странные забавы любили эти мальчишки-великаны Алоады! Как-то раз поймали они на охоте за вепрем бога войны, свирепого Арея. Наложили ему на руки и на ноги нерушимые оковы из оливы, дерева мира, что крепче адманта и меди, и упрятали его под землей, в медном погребе. Не стало на земле войны. Зацвел кругом мир. И вместе с миром радовалось на земле все малое. Не топчет его, малого, большое. Не убивает его, малого, большое. Самое малое в большое растет. И исчез на земле страх: не боится малое большого — нет войны. И исчезла на земле важность: не жметса малое перед большим да важным — нет войны. И никто не чтит большого за то, что он страшный, а чтит только тогда большого, когда он впрямь большой, а вовсе не страшный.

Недовольны этим большие, страшные боги Кронида.

Да и скучно им стало без войны. Что им, богам, тишина и мир! У них страсти великие. Им битвы нужны, да еще какие! Чтобы реки стали кровавыми, чтобы моря стали кровавыми, чтобы вся земля и полнеба в крови утонули. Только бы самая вершина неба оставалась лазурной там, где боги Кронида живут.

Ну и позабавились мальчишки-великаны!

Нет войны, и не могут боги воевать с Алоадами.

Тут и выручил богов, как всегда, Гермий-обманщик.

Понесся он к медному погребу, где братья Алоады скрывали бога войны Арея. Не может Гермий перешагнуть запретный порог медного погреба, не может снять оков из оливы с Арея: только Мойры-Судьбы могут.

Предстал перед тремя сестрами Мойрами-Судьбами Гермий. Сказал:

— Все плетете вы, большие сестры, нити жизни смертным, а жизнь титанов не в ваших руках. Что им древние Мойры, дочери Ночи! Запрятали они Арея-воителя в медный погреб, наложили на него нерасторжимые оковы из оливы, дерева мира. Нарушили волю Мойр. Что велите мне делать? Как освободить Арея?

Юлит Гермий перед Мойрами. Но безмолвны Мойры. Чтят древние Мойры древних титанов. Тут и говорит Гермий черным ворон:

— Иди к Немезиде-Возмездию.

Полетел к Немезиде Гермий.

А уж Немезида все знает. Вызвала она из преисподней слепую Ату-Обиду, говорит Ате-Обиде:

— Ступай, Ата, за Гермием. Поведет он тебя к виновным.

Привел Гермий Ату к медному погребу. Не видит слепая Ата, что перед нею медный, запретный погреб. Спустилась в погреб, сорвала, слепая, с Арея оковы из оливы, и вышел Арей, бог войны, на землю. Тут как хлопнет его по

спине ладонью лукавый Гермий — так и взревел Арей на всю землю.

Возликовали большие, страшные боги:
— Арей голос подает, Арей вернулся!

П Р И Л О Ж Е Н И Я

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

А

А г л á я — см. *Геспериды*.

А да м á н т — нечто несокрушимое, алмаз, сталь.

А и д — см. *Тартар*.

А é й я — город Солнца в Колхиде, по имени царя Аэта, сына титана солнца, Гелия.

А й г и п á н — сын Айги, кормилицы Зевса. Химерообразное чудовище, по прозвищу Страшный Сатир.

А й ф р а — Сияющая; солнечная титанида Плеона, жена Атланта.

А л о é й — солнечный титан, отец близнецов-великанов братьев Алоадов, свергнутый Зевсом в тартар.

А ма з ó н к и — воинственные всадницы титанического племени, уничтоженные впоследствии героями-полубогами.

А н á в р — река в Фессалии.

А н á н к а - Н е о б х о д и м о с т ь , или Н е о т в р а т и м о с т ь : — неотвратимая сила природы.

А р г о л í д а — область на Пелопоннесе.

А р г у с — титан, по прозвищу Панопт, Всевидящий. Олицетворение звездного неба. Верный слуга и страж-хранитель богини Геры.

А р é й — бог войны, олимпиец, сын Геры и Зевса, ненавистный Зевсу.
А р е т ú з а — нимфа ручья.
А р к á д и я — область на Пелопоннесе.
А р т е м í д а — богиня охоты, сестра Аполлона.
А с к л é п и й (Эскулап) — бог врачевания и владыка змей. Змейка стала эмблемой врачей с древних времен.
А с ó п — титан, речной бог реки Асопа.
А с о п í д ы — титаниды, речные нимфы, дочери Асопа.
А с ф о д é л и, или **а с ф о д и л ы**, — растение (золотоголовник). В подземном мире был асфодиловый луг.
А ф а р é й — мессенский титан-великан, отец Идаса и Линкея.
А ф и н а - П а л л а д а — дочь Зевса, Дева-Вонительница, богиня мудрости.

Б

Б е з д н а В и х р е й, согласно сказочной, фабулезной географии, находилась под тартаром.
Б е з м о л в н ы й б р а к. — Насильственный брак, по воле Зевса, титаниды или богини со смертным полубогом-героем или тайный брак богини со смертным требовал безмолвия и невмешательства смертного в дела бессмертной стороны, в противном случае божество исчезало и брак расторгался. Это нашло свой отклик в сказке, где божество или волшебное существо запрещало смертному, с которым оно вступало в брак, узнавать, кто его супруг или супруга. Нарушение запрета вело к разрыву. Нерсида Фетида покинула Пелея за то, что тот проник к ней в момент, когда она держала тело их сына, младенца Ахилла, в огне, чтобы сделать его бессмертным.
Б е л л е р о ф ó н т — герой-полубог, укротитель крылатого коня Пегаса, победитель чудовищной Химеры и титанических народов — солимов и амазонок.
Б о р é й — титан, суровый северный фракийский ветер.
Б р и а р é й — Сторукое чудовище, раннее порождение Геи и Урана, живущее в глубине Эгейского моря.

В

В а к х (Дионис) — в сказаниях бог вина, насылающий безумие на смертных.
В е л и к а н ы — древние сказочные горы-люди. Первыми великанами были каменные Людогоры — олицетворение бродячих гор. Вообще — исполины.

Г

- Гека́та** — в сказаниях ночная богиня зловещих заговоров.
- Гелиа́да** — в древних сказаниях титанида Эрида-Радуга, вестница богов.
- Гелиады** — в древних сказаниях солнечные титаны: Эпопей, Порфирион и др. Большинство из них было низвергнуто Зевсом или Аполлоном в тартар.
- Гелий** — титан солнца, сын титана Гипериона, свергнутого в тартар Зевсом. Был принят в круг олимпийцев. Позже его вытеснил юный солнечный бог из рода Кронидов — Аполлон. Сказание о низвержении Зевсом в озеро Эридап юноши Фазтона, сына Гелия, чуть не сжегшего мир, заменило древнее сказание о низвержении самого Гелия Аполлоном.
- Гелико́н** — гора Муз.
- Гермий** — бог Гермес, лукавый сын Зевса и Майи, одной из Плеяд. Вестник богов, покровитель плутов. Он же душеводитель (психопомп), провожатый теней умерших в аид.
- Герой** — полубог, богатырь, один из родителей которого был смертным, а другой — бессмертным богом Олимпа. Мы различаем три поколения героев: старшее, среднее и младшее. Герой старшего поколения принадлежит к роду титанов. Они враждебны богам Кронидам. Почти все они зевсоробцы: Тантал, Сизиф, Салмоней, Иксион и др., и низвергнуты в тартар. Среднее поколение героев — великие подвижники, истребители великанов, титанических чудовищ и народов. Их подвиги объединены в три основных сказания: 1. Пелоромахия — борьба с чудовищами, 2. Кентавромахия — борьба с титаническим племенем кентавров, 3. Амазономехия, или Амазония, — борьба с титаническим племенем амазонок. Самые могучие из героев-полубогов — подвижников были сыновьями Зевса: Персей, Геракл и др. Младшее поколение героев — участники героических Фиванских и Троянской войн. По выполнении героями своей миссии истребителей племя героев-полубогов, по замыслу Зевса, погибло в междоусобных истребительных войнах — Фиванских и Троянской. Эти сказания могут быть объединены в «Сказание о том, как перевелись герои на Эллинской земле».
- Гэспер** — звездный юноша, предвестник вечера, спутник Вечерней звезды.
- Геспери́ды** — полудевы-полуптицы, хранительницы волшебных золотых яблок в саду Гесперид. Их три: Аглая — Сияющая, Эрифия — Багрянокрылая и Гесперия — Вечерняя.
- Гефэ́ст** — бог-кузнец и искусный мастер, по прозванию Хромец. Он захромал после того, как Зевс в ярости ухватил его за ногу и сбросил

сил с неба на землю, на остров Лемнос, за то, что он заступился за свою мать, богиню Геру, чуть не погубившую Геракла перед самой Гигантомахией. Боги знали, что без помощи Геракла, смертного, гиганты не могут быть истреблены и победят Зевса. Гера, замыслив свергнуть Зевса и не желая поэтому гибели гигантов, с целью погубить Геракла подняла на море бурю как раз тогда, когда Геракл после разрушения стен Трои плыл к острову гигантов — Косу. В наказание за Косскую бурю Зевс подвесил Геру на золотой цепи между небом и землей.

Ги́а́д — юноша, брат звездных Гиад, растерзанный чудовищным зверем.

Ги́а́ды — дочери титана Атланта, по прозванию Плачущие. Созвездие Зодиака. Восход Гиад предвещал дождь.

Ги́га́нты — подземные порождения Геи-Земли, вступившие в борьбу с олимпийцами-Кронидами за власть над миром. В противоположность бессмертным титанам, гиганты смертны. По смыслу мифа, гиганты были потомками древних титанов, низвергнутых в подземную тьму тартара или отброшенных во мглу к океану, в пещеры на край земли. Поэтому гигантов изображали с драконьими или змеиными хвостами. Змея служит признаком подземного, хтонического, происхождения. Образ гигантов-воинов, выходящих из земли в остроконечных шлемах, с копьями, — более поздний, навеянный образами Гомеровых героев. Уже в древние времена титанов и гигантов спутали. Гиганты были истреблены Гераклом и богами-олимпийцами (Гигантомахия).

Ги́пе́рбо́рея — сказочная страна, находящаяся, согласно фантасматической географии, на краю земли, близ Мировой реки-океана.

Ги́пе́рион — см. *Гелий*.

Ги́пко́ндит, или **Ги́ппоко́он**, — пелопоннесский герой, изгнавший Тиндарея, ранивший Геракла.

Го́рго́ — по народному верованию, безобразная демоническая старуха преисподней, пожирательница детей. Ее образ перенесен на образ Горгон-титанид.

Го́ра́йи — три прекрасные дочери титана Форкия, рожденные с седыми волосами и лебедиными шеями; позднее они превратились в чудовищных старух, обладательниц одного глаза и одного клыка на троих, охранительниц спящих сестер Горгон.

Д

Де́льфи́ец — Аполлон.

Де́льфы — знаменитое святилище с аракулом Аполлона, главное местопребывание бога.

- Дика** — олимпийская богиня правды и правопорядка, сидящая по правую руку от престола Зевса.
- Дионис растерзанный** — так называемый Дионис I, который, по преданию, был якобы растерзан титанами.
- Диоскуры** — братья-близнецы Кастор и Полидевк, сыновья девы-лебедя Леды. Полидевк, сын Зевса, был бессмертен, Кастор, сын Тиндарея, — смертен. Позднее Диоскуры стали спасителями смертных в бедах, особенно моряков, и покровителями героев в битвах.
- Додонский дуб** — говорящий дуб в Додоне, оракул.
- Долопы** — титанический народ.
- Дрепана** — остров, под которым хранился волшебный серп (гарпэ) матери-Земли Геи, гибельный для бессмертных существ.
- Дриада** — нимфа, живущая в дереве.

З

- Закон Мойр** — см. *Клятва Стиксом*.
- Земля Пелоп** — Пелопоннес.
- Зефир** — титан Ветер, отец Эрота, рожденного титанидой Иридой-Радугой.
- Золотой век**. — В сказаниях: мифологический век райского блаженства на земле, когда обитатели земли не ведали ни зла, ни труда, ни страдания и были бессмертны.
- Золотой Дождь** — прозвище Зевса, проникшего в подземную медную башню к Данае сквозь щель золотым дождем, то есть потоком лучей. От Зевса Даная понесла полубога — героя Персея.
- Золотые яблоки** — см. *Сад Гесперид*.

И

- Идас** — титан-исполин (великан), сын Афарея.
- Ирида**. — В сказаниях: титанида из рода солнечных титанов — Гелиадов, сестра Гелия, титана солнца; была принята в Олимпийский пантеон в качестве богини радуги и вестницы богов. Согласно другой версии, Ирида — дочь морского титана Тавмаита и океаниды Электры.
- Истм** — перешеек, соединявший Пелопоннес со средней Грецией.

К

- Каллироэ** — океанида, мать титаниды Ехидны.
- Керы-Беды** — демоны преисподней.
- Киллена** — гора в Аркадии.

Киклопы (Циклопы) — исполины-Одноглазы, дети Земли-Геи. Мифологическое предание повествует о четырех видах киклопов: 1. Солнечные киклопы — Урании, 2. Грозовые киклопы — Громобон, 3. Многорукие киклопы — зодчие, строители стен — Хейрогастеры (ср. циклопические постройки). Последние были истреблены Дионисом при взятии Микен, 4. Киклопы-людоеды «Одиссен»: выродившееся и одичавшее племя когда-то благих киклопов. Образом благого киклопа служит Телем, упоминаемый в «Одиссее». Три киклопа из Громобоев стали подземными кузнецами после победы Кронидов над титанами.

Кикн — великан, сын бога войны Арея.

Киринейская лань — золоторогоя неуловимая лань Артемиды.

Кирка (Цирцея) — дочь Гелия, опальная титанида из рода солнечных титанов, живущая на острове Эйя, на краю земли.

Киэния — легендарный священный ключ в Мессении. Место борьбы Афаридов, Идаса и Линкея, с Полидевком, сыном Зевса.

Клятва Стиксом — нерушимая клятва богов подземной рекою Стиксом. За нарушение клятвы бога-нарушителя свергали на девять лет в тартар.

Корни всего сущего свисали в великую Бездну Вихрей, находящуюся под тартаром (см. Гесиод, «Теогония»).

Коронída (Ойгла) — титанида, дочь солнечного фессалийского титана Флегия, мать бога-Врачевателя Асклепия.

Коршун тартара — драконообразное чудовище, полуптица-полужмя, вылетающая из тартара терзать печень Прометея. В тартаре два таких коршуна терзали низвергнутого Аполлоном дельфийского титана Тития. Впоследствии коршун Прометея был заменен в мифах орлом Зевса.

Косская буря — см. *Гефест*.

Красные моря, или Эрифийские, — согласно фабулезной географии, любившей удваивать одну и ту же местность, лежали на запад и на восток от берегов Либии (Африки).

Крон — титан, сын Урана-Неба и Геи-Земли, вождь титанов и мифологического золотого века на земле. Овладел миром, лишив власти отца, Урана. От Крона титанида Рея родила младшее поколение богов, так называемых Кронидов. Титаны под предводительством Крона потерпели поражение от Кронидов, и Крон был низвергнут Зевсом-Кронидом молниями в тартар. Много позднее был создан миф (см. Эсхил, трилогия «Прометей», оды Пиндара и др.) о том, как Зевс вернул Крона из тартара и сделал его царем островов Блаженства за океаном, то есть не в мире живой жизни, где живут люди и боги, а в мире мертвой жизни.

Крониды — младшее поколение богов, дети Крона и Реи, а также бес-

смертные сыновья и дочери этих богов: Аполлон, Артемида, Арей, Гефест, Дионис и др.

Л

Ладо́н — речной титан и название реки в Аркадии, сын низвергнутого в тартар титана Форкия Старшего, прозываемый Форкий Младший. Поэтому он именуется в сказаниях Форкидом. Принял образ дракона и стал хранителем сада Гесперид (см. *Сад Гесперид*) и его чудесной яблони.

Лакони́я — местность на Пелопоннесе с главным городом Спартой.

Лапíты — титаническое племя древолюдей, обитающее на горах Пелиона (в средней Греции).

Левкíпп — великан Лаконии из рода титанов на Пелопоннесе; его имя связано с сестрами Левкиппидами.

Левкиппíды Фойба и **Гилаейра** — две дочери Леды, титаниды-оборотни, прозванные Белыми Кобылицами.

Лéда — титанида дева-лебедь, мать Левкиппид и Диоскуров.

Лéмнос — вулканический остров в Эгейском море, в недрах которого, согласно мифологии, находилась подземная кузница, где сперва работали киклопы-молотобойцы, а затем, после их убийства Аполлоном, — бог-кузнец Гефест.

Лерне́йский яд — яд убитой Гераклом Лернейской Гидры, дочери титаниды Ехидны. В этом яде Геракл омочил свои стрелы, которые стали губительны даже для бессмертных существ.

Либи́йский — африканский.

Ликорма́с — горный поток в Этолии, богатый порогами, и речной бог этого потока.

Ликúрг Фраки́йский — дионисоборец, павший жертвой безумия, насланного на него Дионисом.

М

Магнези́йские кобылицы — прозваны так по имени Магнезии, местности в пределах Пелионского хребта, где они паслись.

Ма́йя — см. *Гермий*.

Мале́я — гора с пещерой на юге Пелопоннеса, где был ранен стрелой Геракла благой кентавр Хирон.

Мéлос — река. Слово «мелос» означает «песня».

Менéтий — старший брат Прометей и Атланта, за свою сверхмогучесть свергнутый молниями Зевса в тартар.

Мессéния — область на юго-западе Пелопоннеса.

Метíда — титанида, одна из океанид, любимица Земли-Геи, понимав-

шая мысли земли. Ее имя означает «мысль». Победенная в борьбе Зевсом, Метида зачала от него богиню Афину и, будучи беременной, была проглочена Зевсом. Зевсу было предсказано, что Метида родит ему сына, который будет сильнее самого Зевса и его молний, а также родит ему могучую дочь. Плод Метиды-Мысли стал развиваться в голове Зевса. Роды были трудными, и Прометей должен был расколоть череп Зевсу для рождения дочери Метиды-Мысли. Из головы Зевса вышла богиня Афина (см. «Сказание о титаниде Медузе»).

Мидас — лигийский легендарный царь, которому Аполлон дал ослиные уши за то, что он музыкальное искусство Пана оценил выше искусства Аполлона.

Мойры — см. *Клятва Стиксом*.

Мом — сын Ночи, бог Олимпа, прозванный Презрителем, олицетворение саркастического ума. В сказаниях: «правдивый ложью», так как полагал, что в основе существования лежит ложь.

Море Крона находилось в западной части Средиземного моря, близ океана.

Н

Наяды — нимфы озер, рек и ключей.

Немертея — титанида, дочь Нереея, морского титана и бога морей. Самая правдолюбивая из nereид.

Немея — область Пелопоннеса.

Нереиды — бессмертные морские нимфы, дочери правдолюбивого титана Нереея, морского бога. Не следует их смешивать с океанидами — дочерьми титана Океана. Самой знаменитой nereидой в мифологии была Фетида, жена героя Пелея, мать Ахилла.

Несс — последний кентавр на земле, перевозчик через поток Эвэн. Согласно мифу, был убит впоследствии Гераклом.

Нефела — богиня облаков в Олимпийском пантеоне, титанида по происхождению.

Нимфы — божественные девушки титанического происхождения, низшие божества. Некоторые из них были только относительно бессмертны. Таковы дриады, умирающие вместе с деревом, в котором они жили.

О

Обманы — обманчивые сны, вылетающие из преисподней через ворота из слоновой кости. Им противопоставляются вещие сны, вылетающие через роговые ворота.

- О г и г í я — Беóтия (в средней Греции).
- О й г л а — см. *Коронида*.
- О к е а н — 1. Мировая река, обтекающая землю, которая отделяет мир живой жизни, где обитают боги и смертные, от мира мертвой жизни, где обитают Тени умерших. 2. Океан (с прописной буквы) — древнейший титан, владыка Мировой реки.
- О к е а н í д ы — титаниды, дочери Океана и Тефиды.
- О л í м п — гора, местопребывание богов, позднее — небо.
- Ó м ф а л о с — пуп земли, местом нахождения которого считались Дельфы.
- О р е á д ы — горные нимфы.
- О р и ó н — великан-охотник; был обращен в звездного охотника, преследователя Плеяд. Согласно мифу, за беспощадное истребление зверей на земле, по жалобе Земли-Геи, был убит стрелой богини Артемиды-Охотницы, то есть был низвергнут в тартар. Моральное обвинение Ориона для оправдания его уничтожения указывает на то, что эта версия возникла позднее, из эпизода, взятого из Титаномахии: борьбы Кронидов с титанами.
- О с с а — гора рядом с Пелионом и Олимпом.

П

- П а н д é й я — богиня полуденной поры.
- П а л л á д а — прозвище богини Афины.
- П а н и к а — стремительное бегство стад, испуганных голосом Пана.
- П е л é й — фессалийский герой-полуобог, ученик мудрого кентавра Хирона, участник охоты на Калидонского вепря. Состоял в безмолвном браке (см. *Безмолвный брак*) с nereидой Фетидой против ее воли. Отец Ахилла.
- П е л и ó н — горный хребет в Фессалии, северный центр мифологических сказаний. На Пелионе, согласно легенде, находилась знаменитая пещера кентавра Хирона, забитая камнем.
- П е л о п — герой-полуобог, сын Тантала, древнего титана, бога лидийской горы Сипил.
- П е р ú н — молниевое орудие Зевса, заряжаемое снарядами-молниями, которые изготовляли Зевсу Киклопы в подземной кузнице. Впоследствии перун и молнии отождествлялись.
- П е р с а — мать океаниды Каллироэ, родившая красавицу-Чудодеву Ехидну.
- П е р с é й — герой-полуобог, сын Зевса (Золотого Дождя) и Данаи, убийца Медузы.
- П í л о с — город в Элиде, на Пелопоннесе.

- П и р ф о р о с** — предвестник Эос-Зари: конь и юноша на коне, выезжающий первым на небесную дорогу под утро.
- П и т ф е й** — вождь древолюдей-лапитов, отец Эфры, матери Тезея, и воспитатель Тезея.
- П л е я д ы** — звездные девушки-титаниды, дочери титана Атланта. Семизвездие, в котором шесть звезд сверкают алмазным блеском, а седьмая звезда (Меропа) тускло мерцает.
- П о с е й д о н** — владыка вод, брат Зевса, из рода Кронидов.
- П р а б о г и** — доолимпийские боги, поборовшие исполинов.
- П р о к р у с т** — великан на Истме, враг древолюдей-лапитов, убитый Тезеем. Всем известное сказание о ложе Прокруста — отголосок древней, исчезнувшей народной сказки. Прокруст — дровосек-пильщик; ложе Прокруста — козлы; путники, которых он клал на козлы, — бревна. В мифе пильщик-дровосек превратился в жестокого царя Прокруста, который кладет на кровать всех путников, проходящих через Истм. У кого из путников ноги были длиннее кровати, у тех он их отпиливал, у кого были короче кровати, тем он их вытягивал. Тезей, воспитанник муже-сосны Питфея и сын его дочери Эфры, расправился с истребителем древолюдей. В позднейшем мифе он побеждает жестокого царя-Грабителя.

Р

Р е я — см. *Крон*.

С

С а д Г е с п е р и д. — О судьбе сада Гесперид предание сохранило нам два варианта. По одному из них, сам Геракл вступил в волшебный сад, убил дракона Ладона, вырвал чудесную яблоню, засыпал ключ Бессмертия и опустошил сад. По другому варианту, Геракл последовал совету Прометея, освобожденного им от мучителя-коршуна или орла, и попросил Атланта-Небодержателя принести ему из сада Гесперид три золотых яблока, сам же во время отсутствия Атланта поддерживал небосвод. Зная, что Геракл — истребитель всего титанического на земле, Прометей опасался, что Геракл убьет титана Ладона-дракона и уничтожит яблоню. Последующая часть сказания — о том, как Атлант, вернувшись из сада, не захотел взять на себя тяжесть неба и как Геракл мнимо согласился остаться небодержателем, но только попросил титана взять на плечо небосвод, пока Геракл поправит съехавшую с плеча так называемую подушку (часть колонны), и перехитрил Атланта, — является позднейшей версией.

Салмоней — титан-богоборец, брат Сизифа. Он имитировал Молниевержца и Громовержца Зевса и был низвергнут молниями Зевса в тартар. Версия об имитировании Зевса — более поздняя, созданная как предлог, чтобы объяснить низвержение Салмоная в тартар за богохульство.

Сизиф — солнечный титан, низвергнутый в тартар. Сказка о хитреце Сизифе, прожившем две жизни, связана со сказанием о Сизифе, ставшем смертным. Имеются две версии сказки «Сизиф и Смерть». Первая версия: Сизиф сковывает пришедшую за ним Смерть. Все живое в природе перестает умирать. Неумирание превращается в бедствие. Зевс посылает Арея — войну — освободить Смерть из заточения. Арей освобождает Смерть — демона Таната — и передает ей Сизифа.

Вторая версия: Сизиф, умирая, завещает своей жене, Меропе, не приносить богу Аиду обычных даров и не погребать его труп. Разгневанный Аид, не получив обычных даров, посылает тень хитреца, обвинившего свою жену в нерадении, из подземного мира к его жене за дарами. Тень Сизифа входит в свое тело, и царь начинает жить вторично. Умирает он от старческой слабости.

Сирены. — Древние музы мира титанов, воспевавшие некогда Крона и Рею, были обращены богиней Деметрой в полудев-полуптиц после победы Кроноидов над титанами.

Сирец — остров, где была заколдована часть кентавров, бежавших от стрел Геракла.

Сова мудрости — эмблема Афины, териоморфический образ богини Афины.

Сперхей — речной титан и река в северной Греции.

Стикс — подземная титанида, дочь Тартара, и одноименная река забвения в преисподней.

Сюринга — музыкальный губной инструмент, сложенный из тростниковых трубочек.

Т

Тайгет — горный титан и одноименный горный хребет на Пелопоннесе.

Тайгета — титанида, одна из Плеяд.

Тартар. — Тартар, как и аид, — области преисподней. Тартар лежит под аидом. В аиде обитают тени смертных, в тартаре — низверженные бессмертные существа, древние титаны, под охраной Сторуких.

Тартесса — сказочный, чудесный город близ пределов Атланта. Местонахождение егоистики относят к устью реки Гвадалквивир, близ серебряных рудников. Название «Тартесса» вошло в поговорку для обозначения баснословного богатства.

- Телém** — благой Киклоп-врачеватель.
- Тенáр** — глубокое ущелье на юге Пелопоннеса; согласно мифологии, спуск в ад.
- Тесфíда** — супруга титана Океана и мать океанид.
- Тиндарéй** — по прозвищу Потрясатель, лаконский титан-великан. Легендарный муж Леды, матери Елены Спартанской. Тиндарей — зпитет Зевса.
- Тирíнф** — город на Пелопоннесе, где царил Эврисфей, по приказанию которого Геракл совершил свои двенадцать подвигов.
- Тирс** — в сказаниях волшебный посох бога Вакха-Диониса, изготовленный ему Киклопами-кузнецами; оружие Вакха в борьбе с гигантами.
- Титáны** — бессмертные дети матери-Земли Геи и Неба-Урана, старшее поколение богов. К числу древнейших титанов принадлежат упоминаемые в сказаниях Океан, Гиперион, Япет, Крон, Фóркий, а также титаниды Рея, Тесфида и др.
- Тифо́й** — чудовищный сын Геи-Земли, противник Зевса и второй муж Ехидны.
- Тритóн** — титан-великан. В сказаниях — бог озера. Он — с рыбьим хвостом. Позднее, в олимпийской мифологии, выступал как сын Посейдона и Амфитриды.
- Тритóны** — морские сатиры, преследователи nereид.

У

Уранíды — дети Урана. Прозвание титанов, особенно астральных.

Ф

- Феáки** — блаженный народ титанического племени, о котором рассказано в «Одиссее».
- Фéникс** — 1. Фессалийский герой-полубог, ослепленный смертными, а затем исцеленный от слепоты кентавром Хироном, его наставником.
2. Сказочная птица, сперва сгорающая, а затем возрождающаяся из собственного пепла.
- Фетíда** — см. *Нереиды*.
- Филомéла** — царевна, превращенная в соловья, после того как у нее был отрезан язык.
- Форкíд** — см. *Ладóн*.
- Фóркий** — Форкий Старший, древнейший морской титан, муж Пучины-Кетó, отец Горгон и Грай. Форкий Младший — его сын, речной титан Аркадии, именуемый Ладóном (см. *Ладóн*). Форкий Младший в образе дракона стал хранителем золотых яблок в саду Геспе-

рид. Золотые яблоки должны были после Гигантомахии омолодить и вернуть красоту свергнутым в тартар титанам в случае победы гигантов над богами Кронидами.

Х

Хейрогастеры — см. *Киклопы*.

Хризабр — сын Медузы, рожденный ею вслед за Пегасом в то мгновение, когда Персей отсекал ей голову. Отец титаниды Ехидны, муж Каллироэ.

Хромец — см. *Гэфест*.

Э

Эвэн — бог одноименного потока в Мессени.

Эгйда — косматая козья шкура с ликом Горгоны, которая обтягивала грудь Зевса-грозовика. Эту шкуру Зевс содрал со своей кормилицы Айги, химерообразного чудовища. Косматая шкура — олицетворение грозовой тучи.

Эгина — нимфа-титанида, дочь водяного титана Асопа, похищенная Зевсом, мать героя Эака (см. *Асопиды*).

Элизий — загробное место блаженства в мире мертвой жизни.

Эол — бог ветров, титан.

Эопа — местность близ Коринфа, центра сказаний о солнечных титанах.

Эреб — мрак преисподней.

Эридан — см. *Гелий*.

Эриманф — гора в Аркадии, изобилующая вепрями.

Эрфия — 1. Красный остров, или остров Заката, в океане. На этом острове жил трехтелый великан Гернион, убитый Гераклом. 2. Имя одной из Гесперид.

Этолия — область на западе средней Греции, севернее Мессени.

Эхо — горная нимфа, олицетворение эхо.

Эхионы — потомки змееногих.

Я

Язон — герой-полубог, ученик кентавра Хирона, впоследствии вождь Аргонавтов.

Япет — один из древнейших титанов, низвергнутый во время Титанома-

хии Зевсом в тартар. Отец самых могучих и мудрых титанов-зевсоборцев — Прометей, Атланта и Менэтия, носителей мятежного духа, непримиримых противников богов. Поэтому его сыновья называются Япетидами. Тысячелетия страданий не смогли сломить их мятежной титанической воли.

ЯКОБ ГОЛОСОВКЕР

Такая подпись обычна в рукописях и в дарственных надписях писателя и философа Якова Эммануиловича Голосовкера. Голосовкер родился в Киеве в семье хирурга 23 августа (4 сентября по новому стилю) 1890 года. Скончался в Москве 20 июля 1967 года. Могильный его памятник на кладбище подмосковного Переделкина — напротив захоронения Бориса Пастернака.

Голосовкер получил классическое образование в Киевском университете, выступил впервые в печати в 1913 году. После событий 1917 года переехал в Москву. Сначала был организатором школьного образования, а затем до конца 1920-х годов читал в вузах лекции по истории древнегреческой литературы, античной эстетике и философии. Голосовкер мыслил себя «классиком» в самом широком понимании этой ученой специальности — т. е. не только знатоком древнегреческого и латинского языков, но и литературы, философии, культуры античности в целом и античной проблематики в мировой культуре последующих эпох, переводчиком и комментатором древних текстов, сочинителем литературно-художественных произведений на темы античности.

Голосовкеру и после переворота оставался дорог мир идей, в основе которых были представления, сложившиеся прежде. И потому ему приходилось зарабатывать на жизнь в основном трудом переводчика. Первым перевел произведения немецкого классика конца XVIII в. Гельдерлина, «Так говорил Заратустра» Ницше (текст этот еще не издан).

В 1936 году Голосовкера арестовали. Три года он провел на каторге в Воркуте. Право московской прописки ему вернули лишь в 1943-м. В эти годы он познал и трагедию гибели от стихии огня своих произведений: художник, которому доверил накануне ареста рукописи, умирая, сжег их. Во время войны сгорела наша дача (Я. Г. был братом

моей матери), где хранились другие рукописи. И он занялся мучительным восстановлением утраченного. В какой-то мере восстановлено было прозаическое произведение, действие которого происходит в Москве конца 1920 года, — оно напечатано под названием «Сожженный роман» в журнале «Дружба народов», № 7 за 1991 год, и переводится на иностранные языки. В 1963 году издана книга «Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». В 1991 году в четвертом номере журнала «Русская литература» напечатано эссе о произведении Лермонтова «Штосс». Посмертно — однако не полностью — издан и главный философский труд Голосовкера «Имагинативный абсолюте» — сочинение о механизме и значении творческого воображения. Философ полагал, что воображение — это высший разум и что непонятное уму познают воображением. С выходом в 1987 году книги «Логика мифа» имя автора сразу же вошло в сонм оригинальных мыслителей нашего столетия.

В послевоенные годы Голосовкер более всего был известен трудами в сфере культуры античности. Изданы его книги переводов «Гораций. Избранные оды», «Поэты-лирики Древней Эллады и Рима». В Детгизе выходят написанные ритмической прозой «Сказания о титанах» (дважды: в 1955 и 1957 годах), отдельно «Сказание о кентавре Хироне» (1961). В них в литературно-художественной форме, опираясь на знания, накопленные наукой, философ предпринял попытку восстановить утраченные древнеэллинические мифы. Ученые высоко оценили и научное значение труда. Об этом написал А. П. Каждан в некрологе, посвященном Голосовкеру, в «Вестнике древней истории», № 2 за 1968 год. Подготовлена к печати и хранится в архиве огромная антология переводов произведений поэтов древних Греции и Рима, охватывающая почти полтора тысячелетия античной культуры и одновременно двести лет искусства русского перевода. Составлен был проспект

и антология «Античный мир в русской поэзии».

Смыслом жизни философа была его творческая работа. Ей отдал он все силы и потому более всего дорожил своей свободой, независимостью духа, и сочинения его большей частью оставались ненапечатанными при жизни. Незаурядный человек был наделен и незаурядной внешностью. Об этом образно писал знаменитый востоковед и историк культуры академик Н. И. Конрад, много способствовавший изданию трудов Голосовкера: «Все мы — писатели, ученые — в меру образованны, в меру талантливый, но обыкновенны. Он же — ученый, писатель — необыкновенен. Как и его внешний облик: голова Маркса с глазами Тагора».

С. О. Шмидт

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	5
ПРЕДВАРЕНИЕ	9

СКАЗАНИЕ О ТИТАНЕ АТЛАНТЕ

ЧАСТЬ I

Сказание о титане Атланте и о Счастливой Аркадии	17
--	----

ЧАСТЬ II

Сказание о Геракле, о титане драконе Ладоне и о золотых яблоках Гесперид	37
--	----

СКАЗАНИЕ О ТИТАНИДЕ ГОРГОНЕ МЕДУЗЕ И О СЫНЕ ЗОЛОТОГО ДОЖДЯ

Сказка о мире мертвой жизни за океаном. Пролог	67
--	----

ЧАСТЬ I

Сказание о титаниде Горгоне Медузе	71
--	----

ЧАСТЬ II

Сказание о сыне Золотого Дождя	86
--	----

СКАЗАНИЕ О ЗМЕЕДЕВЕ ЕХИДНЕ, О СТРАШНОМ САТИРЕ АРКАДСКОМ И О МНОГОГЛАЗОМ АРГУСЕ ПАНОПТЕ

Сказание о титаниде Змеедеве Ехидне и о многоглазом Аргусе Панопте	99
Сказка о раковине Айгипана и о бегстве горных титанов	107
Сказание о титаниде Змеедеве Ехидне и о Страшном Сатире Аркадском	109

Сказание об убийстве многоглазым Аргусом Паноптом Страшного Сатира Аркадского и титаниды Змееды Ехидны	115
Сказка о лунном серпе и о казни многоглазого Аргуса Гермием по повелению Зевса	122

СКАЗАНИЕ О БРАТЬЯХ АФАРИДАХ И ДИОСКУРАХ

Сказание о неистовом Идасе и о речной нимфе Марпессе	127
--	-----

СКАЗАНИЕ О БОРЬБЕ БРАТЬЕВ АФАРИДОВ, ИДАСА И ЛИНКЕЯ, С БРАТЬЯМИ ДИОСКУРАМИ, КАСТОРОМ И ПОЛИДЕВКОМ

Сказание о серебряном яйце Леды и о похищении лебединых дев Левкиппид Диоскурами	140
Сказание о трех братьях титанах-великанах Афарее, Левкиппе и Тиндарее и о зоркооком Линкее	147
Сказание о борьбе Афаридов с Диоскурами, похитителями Левкиппид, коней-лебедей, и коровьего стада	153
Сказание о бое Афаридов с Полидевком у могильного камня	164

СКАЗАНИЕ О ТИТАНЕ КЕНТАВРЕ ХИРОНЕ

ЧАСТЬ I

СКАЗАНИЕ О ТИТАНЕ КЕНТАВРЕ ХИРОНЕ-ВРАЧЕВАТЕЛЕ И ОБ АСКЛЕПИИ, МАЛЬЧИКЕ-БОГЕ

Сказание о нимфе Харикло и об ослеплении ее сына, Тиресия	175
Сказание о юных великанах Алоадах	180
Сказание о смерти Харикло, жены Хирона, и о его юных питомцах, Актеоне и Язоне	185
Сказание о мальчике-боге Асклепии и об оксаниде Филюре	188
Сказание об охоте на Железного Вепря	192
Сказание об охоте на Железного Вепря и о подвиге мальчика-бога Асклепия	195

Сказание о волшебных письменах дождя и о возвращении глаз Хироном ослепленному герою-полубогу Фениксу	200
Сказание о двух корнях познания	205
Сказание о Меланиппе, девушке-кентавре	208
Сказание о мысли Асклепия у грота речной нимфы Окирроэ .	212
Песня Окирроэ об Ойгле-Корониде, дочери огненного Флегия, и о белом вороне	214
Сказание о каре, постигшей нимфу Окирроэ, и об огненном клубне жизни	219

ЧАСТЬ II

ИЗГНАНИЕ ХИРОНА С ПЕЛИОНА

(Фессалийская кентавромахия)

Сказание о том, как покинули Хирона его питомцы, и о гибели Актеона-охотника	223
Сказание о битве кентавров с древолюдьми-лапитами и об изгнании Хирона с Пелиона	229

ЧАСТЬ III

СКАЗАНИЯ ОБ ИСТРЕБЛЕНИИ ГЕРАКЛОМ КЕНТАВРОВ НА ГОРЕ ФОЛОЕ И ГОРЕ МАЛЕЕ, О РАНЕНИИ БЕССМЕРТНОГО КЕНТАВРА ХИРОНА И О ЕГО ДОБРОВОЛЬНОЙ СМЕРТИ

(Пелопоннесская кентавромахия)

Сказание о гостеприимном кентавре Фоле и о битве Геракла с дикими кентаврами на горе Фолое и горе Малее	249
Сказание о ранении бессмертного Хирона стрелой Геракла, о зеле- ной кобылице, о змее Каллироэ и о пьяном музыканте Силене	255
Сказание о посещении Киклопом-врачевателем Телемом стра- дальца Хирона на Малее	259
Сказание о ночной беседе в пещере на Малее кентавра Хирона, киклопа Телема, Геракла, прозревшего Феникса-полубога и Силена	267
Сказание о низвержении Зевсом бога Асклепия и об убийстве Аполлоном ковачей молний, подземных Киклопов	271
Сказание о лишении богами Тиресия дара прозрения, о громких делах Геракла и о его дарах Хирону	278
Сказание о хождении Хирона на поиски тела Асклепия и о тихом деле Геракла	283

Сказание о последней беседе друзей Хирона в пещере на Малее	292
Сказание о добровольной смерти бессмертного кентавра Хирона и о его предсмертных дарах	300
Сказание о схождении Хирона, сына Крона, в аид и о том, как ему поклонились Жизнь и Смерть	306
Сказка о пленении юными великанами Алоадами бога войны Арея	310

ПРИЛОЖЕНИЕ

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ	314
ЯКОБ ГОЛОСОВКЕР :	328

Литературно-художественное издание
для СТАРШЕГО ВОЗРАСТА
Голосовкер Яков Эммануилович
СКАЗАНИЯ О ТИТАНАХ

Ответственный редактор
Н. М. Кожемякина

Художественный редактор
А. Б. Сапрыгина

Технический редактор
Н. Ю. Крапоткина

Корректоры
Л. В. Савельева
и *Е. А. Сукьясян*

ИБ № 12719

Сдано в набор 11.12.91. Подписано к печати 21.12.93.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1. Шрифт академический. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,64. Усл. кр.-отт. 18,7.
Уч.-изд. л. 15,29. Тираж 100 000 экз. Заказ № 7490. С 002.
Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательство «Детская литература» Мининформпечати
РФ. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»
Мининформпечати РФ. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Художник Ю. Киселев
Суперобложка О. Богомоловой

Голосовкер Я. Э.

Г61 Сказания о титанах/Художн. Ю. Киселев.— М.:
Дет. лит., 1994.— 334 с.: ил.

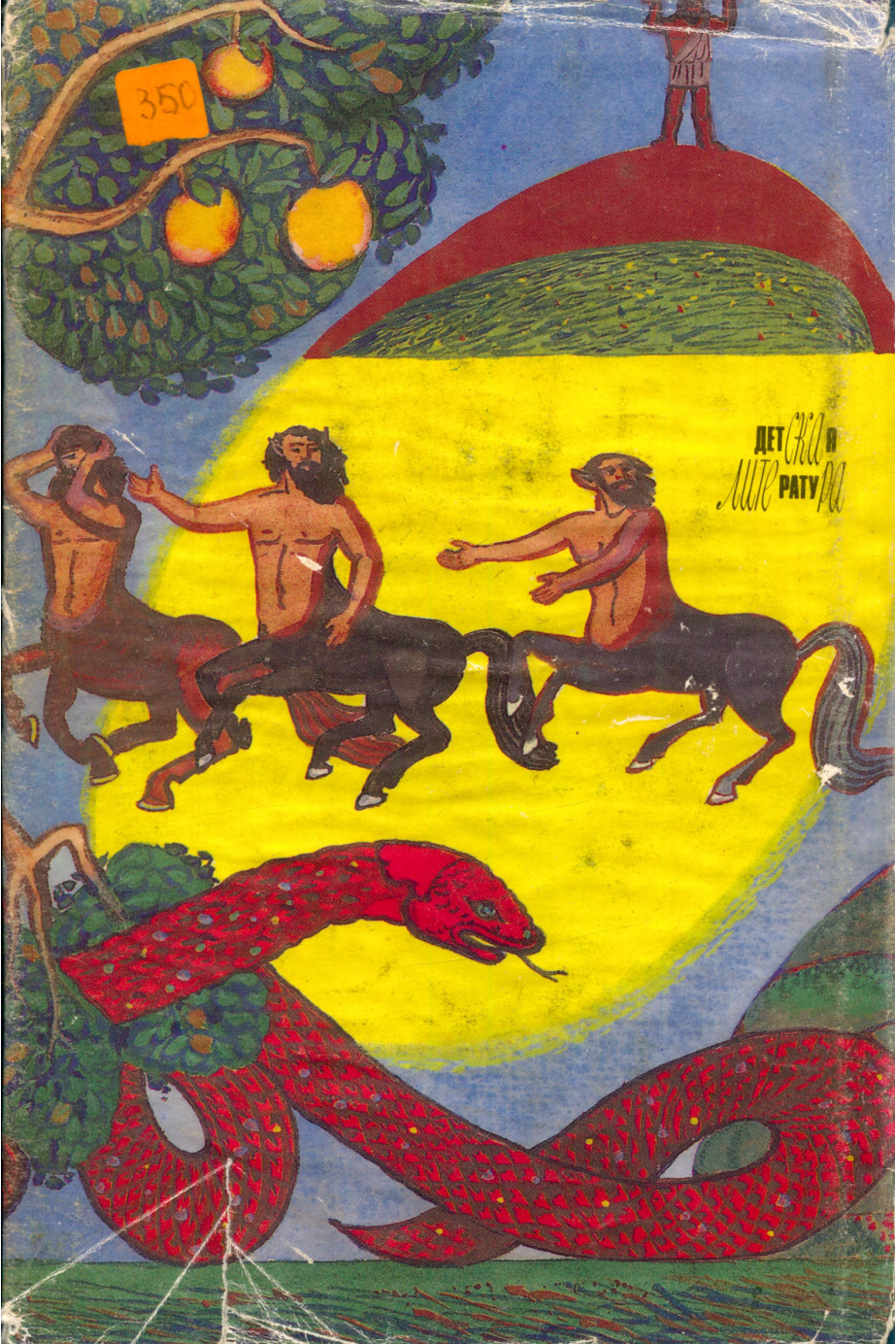
ISBN 5-08-002325-2

Я. Э. Голосовкер (1890—1967) — писатель, ученый, философ нашего времени — по уцелевшим осколкам мифологического наследия древних греков восстановил и выразил в литературно-художественной форме утраченные сказания, отражающие самое раннее детство творческой мысли эллинов. Сказания о титанах служат как бы вступлением ко всему эпосу древнеэллинского мира с его героической мифологией. Самые великие мысли человечества, возникшие в воображении поэта при первых лучах познания природы и взаимоотношения людей, самые потрясающие душу чувства были запечатлены в этих сказаниях с такой необычайной мощью и образностью, на которую способно лишь воображение мифотворческое, предвосхищающее идеи и открытия грядущей науки.

Г 4803010201—002 Без объявл.
М 101(03)-94

ББК 84 P1

© Богомолова О., суперобложка, 1994
© Шмидт С., об авторе, 1994

350

ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА